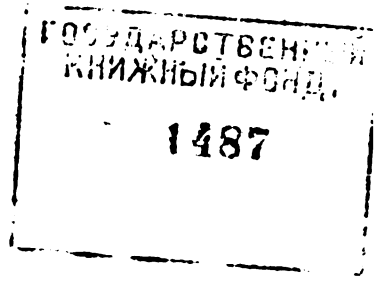

9-й годъ изданія.

ВѢСТНИКЪ ГЕОСОФІИ

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКО-
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЬ.

Satyât Nâsti Paro Dharmah

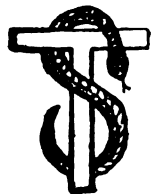
(Нѣтъ религи выше истины).

7 апрѣля.

ПЕТРОГРАДЪ.

1916.

№ 4.

Типографія Б. М. Вольфа, Петроградъ, В. О., Волховской пер., 4 .

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1916 ГОДЪ

на религиозно-философско-научный журналъ

„ВѢСТНИКЪ ТЕОСОФІИ“

ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

- 1) статьи какъ оригинальныя, такъ и переводныя по теософіи, по сравнительному изученію религій, оккультнаму, наслѣдованію психическихъ силъ, скрытыхъ въ природѣ и въ человѣкѣ, по психологій и др. отраслямъ знанія;
- 2) свѣдѣнія о теософическомъ движеніи въ Россіи и за границей и о другихъ родственныхъ духовныхъ и общественныхъ движеніяхъ;
- 3) биографіи выдающихся представителей теософическаго міросозерцанія и общественныхъ дѣятелей;
- 4) художественно-литературный отдѣлъ, какъ отраженіе въ искусствѣ теософическаго міросозерцанія;
- 5) отзывы о книгахъ, поступающихъ въ Редакцію журнала, по вопросамъ теософіи, психологій и др.;
- 6) справочный отдѣлъ, вопросы и отвѣты на вопросы подписчиковъ.

Журналъ выходитъ 7-го числа каждаго мѣсяца, книжками въ форматѣ in 8°, не менѣе пяти печатныхъ листовъ каждая, подъ редакціей **А. А. Каменской** и **Ц. Л. Гельмгольцъ**, при участіи г-жи **А. Безантъ**, *Alba*, **Н. Анамьевой**, **П. Н. Батюшкова**, **А. А. Веселовской**, **М. Ф. Гардениной**, **А. В. Гардеръ**, **Н. К. Герцетъ**, **С. В. Герье**, д-ра **В. В. Гинце**, **Даны**, **С. Дандре**, **А. А. Каменской**, **М. А. Каменской**, **А. В. Корольковой**, **Е. М. Кузьмина**, **В. М. Далетина**, **К. К. Латынина**, **Е. Лубны-Герцыкъ**, **Ю. Ф. Львовой**, **И. В. Манцарли**, **А. Г. Молокина**, **В. А. Молокиной**, **Н. Н. Павлиновой**, **Е. Ф. Писаревой (Е. П.)**, **В. Н. Пушкиной**, **В. И. Рудичъ**, **М. М. Самохвалова**, **М. К. Станюковичъ**, **Д. В. Страндена**, **С. В. Татариновой**, **П. И. Тимофеевскаго**, **Л. М. Тичъ**, **Н. А. Трофименко (Дмитріевой)**, **А. В. Унковской**, **О. М. Фаминицной**, **Н. И. Эрасси**, **Эссель** и др.

Въ теченіе года предполагается помѣстить нижеслѣдующія статьи: „Тайная Доктрина“, **Е. П. Блаватской**, (Извлеченія). „Оккультная химія“, **А. Безантъ**. „Эзотерическое христіанство“, **А. Безантъ** (извлеченія). „Скрижали достоверности“, **Без-Улла**. „Книга Учителя“, **Адамса**. Статьи по оккультизму, **Ч. Ледбитера**. „Чему мы будемъ учить“, **С. Джинараджадаза**. „Воспоминанія“, **А. Унковской**. „Вѣянія Египта“, **Ч. Ледбитера**. „Орфическіе гимны“, пер. съ греческаго, **Н. Павлиновой**. „Письма къ читателю“, „Друга читателя“. Кромѣ того пойдетъ рядъ оригинальныхъ статей сотрудниковъ Редакціи по вопросамъ сравнительнаго изученія религій, педагогики, философіи, искусства и др. отдѣламъ.

Въ теченіе двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ (іюнь и іюль) журналъ не выходитъ.

Цѣна 6 руб. въ годъ съ доставкой и пересылкой въ предѣлахъ Россійской Имперіи, за 6 мѣсяцевъ — 3 руб. 50 коп., за 3 мѣсяца — 2 руб. 20 к. Отдѣльный № 75 к. За перемѣну адреса городского на городской — 20 к., городского на иногородній и обратно иногородняго на городской — 60 к.

Подписка за границу принимается только годовая: цѣна 10 руб.

Подписка для иногороднихъ только черезъ Контору Редакціи.

Городская подписка принимается въ Конторѣ Редакціи (Петроградъ, Ивановская, 22, кв. 24) ежедневно, кромѣ субботы и праздничныхъ дней, отъ 2—4 час. дня, а также во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ. Годовая подписка въ разсрочку безъ повышенія цѣны допускается только до 1 января 1916 года.

По дѣламъ редакціи издательница принимаетъ лично по средамъ отъ 4—5 час. дня.

Отъ Редакціи журнала „Вѣстникъ Теософіи“.

Въ виду недостатка краткихъ популярныхъ руководствъ по основнымъ вопросамъ Теософіи, намѣченъ къ изданію рядъ брошюръ, излагающихъ въ сжатой, общедоступной формѣ основныя положенія Теософіи. Въ настоящее время вышли изъ печати шесть первыхъ брошюръ: № 1. „Человѣкъ и его видимый и невидимый составъ“. № 2. „Законъ причинъ и послѣдствій“ (Карма). № 3. Перевоплощеніе. № 4. Сила мысли. № 5. Законы высшей жизни. № 6. Жизнь послѣ смерти. Что такое Теософія?

Статьи, присылаемыя для напечатанія въ „Вѣстникъ Теософіи“, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и исправленіямъ. Рукописи должны быть написаны четко и на одной сторонѣ листа. Рукописи, не востребованныя въ теченіе трехмѣсячнаго срока, уничтожаются.

Во избѣжаніе недоразумѣній съ доставкою журнала Редакція проситъ гг. подписчиковъ заблаговременно **сообщать ей о перемѣнѣ ихъ адресовъ, не позже перваго числа каждаго мѣсяца.**

Заявленія о неполученіи очереднаго № должны быть дѣлаемы не позже полученія слѣдующей книжки журнала, такъ какъ жалобы, заявляемыя по истеченіи этого срока, экспедиція городского почтамта оставляетъ безъ разсмотрѣнія.

„Вѣстникъ Теософіи“ за 1909, 1910, 1911, 1912, 1913, 1914 и 1915 года имѣются для продажи въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ. **Цѣна съ пересылкой по 7 рублей за каждый годъ.**

СОДЕРЖАНІЕ

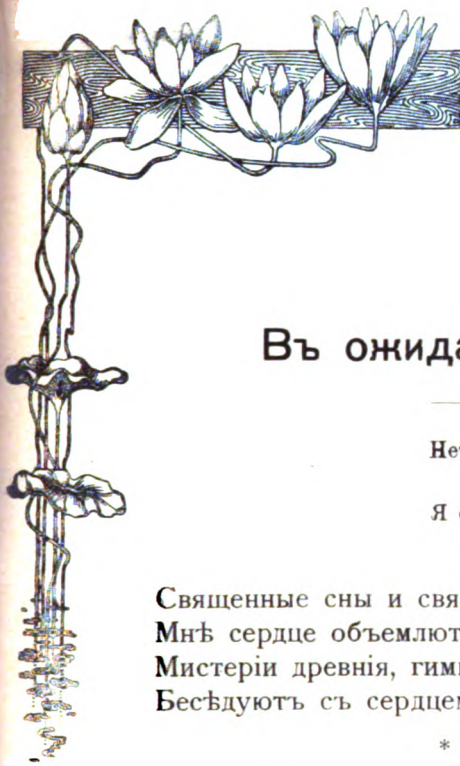
апрѣльской книжки „Вѣстника Теософiи“.

	стр.
1. Въ ожиданiи зари, стихотворенiе, Іаазъ д'Обро	7
2. На сторожевомъ посту, А. Каменской	9
3. Цѣнность теософическихъ ученiй для человѣческой жизни. Е. Писаревой	14
<i>Отдѣлъ художественный и биографическій.</i>	
4. За стѣной	27
5. Воспоминанiя, А. Унковской	31
6. Страничка изъ автобіографiи, А. Погосской	40
<i>Отдѣлъ сравнительнаго изученiя религiй.</i>	
7. Орфическіе гимны, пер. съ греч. Н. Павлиновой	51
8. Скрижали Учителя или египетское ученiе о Свѣтѣ, рожденномъ отъ Матери-Дѣвы, В. Адамса, пер. В. Пушкиной	53
9. Книга Достовѣрности Бэха-Уллы, пер. А. Веселовской	60
<i>Отдѣлъ оккультизма.</i>	
10. Воспоминанiя, Ч. Ледбитера, пер. В. Лалетина	65
11. Интуиція и импульсъ, Ч. Ледбитера, пер.	74

12. Современная наука и вопросъ объ Атлантидѣ, пер. А. Львова	76
13. Письма къ читателямъ, Друга читателя	88
14. Обзорѣніе теософической литературы, В. Пушкиной	95
15. Хроника теософическаго движенiя, Аlба	100
16. Педагогическія замѣтки, М. Гардениной	105
17. Отзывы о книгахъ, М. Гардениной	112
18. Изъ Тайной Доктрины	97

SOMMAIRE d'AVRIL.

	Pages.
1. Poésie: „Attente de l'aurore“, X.	7
2. A l'avant-poste, A. Kamensky	9
3. Valeur de la Théosophie, H. Pissareff.	14
<i>Biographies et lettres.</i>	
4. Derrière le mur, (S.)	27
5. Réminiscences, A. Ounkovsky	31
6. Page biographique, A. Pogossky	40
<i>Etude comparée des religions.</i>	
7. Hymnes d'Orphée, tr. du grec par N. Pavlinoff . . .	51
8. Livre du Maître, V. Adams	53
9. Beha-Ulhah (Livre de la certitude) tr. par A. Vesselovsky	60
<i>Occultisme.</i>	
10. Réminiscences C. Leadbeater.	65
11. Intuition et impulsion, C. Leadbeater.	74
<hr/>	
12. La science contemporaine et la question de l'Atlantide. .	76
13. Lettre de l'Ami du lecteur	88
14. Revue de la littérature théosophique par B. Poushkine.	95
15. Chronique du mouvement théosophique, Alba	100
16. Notes pédagogiques, M. Gardenine.	105
17. Bibliographie, par M. Gardenine.	112
18. Doctrine Secrète, par H. Blavatsky.	97
Aphorismes tirés des Saintes Ecritures égyptiennes.	
<hr/>	

Въ ожиданіи Зари.

Нетлѣнный Твой духъ пребываетъ во всемъ.
(Кн. Прем. Сол. XII, 1).

Я есмь звѣзда свѣтлая и утренняя.
(Откр. XX, 16).

Священные сны и священные грезы
Мнѣ сердце объемлютъ, и сердце дрожить...
Мистеріи древнія, гимны и розы
Бесѣдуютъ съ сердцемъ и сердце горить...

* * *

Незримая сила повсюду таится—
Въ животныхъ, растеньяхъ, металлахъ, камняхъ;
И пламень божественный всюду хранится—
Въ родимой землѣ и небесныхъ тѣлахъ.

* * *

Гармонія льется всемірно-безбрежная
Тайны священной и сладкой полна;
Безмолвно твердитъ о ней даль безмятежная
Синихъ небесъ и морская волна.

* * *

И вопли смятенные бури гнѣвливой,
И ясная кротость лазурныхъ очей,
И говоръ алмазныхъ ручьевъ торопливый,—
Полно все таинственныхъ Духа огней.

* * *

О, Духъ огневодный, нетлѣнный и вѣчный!
Ты мудрость обильно въ твореньяхъ излилъ;

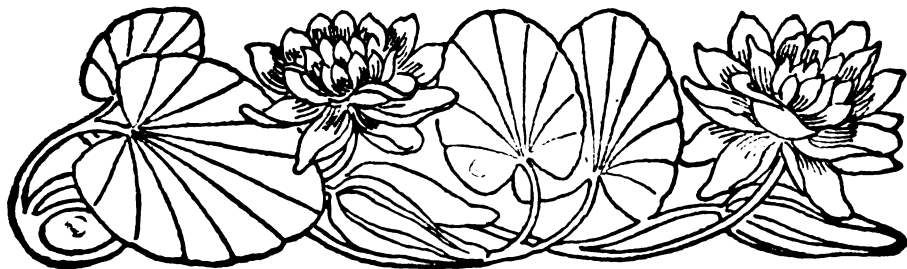
Но свѣтлое око любви безконечной
 Въ сердцахъ посвященныхъ сыновъ Ты раскрылъ.

* * *

О, Духъ свѣтносный, денница святая,
 Сердца намъ очисти, умы озари—
 Въ восторгѣ священномъ и духомъ пылая,
 Мы радостно выйдемъ на встрѣчу Зари!

Іазъ д'Обро.

На сторожевомъ посту.

„Матеріаламъ уходить“...

А. Безантъ.

Въ концѣ января с. г. произошло рѣдкое небесное явленіе: соединеніе планетъ Венеры и Юпитера (31 января). Обѣ планеты были настолько близки другъ къ другу, что ихъ можно было наблюдать одновременно въ полѣ зрѣнія телескопа. Соединеніе произошло въ созвѣздіи Рыбъ.

По этому поводу появилась интересная замѣтка Д. Святскаго, въ Рѣчи ¹⁾.

Авторъ напоминаетъ намъ, что такія астрономическія явленія считались въ древности чрезвычайно важными знаками для чело-вѣчества. Рожденію Моисея предшествовало соединеніе планетъ въ созвѣздіи Рыбъ. Знаменитый астрономъ Кеплеръ доказывалъ, что Вифлеемская звѣзда была соединеніемъ Юпитера и Сатурна въ созвѣздіи Рыбъ. Смерти Ивана Грознаго также предшествовало небесное знаменіе.

* * *

Въ печати за послѣднее время появилось нѣсколько интересныхъ книгъ и брошюръ, свидѣтельствующихъ о пробужденіи болѣе духовнаго возрѣнія ученыхъ на жизнь и на природу и указывающія на несомнѣнное побѣдное шествіе Идеализма во всѣхъ областяхъ жизни.

Брошюра „Знаніе и вѣра въ физикѣ“, О. Д. Хвольсона ²⁾ воспроизводитъ вступительную лекцію заслуженнаго профессора къ своему обычному курсу.

¹⁾ Январь, 1916 г., № 22 Рѣчи.

²⁾ Заслуженнаго профессора Петроградскаго университета.

Призывая своихъ слушателей къ серьезному изученію научныхъ законовъ, авторъ указываетъ, что знаніе и вѣра тѣсно переплетаются въ наукѣ, и что было бы большой ошибкой,—во имя науки, — отказываться отъ вѣры. „Я хочу оградить васъ отъ ошибочныхъ, скороспѣлыхъ выводовъ, говорить снѣ, отъ невѣрнаго толкованія матеріала науки; я хочу предупредить неправильное съ вашей стороны возвеличеніе знанія и умаленіе вѣры“...

Прежде всего знаніе, основанное на личномъ опытѣ, бываетъ иногда невѣрно построено, ибо нашъ опытъ и наблюденія бываютъ ошибочными. Съ другой стороны оно построено на довѣриі къ воспріятію нашихъ органовъ чувствъ, къ нашей способности наблюдать, т. е. на довѣриі къ самому себѣ. Если источникомъ знанія является сообщеніе другого лица, то ясно, что знаніе уже цѣликомъ основано на довѣриі, т. е. на вѣрѣ въ субъективную добросовѣстность источника и въ объективную правильность сообщаемого. Такое знаніе нераздѣльно связано съ вѣрой.

Авторъ даетъ рядъ интересныхъ случаевъ неправильныхъ наблюденій и невѣрныхъ заключеній представителей науки; указываетъ на многія противорѣчія и приходитъ къ убѣжденію, что въ законы мы должны и можемъ только вѣрить. Безъ гипотезъ нельзя двигаться впередъ. Если мы опираемся только на факты и на цѣпь фактовъ, то въ концѣ-концовъ, намъ всетаки придется сдѣлать предположеніе о существованіи въ природѣ какой-либо силы или свойства вещества, которыя являются основной причиной ихъ всѣхъ. И такимъ образомъ, мы входимъ въ область чистой вѣры.

Авторъ кончаетъ мыслью, что преувеличенное отношеніе къ знанію приводитъ къ недомыслию, узости и къ маніи умственного величія. „На такой почвѣ выросъ тотъ печальный плодъ научнаго недомыслия, который называется матеріализмомъ и который въ настоящее время уже кончаетъ свое бесплодное существованіе“... 1). Профессоръ призываетъ къ вѣрѣ въ значеніе своего внутренняго опыта и своихъ личныхъ переживаній, которыя даютъ вѣру въ себя и въ Бога. „Запомните навсегда, говоритъ онъ, ту роль, которую въ наукѣ играетъ вѣра, и сохраните навсегда въ себѣ этотъ чудный даръ—способность вѣрить, безъ котораго жизнь невозможна 2)“!

* * *

1) Стр. 14.

2) Стр. 16.

Въ статьѣ „О наукѣ и нравственности“¹⁾, покойный Анри Пуанкаре доказываетъ, что научной нравственности быть не можетъ и что безнравственной науки также не должно быть. Наука и этика должны слиться, ибо задача научной мысли—содѣйствовать нравственному воспитанію человѣчества. Поэтому она должна владѣть силой вдохновляющей, она должна быть идеалистично настроена. Она должна поднять насъ надъ мелочными, эгоистическими интересами обыденной жизни и дать намъ почувствовать чудесную гармонию космическихъ законовъ, и поставить передъ нами идеаль гармоніи. Тогда человѣкъ получитъ нѣчто, на чемъ можно строить нравственность: „онъ получитъ идеаль, который возлюбитъ болѣе себя самого“...

* * *

Брошюра д-ра К. Е. Островскаго²⁾: „Объединеніе религій и науки, школы и жизни“³⁾ дѣлаетъ попытку объединить законъ солнца и законъ жертвы и любви, примирить Бога всесильнаго—науки и Бога любви—религій.

Брошюра написана отрывисто, съ неожиданными переходами отъ физической области къ духовному плану и наоборотъ, съ большой переоцѣнкой физиологическаго фактора въ общей эволюціи и съ нѣкоторымъ смѣшеніемъ основныхъ понятій въ области сравнительнаго изученія религій. Вообще она является скорѣе эгюдомъ, чѣмъ настоящей глубоко продуманной статьѣй. Тѣмъ не менѣе она выражаетъ собою новое настроеніе въ позитивной наукѣ и даетъ нѣкоторыя очень интересныя мысли и сопоставленія. Особенно цѣнно изложеніе теоріи термодинамики въ символичномъ примѣненіи ея къ ученію о Логосѣ, объединеніе понятій матеріи и энергіи, ученіе о геліодинамизмѣ и геліодинамическомъ обоснованіи морали. Для автора геліософія (мудрость солнца) есть первая ступень къ познанію и пониманію Теософіи.

Интересны въ книгѣ слѣдующія мысли:

„Всѣ храмы солнцу въ древней Индіи, пирамиды въ Египтѣ, великолѣпные храмы солнцу въ Римѣ, въ первые вѣка христіанства, были какъ бы центральными электрическими станціями, собирающими божественный свѣтъ, разумъ и мудрость, и разсѣивающими ихъ по землѣ при помощи выпуклыхъ зеркаль—золотыхъ куполовъ“.

1) Вопросы теоріи и творчества, т. VII.

2) Кіевъ, 1916 г.

3) Авторъ: „Свѣтъ солнца. Единство солнечнаго міровоззрѣнія“. Спб. 1913 г.

„Настанетъ время, когда на нашей землѣ народится солнечный синдикатъ или трестъ беспроволочной передачи божественнаго Логоса—свѣта солнца, съ громадными станціями въ каждой части свѣта“...

„Идеаль будущаго—солнечный синдикатъ беспроволочнаго распредѣленія всѣхъ энергій божественнаго свѣта Логоса—центрального, вѣчно живого огня, послужить къ объединенію всѣхъ народовъ земнаго шара, къ миру всего міра, къ солнечному союзу всѣхъ расъ“.

Жаль, что авторъ противопоставилъ древній міръ христіанству и не нашелъ теософическаго синтеза, который объединяетъ всѣ мифы солнечные въ одну дивную повѣсть о космической драмѣ Бога-человѣка.

* * *

Не менѣе оригинальной и интересной является для насъ книга Фр. Содди „Радій“¹⁾.

Книга написана популярно, но и строго научно. Она излагаетъ исторію открытія радія и даетъ подробные свѣдѣнія о теоріяхъ, связанныхъ съ этимъ открытіемъ. Сюда входятъ: новая наука о радиоактивности, излученіе радиоактивныхъ элементовъ, электроны, эманация радія, радиоактивныя превращенія, періодическій законъ, радиоактивное равновѣсіе, материнское вещество радія, эволюція матеріальнаго міра, древняя мифологія и радиоактивность.

Послѣдняя глава открываетъ неожиданно новые горизонты и показываетъ, что западные ученые начинаютъ догадываться, какія глубокія научныя знанія скрыты въ древней символикѣ. Авторъ подходитъ къ вопросу о періодическомъ возрожденіи вселенной и къ индусскимъ ученіямъ о космической эволюціи. Наука о радиоактивности вещества даетъ ему основаніе предположить, что эволюція идетъ путемъ правильно смѣняющихся цикловъ, во время которыхъ матерія то распадается, то снова создается и проявляется. Ученый останавливается на древнемъ символѣ Уроборосъ, т. е. змѣя, пожирающаго свой хвостъ и находитъ въ немъ гениальную формулу идеи циклической эволюціи. Такимъ образомъ, наука подошла къ ученію о Дняхъ и Ночахъ Брахмы, о манвантарахъ и пралайахъ міра. Незамѣтно для себя, она подошла къ самому порогу оккультизма, т. е. науки о скры-

¹⁾ 11 Общеизвестныхъ лекцій Фр. Содди, перев. Н. А. Шилова.

Въ статьѣ „О наукѣ и нравственности“ Д. Кларкъ и П. Пуанкаре доказываютъ, что научной нравственности быть не можетъ и что безнравственный научный трудъ не только не приноситъ и этика должны слѣдствовать за нимъ, а также и наука должна нравственному воспитанию человечества. Имъ же предлагается владѣть силой вдохновенной, она должна быть нравственно настроена. Она должна вознестись выше низкихъ материальныхъ интересахъ обывательской жизни и дать намъ въ наукѣ чудесную гармонию космологическаго закона и математики, въ наукѣ идеаль идеала гармоничности. Тогда человечество достигнетъ того, что можно строить нравственности, что достигнетъ высоты, которую возлюбилъ болѣе себя самою.

Брошюра д-ра К. Е. Островскаго: „Объединенная философия науки, школы и жизни“¹⁾ предлагаетъ посылку, объединяющую законъ солнца и законъ жертвы и любви, т. е. единство науки и Бога любви—разума.

Брошюра написана откровенно съ неожиданными выводами отъ физической области къ духовному миру и наоборотъ, въ большой переоптимальной связности, какъ бы объединяющей и съ нѣкоторыми смѣшеніемъ основными моментами вѣрности сравнительнаго изученія разума. Вообще она интересна и продуктивна, чѣмъ настоящей глубоко продуманной работой. Она не менѣе она выражаетъ собою новое взаимоотношеніе наукъ и даетъ нѣкоторыя очень интересные мысли и выводы. Особенно цѣнно изложеніе теоріи творчества и ее количномъ примѣненіи ея къ ученю о творчествѣ, о творчествѣ матерій и энергій, ученю о гомологичности и т. д. Философическомъ обоснованіи морали. Для автора творчество (творчество солнца) есть первая ступень къ познанію и творчеству (творчество).

Интересны въ книгѣ слѣдующія мысли:

„Всѣ храмы солнцу въ древней Индіи, Греціи и Римѣ, великолѣпные храмы солнцу въ Римѣ, въ первомъ вѣкѣ христианства, были какъ бы центральными электрическими станціями собирающими божественный свѣтъ, разумъ и мудрость и распределяющими ихъ по землѣ при помощи вышуклыхъ серебряныхъ золотыхъ куполовъ“.

1) Вопросы теорій и творчества, т. VII.

2) Киевъ, 1916 г.

3) Авторъ: „Свѣтъ солнца. Единство солнечнаго міровоззрѣнія“ (1916 г.).

...иногда ... в ...

...иногда ... в ...

...иногда ... в ...

...иногда ... в ...

...иногда ... в ...

...иногда ... в ...

тыхъ законахъ и скрытомъ въ природѣ разумѣ. Она уже черпаетъ вдохновеніе въ древнихъ эзотерическихъ источникахъ, угадываетъ существованіе глубокихъ сокровенныхъ знаній, скрытыхъ въ всемірной символикѣ, и начинаетъ прислушиваться къ Теософіи.

А. Каменская.

Изъ единой вселенской души исходятъ всѣ души; онѣ же разсѣиваются и распредѣляются во всѣхъ частяхъ міра.

Возниканіе—перемѣна въ свойствѣ и числѣ; всякое движеніе вещества есть рожденіе.

Изреч. изъ Гермеса Трисмегиста.

Цѣнность теософическихъ ученій для чело- вѣческой жизни.

I.

Чтобы правильно жить, необходимо правильно мыслить и можно быть увѣреннымъ, что каждый разъ, когда жизнь принимаетъ уродливыя или мучительныя формы, это происходитъ отъ того, что въ основѣ поведенія людей лежатъ неправильныя понятія. Особенно это примѣнимо къ нашему времени, когда на нашихъ глазахъ происходитъ кризисъ сознанія огромной важности.

Наша блестящая внѣшняя культура, которой мы такъ гордились, вела насъ съ послѣдовательностью неумолимой логики къ послѣдней грани эгоизма, который выразился во всѣхъ областяхъ нашей жизни—общественной, умственной и нравственной—борьбой и распадомъ всего, что должно бы дѣйствовать въ гармоніи. Религія и наука, искусство и идеалы красоты, семья и школа, государство и общество, все это враждебно сталкивается, идетъ въ разбродъ, мѣшаетъ другъ другу и создаетъ такой хаосъ противорѣчій въ сознаніи людей, какого—можно смѣло сказать—не было еще никогда отъ начала чело-вѣческой исторіи.

Особенно мучительно отзывается это разъединеніе *внутри* самого человѣка: его мысли, чувства и воля не приведены къ единству, они между собой въ постоянномъ конфликтѣ и поэтому современные люди такъ тревожны и нервны, такъ измѣнчивы въ своихъ настроеніяхъ и такъ несчастны. Но эта тревога и

эта нервозность не должны смущать; онѣ—ясный показатель, что человѣчество проходитъ черезъ внутренній кризисъ, что оно поднимается съ одной ступени сознанія на другую; со ступени ярко выраженного индивидуализма, который искалъ *личныхъ* правъ, *личной* независимости и *личной* обеспеченности, на ступень высшаго сознанія, которое стремится къ освобожденію и благу *всѣхъ*, къ *добровольному* пожертвованію личными интересами во имя интересовъ *цѣлаго*.

Это—святая тревога и она ведетъ людей впередъ, а не назадъ. Нужды нѣтъ, что сейчасъ жизнь такъ темна и во многомъ такъ уродливо некрасива; она такова потому, что въ ней сказываются ошибки и невѣрно направленные исканія, грѣхи и нарушенія правды въ прошломъ. Тяжелыя послѣдствія этихъ нарушеній необходимо пережить, но признаки грядущаго не въ нихъ, не въ этихъ уродливыхъ явленіяхъ, а въ томъ трепетѣ живого духа жизни, который чувствуется въ современныхъ исканіяхъ. „И была тьма надъ бездною и Духъ Божій носился надъ водами“, говоритъ Книга Бытія о сотвореніи новаго міра. Нѣчто подобное происходитъ въ области обще-человѣческаго творчества: надъ хаосомъ пестраго и сложнаго опыта, добытаго на протяженіи всего историческаго процесса отдѣльными народами, дѣйствовавшими вразбродъ, за свой счетъ и за свой рискъ, начинается брезжить—какъ предразсвѣтная зоря—повелительная потребность привести весь этотъ хаосъ въ гармонію, отыскать въ немъ все главное, все *цѣнное* и *нужное для всѣхъ*, и на этомъ главномъ и *цѣнномъ* строить новую жизнь. Но эта новая жизнь, эти болѣе совершенныя формы общественности наступятъ только тогда, когда та высшая ступень сознанія, на которую на нашихъ глазахъ поднимается передовая волна человѣчества, выльется въ стройную систему мысли, которая объединитъ *всѣ* стороны сложной человѣческой жизни и отвѣтитъ на растущую жажду человѣка *понять, въ чемъ, заключается скрытый смыслъ его жизни*.

Ученія теософій и являются попыткой такого духовнаго объединенія и такого отвѣта на растущую жажду человѣка. Я готова заранѣе согласиться, что ученія теософій ведутъ къ оптимизму, что они повышаютъ сознаніе *цѣнности* человѣка и что они будятъ *вѣру* въ свои силы и въ добро, и приводятъ къ дѣятельному идеализму. Но я горячо протестую противъ сложившагося представленія о теософій, какъ о фантастическомъ ученіи, отвлекающемъ отъ жизни; я не знаю системы мысли, кото-

рая бы въ такой степени разъясняла смыслъ жизни и необходимость вносить въ нее добро и красоту, какъ это дѣлаетъ теософія. Правда, она опрокидываетъ многія изъ нашихъ предразсудковъ и суевѣрій, а это дается не легко.

По мѣткой французской пословицѣ „*человѣкъ есть созданіе привычки*“ и ему также трудно отдѣлаться отъ своихъ привычныхъ мыслей, какъ и отъ укоренившихся физическихъ привычекъ. Но это *необходимо*, потому что человѣкъ растетъ, его внутренній міръ усложняется и все мучительнѣе отзываются на немъ тѣ внутреннія противорѣчія, которыя коренятся въ самой системѣ европейской мысли.

Система эта привела къ цѣлому ряду понятій, которыя дѣлаютъ для насъ неразрѣшимыми наиболѣе важныя проблемы жизни, и благодаря этому, придаютъ пессимистическую окраску всему нашему міросозерцанію.

Я постараюсь въ своей статьѣ разобрать нѣкоторыя изъ этихъ ходячихъ понятій и показать, какія идеи ставятъ на ихъ мѣсто теософическія ученія. Совѣмъ не желая навязывать эти ученія, я хотѣла бы только указать на ихъ цѣнность для жизни и попросить моихъ читателей объ одномъ: познакомиться съ ними безъ предубѣжденія и безъ предвзятыхъ рѣшеній, съ объективнымъ вниманіемъ, какъ съ любой теоріей, которую можно принять или не принять. Я попробую разобрать одну за другой пять проблемъ человѣческой жизни, которыя рѣшаются ученіями древней Мудрости совершенно иначе, чѣмъ ихъ рѣшаетъ современная европейская мысль, а чтобы читателямъ было удобнѣе слѣдить за ходомъ моей мысли, укажу немедленно на тѣ европейскія понятія, которымъ я буду противопоставлять понятія теософическія.

Во 1-хъ. Укоренившееся на Западѣ представленіе, что религія и наука—двѣ совершенно несомѣстимыя области человѣческаго сознанія; представленіе это привело къ мучительному раздвоенію между мыслью и чувствомъ современныхъ европейцевъ.

Во 2-хъ. Взглядъ на человѣка, какъ на величину законченную и отсюда—представленіе о прирожденной ограниченности и грѣховности его природы, которое вызываетъ безнадежное недовѣріе человѣка къ человѣку.

Въ 3-хъ. Увѣренность въ томъ, что нашему сознанію доступны одинъ лишь физическій разрѣзъ вселенной, а все остальное, всѣ ея невидимые для нашего физическаго глаза міры или

совсѣмъ не существуютъ, или останутся для насъ невѣдомой тайной навсегда; увѣренность, изъ которой возникъ мучительный страхъ смерти.

Въ 4-хъ. Убѣжденіе въ томъ, что истинное братство людей—неосуществимая мечта и

Въ 5-хъ, что ростъ нравственности зависитъ главнымъ образомъ отъ измѣненія *внѣшнихъ* условій жизни.

Посмотримъ какъ Теософія освѣщаетъ вопросъ о несомвѣстности религіи и науки.

Историки, изучающіе психологію древняго Востока, поражаются тѣмъ *единствомъ*, которымъ были проникнуты всѣ области жизни древнихъ народовъ. Нѣкоторые изъ нихъ начинаютъ признавать, что древній Востокъ обладалъ религіей и наукой, которыя не только не были въ антагонизмѣ между собой, какъ въ наше время, но представляли одно неразрывное цѣлое, изъ котораго, какъ изъ живаго родника, истекала вся жизнь древняго Востока. Такъ, древняя религія-наука, по словамъ профессора Виппера была „огромной, охватывавшей землю и небо, стройной системой, въ которой былъ проведенъ одинъ основной руководящій планъ“. Почтенный профессоръ останавливается на этомъ поразившемъ его явленіи, но онъ не дѣлаетъ изъ него важнаго для насъ вывода, который можно бы выразить такъ: именно въ этой цѣлостности всего строя жизни, въ этомъ синтезѣ религіи и науки и кроется неуывдаемая жизненность древней Мудрости, только эта сліянность и можетъ удовлетворить оба полюса сложной человѣческой души, соединить для нея небо и землю, идеаль и дѣйствительность, только въ ней можно найти ключъ къ примиренію кажущагося разлада частичныхъ явленій земной жизни съ разумной гармоніей Вселенной.

Но можетъ быть единство уже невозможно для современнаго человѣчества? Можетъ быть мы ушли уже такъ далеко, что эти архаическія знанія не могутъ удовлетворить насъ?

Основательное изученіе древней Мудрости—такъ мы будемъ называть ученія древнихъ Посвященныхъ, изъ которыхъ возникла Теософія,—выясняетъ, что она обнимала собою *весь* круговоротъ жизни, не только видимый физическій міръ, но и міры невидимые; въ ея систему знаній входило изученіе этихъ міровъ и въ этомъ она *далеко опередила наши знанія*; далѣе, ей не только было извѣстно ученіе объ эволюціи, съ которымъ Европа познакомилась только 50 лѣтъ тому назадъ, но она владѣла ключемъ

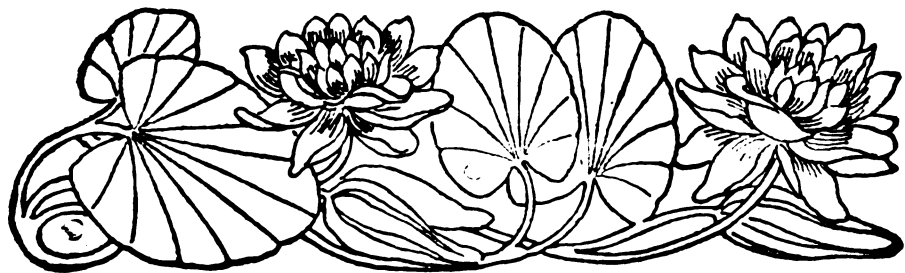
Но свѣтлое око любви безконечной
 Въ сердцахъ посвященныхъ сыновъ Ты раскрылъ.

* * *

О, Духъ свѣтносный, денница святая,
 Сердца намъ очисти, умы озари—
 Въ восторгѣ священномъ и духомъ пылая,
 Мы радостно выйдемъ на встрѣчу Зари!

Іазъ д'Обро.

На сторожевомъ посту.

„Матеріализмъ уходитъ“...

А. Безантъ.

Въ концѣ января с. г. произошло рѣдкое небесное явленіе: соединеніе планетъ Венеры и Юпитера (31 января). Обѣ планеты были настолько близки другъ къ другу, что ихъ можно было наблюдать одновременно въ полѣ зрѣнія телескопа. Соединеніе произошло въ созвѣздіи Рыбъ.

По этому поводу появилась интересная замѣтка Д. Святскаго, въ Рѣчи ¹⁾).

Авторъ напоминаетъ намъ, что такія астрономическія явленія считались въ древности чрезвычайно важными знаками для человечества. Рожденію Моисея предшествовало соединеніе планетъ въ созвѣздіи Рыбъ. Знаменитый астрономъ Кеплеръ доказывалъ, что Вифлеемская звѣзда была соединеніемъ Юпитера и Сатурна въ созвѣздіи Рыбъ. Смерти Ивана Грознаго также предшествовало небесное знаменіе.

* * *

Въ печати за послѣднее время появилось нѣсколько интересныхъ книгъ и брошюръ, свидѣтельствующихъ о пробужденіи болѣе духовнаго воззрѣнія ученыхъ на жизнь и на природу и указывающія на несомнѣнное побѣдное шествіе Идеализма во всѣхъ областяхъ жизни.

Брошюра „Знаніе и вѣра въ физикѣ“, О. Д. Хвольсона ²⁾ воспроизводитъ вступительную лекцію заслуженнаго профессора къ своему обычному курсу.

¹⁾ Январь, 1916 г., № 22 Рѣчь.

²⁾ Заслуженнаго профессора Петроградскаго университета.

Призывая своихъ слушателей къ серьезному изученію научныхъ законовъ, авторъ указываетъ, что знаніе и вѣра тѣсно переплетаются въ наукѣ, и что было бы большой ошибкой,—во имя науки, — отказываться отъ вѣры. „Я хочу оградить васъ отъ ошибочныхъ, скороспѣлыхъ выводовъ, говоритъ онъ, отъ невѣрнаго толкованія матеріала науки; я хочу предупредить неправильное съ вашей стороны возвеличеніе знанія и умаленіе вѣры“...

Прежде всего знаніе, основанное на личномъ опытѣ, бываетъ иногда невѣрно построено, ибо нашъ опытъ и наблюденія бываютъ ошибочными. Съ другой стороны оно построено на довѣриі къ воспріятію нашихъ органовъ чувствъ, къ нашей способности наблюдать, т. е. на довѣриі къ самому себѣ. Если источникомъ знанія является сообщеніе другого лица, то ясно, что знаніе уже цѣликомъ основано на довѣриі, т. е. на вѣрѣ въ субъективную добросовѣстность источника и въ объективную правильность сообщаемого. Такое знаніе нераздѣльно связано съ вѣрой.

Авторъ даетъ рядъ интересныхъ случаевъ неправильныхъ наблюденій и невѣрныхъ заключеній представителей науки; указываетъ на многія противорѣчія и приходитъ къ убѣжденію, что въ законы мы должны и можемъ только вѣрить. Безъ гипотезъ нельзя двигаться впередъ. Если мы опираемся только на факты и на цѣпь фактовъ, то въ концѣ-концовъ, намъ всетаки придется сдѣлать предположеніе о существованіи въ природѣ какой-либо силы или свойства вещества, которыя являются основной причиной ихъ всѣхъ. И такимъ образомъ, мы входимъ въ область чистой вѣры.

Авторъ кончаетъ мыслью, что преувеличенное отношеніе къ знанію приводитъ къ недомыслію, узости и къ маніи умственного величія. „На такой почвѣ выросъ тотъ печальный плодъ научнаго недомыслия, который называется матеріализмомъ и который въ настоящее время уже кончаетъ свое бесплодное существованіе“... 1). Профессоръ призываетъ къ вѣрѣ въ значеніе своего внутренняго опыта и своихъ личныхъ переживаній, которыя даютъ вѣру въ себя и въ Бога. „Запомните навсегда, говоритъ онъ, ту роль, которую въ наукѣ играетъ вѣра, и сохраните навсегда въ себѣ этотъ чудный даръ—способность вѣрить, безъ котораго жизнь невозможна 2)“!

* * *

1) Стр. 14.

2) Стр. 16.

Въ статьѣ „О наукѣ и нравственности“¹⁾, покойный Анри Пуанкаре доказываетъ, что научной нравственности быть не можетъ и что безнравственной науки также не должно быть. Наука и этика должны слиться, ибо задача научной мысли—содѣйствовать нравственному воспитанію человѣчества. Поэтому она должна владѣть силой вдохновляющей, она должна быть идеалистично настроена. Она должна поднять насъ надъ мелочными, эгоистическими интересами обыденной жизни и дать намъ почувствовать чудесную гармонію космическихъ законовъ, и поставить передъ нами идеалъ гармоніи. Тогда человѣкъ получитъ нѣчто, на чемъ можно строить нравственность: „онъ получитъ идеалъ, который возлюбитъ болѣе себя самого“...

* * *

Брошюра д-ра К. Е. Островскаго²⁾: „Объединеніе религіи и науки, школы и жизни“³⁾ дѣлаетъ попытку объединить законъ солнца и законъ жертвы и любви, примирить Бога всеильнаго—науки и Бога любви—религіи.

Брошюра написана отрывисто, съ неожиданными переходами отъ физической области къ духовному плану и наоборотъ, съ большой переоцѣнкой физиологическаго фактора въ общей эволюціи и съ нѣкоторымъ смѣшеніемъ основныхъ понятій въ области сравнительнаго изученія религій. Вообще она является скорѣе этюдомъ, чѣмъ настоящей глубоко продуманной статьёй. Тѣмъ не менѣе она выражаетъ собою новое настроеніе въ позитивной наукѣ и даетъ нѣкоторыя очень интересныя мысли и сопоставленія. Особенно цѣнно изложеніе теоріи термодинамики въ символическомъ примѣненіи ея къ ученію о Логосѣ, объединеніе понятій матеріи и энергіи, ученіе о гелиодинамизмѣ и гелиодинамическомъ обоснованіи морали. Для автора гелиософія (мудрость солнца) есть первая ступень къ познанію и пониманію Теософіи.

Интересны въ книгѣ слѣдующія мысли:

„Всѣ храмы солнцу въ древней Индіи, пирамиды въ Египтѣ, великолѣпные храмы солнцу въ Римѣ, въ первые вѣка христіанства, были какъ бы центральными электрическими станціями, собирающими божественный свѣтъ, разумъ и мудрость, и разсѣивающими ихъ по землѣ при помощи выпуклыхъ зеркалъ—золотыхъ куполовъ“.

¹⁾ Вопросы теоріи и творчества, т. VII.

²⁾ Кіевъ, 1916 г.

³⁾ Авторъ: „Свѣтъ солнца. Единство солнечнаго міровоззрѣнія“. Спб. 1913 г.

„Настанеть время, когда на нашей землѣ народится солнечный синдикатъ или трестъ беспроволочной передачи божественнаго Логоса—свѣта солнца, съ громадными станціями въ каждой части свѣта“...

„Идеаль будущаго—солнечный синдикатъ беспроволочнаго распредѣленія всѣхъ энергій божественнаго свѣта Логоса—центрального, вѣчно живого огня, послужить къ объединенію всѣхъ народовъ земнаго шара, къ миру всего міра, къ солнечному союзу всѣхъ расъ“.

Жаль, что авторъ противопоставилъ древній міръ христианству и не нашель теософическаго синтеза, который объединяеть всѣ мифы солнечные въ одну дивную повѣсть о космической драмѣ Бога-человѣка.

* * *

Не менѣе оригинальной и интересной является для насъ книга Фр. Содди „Радій“¹⁾.

Книга написана популярно, но и строго научно. Она излагаетъ исторію открытія радія и даетъ подробные свѣдѣнія о теоріяхъ, связанныхъ съ этимъ открытіемъ. Сюда входятъ: новая наука о радиоактивности, излученіе радиоактивныхъ элементовъ, электроны, эманация радія, радиоактивныя превращенія, періодическій законъ, радиоактивное равновѣсіе, материнское вещество радія, эволюція матеріальнаго міра, древняя мифологія и радиоактивность.

Послѣдняя глава открываетъ неожиданно новые горизонты и показываетъ, что западные ученые начинаютъ догадываться, какія глубокія научныя знанія скрыты въ древней символикѣ. Авторъ подходит къ вопросу о періодическомъ возрожденіи вселенной и къ индусскимъ ученіямъ о космической эволюціи. Наука о радиоактивности вещества даетъ ему основаніе предположить, что эволюція идетъ путемъ правильно смѣняющихся цикловъ, во время которыхъ матерія то распадается, то снова создается и проявляется. Ученый останавливается на древнемъ символѣ Уроборосъ, т. е. змѣя, пожирающаго свой хвостъ и находитъ въ немъ гениальную формулу идеи циклической эволюціи. Такимъ образомъ, наука подошла къ ученію о Дняхъ и Ночахъ Брахмы, о манвантарахъ и пралайахъ міра. Незамѣтно для себя, она подошла къ самому порогу оккультизма, т. е. науки о скры-

¹⁾ 11 Общедоступныхъ лекцій Фр. Содди, перев. Н. А. Шидова.

тыхъ законахъ и скрытомъ въ природѣ разумѣ. Она уже черпаетъ вдохновеніе въ древнихъ эзотерическихъ источникахъ, угадываетъ существованіе глубокихъ сокровенныхъ знаній, скрытыхъ въ всемірной символикѣ, и начинаетъ прислушиваться къ Теософіи.

А. Каменская.

Изъ единой вселенской души исходятъ всѣ души; онѣ же разсѣиваются и распредѣляются во всѣхъ частяхъ міра.

Возниканіе—перемѣна въ свойствѣ и числѣ; всякое движеніе вещества есть рожденіе.

Изреч. изъ Гермеса Трисмегиста.

Цѣнность теософическихъ ученій для чело- вѣческой жизни.

I.

Чтобы правильно жить, необходимо правильно мыслить и можно быть увѣреннымъ, что каждый разъ, когда жизнь принимаетъ уродливыя или мучительныя формы, это происходитъ отъ того, что въ основѣ поведенія людей лежатъ неправильныя понятія. Особенно это примѣнимо къ нашему времени, когда на нашихъ глазахъ происходитъ кризисъ сознанія огромной важности.

Наша блестящая внѣшняя культура, которой мы такъ гордились, вела насъ съ послѣдовательностью неумолимой логики къ послѣдней грани эгоизма, который выразился во всѣхъ областяхъ нашей жизни—общественной, умственной и нравственной—борьбой и распадомъ всего, что должно бы дѣйствовать въ гармоніи. Религія и наука, искусство и идеалы красоты, семья и школа, государство и общество, все это враждебно сталкивается, идетъ въ разбродъ, мѣшаетъ другъ другу и создаетъ такой хаосъ противорѣчій въ сознаніи людей, какого—можно смѣло сказать—не было еще никогда отъ начала чело-вѣческой исторіи.

Особенно мучительно отзывается это разъединеніе *снутри* самого человѣка: его мысли, чувства и воля не приведены къ единству, они между собой въ постоянномъ конфликтѣ и поэтому современные люди такъ тревожны и нервны, такъ измѣнчивы въ своихъ настроеніяхъ и такъ несчастны. Но эта тревога и

эта нервозность не должны смущать; онѣ—ясный показатель, что человечество проходить черезъ внутренній кризисъ, что оно поднимается съ одной ступени сознанія на другую; со ступени ярко выраженного индивидуализма, который искалъ *личныхъ* правъ, *личной* независимости и *личной* обезпеченности, на ступень высшаго сознанія, которое стремится къ освобожденію и благу *всѣхъ*, къ *добровольному* пожертвованію личными интересами во имя интересовъ *цѣлаго*.

Это—святая тревога и она ведетъ людей впередъ, а не назадъ. Нужды нѣтъ, что сейчасъ жизнь такъ темна и во многомъ такъ уродливо некрасива; она такова потому, что въ ней сказываются ошибки и невѣрно направленные исканія, грѣхи и нарушенія правды въ прошломъ. Тяжелыя послѣдствія этихъ нарушеній необходимо пережить, но признаки грядущаго не въ нихъ, не въ этихъ уродливыхъ явленіяхъ, а въ томъ трепетѣ живого духа жизни, который чувствуется въ современныхъ исканіяхъ. „И была тьма надъ бездною и Духъ Божій носился надъ водами“, говоритъ Книга Бытія о сотвореніи новаго міра. Нѣчто подобное происходитъ въ области обще-человѣческаго творчества: надъ хаосомъ пестраго и сложнаго опыта, добытаго на протяженіи всего историческаго процесса отдѣльными народами, дѣйствовавшими вразбродъ, за свой счетъ и за свой рискъ, начинается брезжить—какъ предразсвѣтная зоря—повелительная потребность привести весь этотъ хаосъ въ гармонию, отыскать въ немъ все главное, все цѣнное и нужное *для всѣхъ*, и на этомъ главномъ и цѣнномъ строить новую жизнь. Но эта новая жизнь, эти болѣе совершенныя формы общественности наступятъ только тогда, когда та высшая ступень сознанія, на которую на нашихъ глазахъ поднимается передовая волна человечества, выльется въ стройную систему мысли, которая объединитъ всѣ стороны сложной человѣческой жизни и отвѣтитъ на растущую жажду человѣка *понять, въ чемъ, заключается скрытый смыслъ его жизни*.

Ученія теософіи и являются попыткой такого духовнаго объединенія и такого отвѣта на растущую жажду человѣка. Я готова заранѣе согласиться, что ученія теософіи ведутъ къ оптимизму, что они повышаютъ сознаніе цѣнности человѣка и что они будятъ вѣру въ свои силы и въ добро, и приводятъ къ дѣятельному идеализму. Но я горячо протестую противъ сложившагося представленія о теософіи, какъ о фантастическомъ ученіи, отвлекающемъ отъ жизни; я не знаю системы мысли, кото-

рая бы въ такой степени разъяснила смыслъ жизни и необходимость вносить въ нее добро и красоту, какъ это дѣлаетъ теософія. Правда, она опрокидываетъ многія изъ нашихъ предразсудковъ и суевѣрій, а это дается не легко.

По мѣткой французской пословицѣ „*человѣкъ есть созданіе привычки*“ и ему также трудно отдѣлаться отъ своихъ привычныхъ мыслей, какъ и отъ укоренившихся физическихъ привычекъ. Но это *необходимо*, потому что человѣкъ растетъ, его внутренній міръ усложняется и все мучительнѣе отзываются на немъ тѣ внутреннія противорѣчія, которыя коренятся въ самой системѣ европейской мысли.

Система эта привела къ цѣлому ряду понятій, которыя дѣлаютъ для насъ неразрѣшимыми наиболѣе важныя проблемы жизни, и благодаря этому, придаютъ пессимистическую окраску всему нашему міросозерпанію.

Я постараюсь въ своей статьѣ разобрать нѣкоторыя изъ этихъ ходячихъ понятій и показать, какія идеи ставятъ на ихъ мѣсто теософическія ученія. Совсѣмъ не желая навязывать эти ученія, я хотѣла бы только указать на ихъ цѣнность для жизни и попросить моихъ читателей объ одномъ: познакомиться съ ними безъ предубѣжденія и безъ предвзятыхъ рѣшеній, съ объективнымъ вниманіемъ, какъ съ любой теоріей, которую можно принять или не принять. Я попробую разобрать одну за другой пять проблемъ человѣческой жизни, которыя рѣшаются ученіями древней Мудрости совершенно иначе, чѣмъ ихъ рѣшаетъ современная европейская мысль, а чтобы читателямъ было удобнѣе слѣдить за ходомъ моей мысли, укажу немедленно на тѣ европейскія понятія, которымъ я буду противопоставлять понятія теософическія.

Во 1-хъ. Укоренившееся на Западѣ представленіе, что религія и наука—двѣ совершенно несовмѣстимыя области человѣческаго сознанія; представленіе это привело къ мучительному раздвоенію между мыслью и чувствомъ современныхъ европейцевъ.

Во 2-хъ. Взглядъ на человѣка, какъ на величину законченную и отсюда—представленіе о прирожденной ограниченности и грѣховности его природы, которое вызываетъ безнадежное недовѣріе человѣка къ человѣку.

Въ 3-хъ. Увѣренность въ томъ, что нашему сознанію доступенъ одинъ лишь физическій разрѣзъ вселенной, а все остальное, всѣ ея невидимые для нашего физическаго глаза міры или

совсѣмъ не существуютъ, или останутся для насъ невѣдомой тайной навсегда; увѣренность, изъ которой возникъ мучительный страхъ смерти.

Въ 4-хъ. Убѣжденіе въ томъ, что истинное братство людей—неосуществимая мечта и

Въ 5-хъ, что ростъ нравственности зависитъ главнымъ образомъ отъ измѣненія *внѣшнихъ* условій жизни.

Посмотримъ какъ Теософія освѣщаетъ вопросъ о несовмѣстности религіи и науки.

Историки, изучающіе психологію древняго Востока, поражаются тѣмъ *единствомъ*, которымъ были проникнуты всѣ области жизни древнихъ народовъ. Нѣкоторые изъ нихъ начинаютъ признавать, что древній Востокъ обладалъ религіей и наукой, которыя не только не были въ антагонизмѣ между собой, какъ въ наше время, но представляли одно неразрывное цѣлое, изъ котораго, какъ изъ живаго родника, истекала вся жизнь древняго Востока. Такъ, древняя религія-наука, по словамъ профессора Виппера была „огромной, охватывавшей землю и небо, стройной системой, въ которой былъ проведенъ одинъ основной руководящій планъ“. Почтенный профессоръ останавливается на этомъ поразившемъ его явленіи, но онъ не дѣлаетъ изъ него важнаго для насъ вывода, который можно бы выразить такъ: именно въ этой цѣлостности всего строя жизни, въ этомъ синтезѣ религіи и науки и кроется неуывдаемая жизненность древней Мудрости, только эта сліянность и можетъ удовлетворить оба полюса сложной человѣческой души, соединить для нея небо и землю, идеаль и дѣйствительность, только въ ней можно найти ключъ къ примиренію кажущагося разлада частичныхъ явленій земной жизни съ разумной гармоніей Вселенной.

Но можетъ быть единство уже невозможно для современнаго человѣчества? Можетъ быть мы ушли уже такъ далеко, что эти архаическія знанія не могутъ удовлетворить насъ?

Основательное изученіе древней Мудрости—такъ мы будемъ называть ученія древнихъ Посвященныхъ, изъ которыхъ возникла Теософія,—выясняетъ, что она обнимала собою *весь* круговоротъ жизни, не только видимый физическій міръ, но и міры невидимые; въ ея систему знаній входило изученіе этихъ міровъ и въ этомъ она *далеко опередила наши знанія*; далѣе, ей не только было извѣстно ученіе объ эволюціи, съ которымъ Европа познакомилась только 50 лѣтъ тому назадъ, но она владѣла ключемъ

и къ духовной эволюціи человѣка, ей извѣстно было происхожденіе человѣка, его отношеніе къ Богу и Космосу, его посмертное состояніе, его прошлое и его возможное будущее, что для насъ представляется уже совершенно *недоступнымъ*. Вы спросите: гдѣ же доказательства? Съ одной стороны, объ этомъ говорить молчаливые свидѣтели сѣдой древности „вавилонскія плитки съ отрывками молитвъ, законодательствъ и астрологическихъ вычисленій, говорить объ этомъ и огненный мѣологическій языкъ священныхъ преданій“ какъ выразился проф. Випперъ; съ другой стороны—это же подтверждаетъ изученіе эзотерической или сокровенной стороны древнихъ религій, изученіе, которое является одной изъ главныхъ задачъ теософическаго движенія. Оно доказываетъ, до какой степени не вѣрно наше представленіе о несомѣстимости науки и религіи; оно же выясняетъ, что этотъ разрывъ—явленіе временное и что *религія можетъ быть научной, а наука можетъ быть религіозной*. Это положеніе Теософіи вноситъ совершенно новое пониманіе религіозныхъ задачъ.

Вторая заслуга Теософіи состоитъ въ томъ, что она безпредѣльно расширяетъ границы нашего сознанія. Создавъ цѣлый отдѣлъ знанія, который можно назвать „исслѣдованіемъ эволюціи сознанія“, она выясняетъ, что нашъ трехмѣрный разумъ—лишь одна изъ ступеней развивающагося сознанія, что ему предшествовали другія ступени и на смѣну ему появятся новыя, болѣе высокія способности воспріятія, проблески которыхъ мы уже можемъ уловить у геніевъ и у пророковъ, а также у мистиковъ и святыхъ всѣхъ временъ и народовъ.

Это ошибочное представленіе о нашемъ мозговомъ сознаніи, какъ о единственномъ орудіи познанаія, породило и другой предразсудокъ, по которому, кромѣ физическаго видимаго міра, познаваемаго мозгомъ при помощи пяти чувствъ, ничего и не существуетъ въ міровомъ пространствѣ, а если и существуетъ, то на такихъ ступеняхъ бытія, которыя *навсегда* закрыты для насъ.

Къ счастью, наука начинаетъ искать новыхъ путей, она уже приходитъ къ тому, что матерія едина, что мѣняется лишь ея состояніе: переходъ ея изъ твердаго въ жидкое, изъ жидкаго въ газообразное, изъ газообразнаго въ эфирное состояніе заставляетъ заключить, что могутъ быть и еще болѣе тонкія состоянія матеріи, которыя невидимы и неуловимы для насъ. Но это будетъ все та-же матерія, тончайшее продолженіе нашей физической матеріи, полная своей собственной жизни, пока еще

неуловимой для большинства изъ насъ. Практическое послѣдствіе такого расширеннаго представленія о Вселенной неисчислимо: какъ только мы признаемъ существованіе невидимыхъ міровъ, это создастъ новыя области изслѣдованія, которыя въ свою очередь вызовутъ потребность *въ развитіи новыхъ способностей*, при помощи которыхъ мы могли бы вступать въ сознательное общеніе съ этими мірами. Въ началѣ эти способности, проявлявшіяся еще въ глубокой древности у учениковъ оккультныхъ школъ, разовьются только у немногихъ, умѣющихъ *хотѣть сильно и настойчиво*, а когда они разовьются у многихъ, тогда начнется такое же методическое изслѣдованіе невидимыхъ міровъ, какое мы прилагаемъ къ изученію любой вновь открытой страны.

Пока же это общеніе доступно только для ясновидящихъ, у которыхъ ранѣе, чѣмъ у остальныхъ людей раскрылись психическія силы; съ помощью этихъ болѣе тонкихъ способностей человѣкъ вступаетъ въ такое же естественное общеніе съ невидимыми мірами, въ какомъ всѣ мы находимся съ міромъ физическимъ. Но здѣсь я должна оговориться: я имѣю въ виду не то нездоровое частичное ясновидѣнье, возникающее благодаря вредному насилію надъ психическимъ аппаратомъ, которое по невѣдѣнью позволяютъ себѣ продѣлывать надъ собой любопытные люди нашего времени; *такое* ясновидѣнье ведетъ лишь къ разстройству нервной системы, а не къ сознательному общенію съ невидимымъ міромъ,—я говорю объ истинномъ ясновидѣннн, правильно развивающемся благодаря систематическому воспитанію подъ руководствомъ духовнаго, мудраго руководителя. Изслѣдованія такихъ ясновидящихъ приводятъ къ необыкновенно интереснымъ результатамъ; результаты эти, по мѣрѣ своего подтвержденія, должны вызвать полный переворотъ всѣхъ нашихъ понятій въ области нравственнаго міра.

По ученіямъ теософіи, подтверждающимъ показанія ясно-видящихъ, человѣческая жизнь протекаетъ одновременно въ трехъ мірахъ: видимомъ *физическомъ* и невидимыхъ: *астральномъ*—полѣ дѣйствія всѣхъ нашихъ страстей и эмоцій—и *ментальномъ*—полѣ дѣйствія всѣхъ нашихъ мыслей. Изъ взаимодействія этихъ трехъ міровъ и создаются тѣ сложныя явленія земной жизни, которыя мы называемъ „благополучіемъ“ и „бѣдствіемъ“, „процвѣтаніемъ“ и „упадкомъ“ народовъ.

На землѣ зарождаются *причины* всего совершающагося, въ астральномъ мірѣ созрѣваютъ послѣдствія этихъ причинъ.

Въ тяжелыя эпохи, когда эгоизмъ и несправедливость однихъ

классовъ вызываютъ взрывы озлобленія и ненависти у другихъ, послѣдствія такого душевнаго состоянія не исчерпываются тѣмъ, что мы можемъ наблюдать непосредственно; кромѣ этихъ видимыхъ результатовъ, „созрѣваютъ и другія послѣдствія, невидимыя для насъ, но тѣмъ не менѣе реальныя и полныя огромнаго значенія для ближайшаго будущаго народовъ. Они создаются тѣми безчисленными вибраціями ненависти, зависти, страха и отчаянья, которыя несутся отъ взволнованнаго человѣчества въ астральный міръ и порождаютъ тамъ условія, которыя въ свою очередь отражаются гибельно на земной жизни народовъ, порождая заразные болѣзни, повальные психическія разстройства, возрастаніе преступности, вырожденіе народа.

Таковъ истинный круговоротъ жизни: мирная культурная работа вызываетъ гармоническія условія въ потустороннемъ мірѣ, которыя, съ своей стороны, отзываются благими послѣдствіями на земной жизни человѣка; наоборотъ, насиліе и злоба производятъ тяжелыя нарушенія въ потустороннемъ мірѣ, а эти послѣднія—въ свою очередь—вызываютъ всевозможныя бѣдствія на землѣ ¹⁾.

Рядомъ съ увѣренностью, что мы окружены невидимыми мірами, въ которыхъ происходитъ продолженіе нашей земной жизни, теософія измѣняетъ и всѣ наши ходячія представленія о самомъ человѣкѣ.

Западная наука объясняетъ эволюцію человѣка закономъ наслѣдственности; по этому закону человѣчество прогрессируетъ потому, что болѣе сложныя мозговыя извилины и болѣе тонкая организація нервной системы передаются потомкамъ по наслѣдству отъ родителей. Этотъ взглядъ держится и до сихъ поръ, хотя то обстоятельство, что гении не передаютъ своихъ способностей дѣтямъ по наслѣдству, долженъ бы дѣлать его болѣе, чѣмъ сомнительнымъ.

На Востокѣ законъ эволюціи былъ извѣстенъ въ глубокой древности, но онъ примѣнялся не столько къ физическому организму, сколько къ *душѣ* человѣка; древніе посвященные видѣли корни всего въ душѣ, которая, развиваясь постепенно, раскрываетъ все новые аспекты, приспособляя для выраженія ихъ и свое орудіе—физическое тѣло.

Мудрецы Востока не смотрѣли на человѣка, какъ на законченную величину, впервые возникающую въ моментъ рож-

¹⁾ Изъ книги „О скрытомъ смыслѣ жизни“ Е. Писаревой, стр. 124.

денія и завершающую свое развитіе въ моментъ смерти; они смотрѣли на него, какъ на существо, у котораго позади—*необозримое прошлое, а впереди—безпредѣльное будущее.*

Въ *настоящемъ* человѣка они видѣли лишь отрывокъ, лишь одну страницу изъ книги его жизни, но страницу, связанную со всею книгой въ такой степени, что оторванная—она остается непонятной и теряетъ весь свой внутренній смыслъ.

Ученіе о многочисленныхъ существованіяхъ человѣка на землѣ, которое остается и до сихъ поръ единственной разумной гипотезой, объясняющей тайну человѣка, смотритъ на него, какъ на духовную сущность, частицу Божественной Жизни, которая начинаетъ свою эволюцію въ проявленномъ мірѣ какъ *зародышь*, заключающій въ себѣ всѣ возможности богочеловѣческаго развитія; но это лишь зародышь, и ему необходимо пройти длинный путь постепеннаго выростанія и раскрытія всѣхъ заложенныхъ въ немъ многообразныхъ силъ и способностей. Для этого и существуетъ физическое поле опыта; всевозможныя столкновения съ объективнымъ міромъ въ цѣломъ рядѣ земныхъ жизней содѣйствуютъ развитію этого зародыша, земной опытъ вызываетъ ростъ человѣческой души.

Собранный на протяжении многихъ земныхъ жизней опытъ претворяется—въ періоды между смертью и слѣдующимъ рожденіемъ человѣка—въ его умственные и нравственные качества. Слѣдовательно, рождаясь вновь на землѣ, человѣкъ приноситъ съ собой свое собственное содержаніе, результатъ своихъ предшествующихъ дѣятельностей (внѣшнихъ и внутреннихъ), превращенный въ посмертной эволюціи въ особенности его индивидуальнаго характера. Родители, связанные съ нимъ въ прошлыхъ существованіяхъ, даютъ ему лишь подходящіе матеріалы для его тѣла, душа же человѣка сохраняется непрерывно, она не рождается и не умираетъ.—Ученіе это совмѣщаетъ въ себѣ и научную теорію эволюціи и религіозное воззрѣніе, совпадающее съ врожденной увѣренностью каждой здоровой души въ своемъ безсмертіи.

Если принять ученіе о перевоплощеніи какъ гипотезу, то гипотеза эта во всякомъ случаѣ разумнѣе, чѣмъ вѣра въ возникновеніе новой души при рожденіи каждаго новаго тѣла, для одного—души съ прекрасными свойствами, которыхъ новорожденный ничѣмъ не заслужилъ, а для другого—съ преступными задатками, въ которыхъ онъ нисколько не виноватъ, но за которыя все же будетъ страдать и въ этой жизни, и въ будущей.

Не логичнѣ ли допустить, что выдающіяся способности, добрая наклонности и благородный характеръ чело­вѣка есть результатъ многихъ трудныхъ битвъ и побѣдъ, а тупость, дурныя наклонности и дурной характеръ—результатъ постоянныхъ нару­шеній законовъ духа, которыя указываютъ на низкую ступень эволюціи души? И не получаетъ ли для насъ вся исторія чело­вѣчества новый, глубоко разумный смыслъ, если мы допустимъ, что зачаточная чело­вѣческая душа или духовный зародышъ, раз­вивающійся внутри чело­вѣка, проходитъ послѣдовательно черезъ всѣ эпохи, расы и культуры ради того, чтобы, переживая весь этотъ многообразный опытъ, *своими собственными усиліями и своимъ свободнымъ творчествомъ* развить до полноты всѣ зало­женные въ немъ возможности, создать безсмертную индивидуаль­ность, въ которой отразится вся пережитая Вѣчность?

Слѣдующей заслугой Теософіи слѣдуетъ считать то, что она *уничтожаетъ страхъ смерти*.

Одна изъ самыхъ трагическихъ особенностей нашего міро­ощущенія связана съ той темной бездной, которая разверзается передъ сознани­емъ европейца каждый разъ, когда онъ думаетъ о своей посмертной судьбѣ. Что ожидаетъ его? Есть ли тамъ жизнь? И если есть, то какая? Жутко стоять передъ невѣдомымъ и страшно смотрѣть въ его темную бездну...

Совершенно иное настроеніе создаетъ религиозное сознаніе древняго Востока. Оно совсѣмъ не признаетъ смерти. Сбросивъ съ послѣднимъ дыханіемъ больное или изношенное тѣло, самъ чело­вѣкъ является даже болѣе живымъ, чѣмъ онъ былъ въ своей земной оболочкѣ. Кромѣ освобожденія отъ тяжеловѣсной одежды изъ плоти, которая такъ сильно ограничивала его свободу, все остальное остается неизмѣннымъ: чело­вѣкъ продолжаетъ жить въ новыхъ условіяхъ, гораздо болѣе утонченныхъ и интересныхъ, чѣмъ условія трехмѣрнаго физическаго міра. Для него перевер­нулась новая страница въ вѣчной Книгѣ Жизни и—только.

Чело­вѣкъ, усвоившій *такое* пониманіе смерти, и самъ умираетъ спокойно и совершенно иначе разстается съ отходящими близкими.

Если вспомнить, какое жгучее безпокойство и какую томительную тоску вносить въ чело­вѣческое существованіе страхъ смерти, не трудно оцѣнить все благое вліяніе, которое принесетъ съ собой та система мысли, которая приведетъ къ одолѣнію этого страха. Намъ извѣстно, что праведники, съ раскрывшейся интуи­ціей, которая говоритъ имъ съ увѣренностью *знанія*, что смерти

нѣтъ,—умирають спокойно и радостно. Мы приписываемъ ихъ настроеніе силѣ духа и думаемъ, что это—принадлежность святости. Но это не такъ. Спокойствіе умирающаго праведника происходитъ оттого, что завѣса между физическимъ міромъ и потустороннимъ дѣлается прозрачной и человѣку становится ясно, что его ожидаетъ не прекращеніе жизни, а лишь перемѣна состоянія. Такое же спокойствіе передъ смертью сохраняетъ и обыкновенный человѣкъ, если онъ твердо знаетъ, что уничтоженія нѣтъ; объ этомъ намъ говоритъ опытъ всего Востока, признающаго перевоплощеніе. Въ Бирмѣ есть прекрасный обычай, по которому другъ приходитъ къ умирающему и въ его предсмертныя минуты перечисляетъ всѣ добрыя дѣла, которыя въ теченіи своей земной жизни онъ совершилъ.

На Востокѣ каждому человѣку извѣстно, какая естественная связь существуетъ между характеромъ жизни даннаго человѣка на землѣ и его посмертной судьбой; тамъ твердо помнятъ, что судьба эта—лишь послѣдствіе того, что человѣкъ вносилъ въ свою земную жизнь и что если желать блаженства въ потустороннемъ мірѣ, необходимо вести добрую жизнь здѣсь, на землѣ. Этимъ можно объяснить въ значительной степени ту мягкость и кротость, которой отличаются восточные народы, исповѣдующіе браманизмъ и буддизмъ.

Правда, для человѣка дурного нельзя ожидать облегченія, когда въ свой смертный часъ онъ будетъ твердо знать, что не радости ожидаютъ его за гранью смерти и не уничтоженіе, а послѣдствія того дурного, что онъ продѣлывалъ на землѣ. Но развѣ можно жалѣть объ этомъ? Развѣ это не является сильнымъ побужденіемъ для эволюціи души, не научившейся еще любить добро ради самого добра?

Тотъ фактъ, что люди, которымъ ученія древней Мудрости дали болѣе разумное и болѣе вѣрное представленіе о потустороннемъ существованіи, расстаются съ дорогими людьми и сами умирають совершенно иначе, чѣмъ люди Запада, думающіе, что потусторонняго существованія или совсѣмъ нѣтъ, или оно навсегда закрыто для насъ,—доказываетъ, что страхъ смерти вытекаетъ въ значительной степени изъ ложныхъ представленій Запада о загробной судьбѣ человѣка и что онъ разрушается, когда эти представленія замѣняются иными, болѣе здравыми понятіями.

Слѣдующая заслуга Теософіи въ томъ, что она вноситъ въ наше сознаніе реальное представленіе о единствѣ и братствѣ

всего человѣчества. Заповѣдь Христа: „любите ближняго какъ самаго себя“ остается такимъ же недостижимымъ идеаломъ, какимъ она была двѣ тысячи лѣтъ назадъ. Да и какъ могло быть иначе, когда весь строй жизни европейскихъ народовъ основанъ на отсутствіи любви человѣка къ человѣку? Внутри народной жизни—система капитализма, которая вся держится на эксплоатации ближняго; во внѣшнихъ отношеніяхъ народовъ между собой—національная вражда, желаніе поживиться на счетъ другого, стремленіе отнять какъ можно больше у болѣе слабаго народа. Какъ можетъ осуществиться этотъ завѣтъ, когда въ хаосѣ противурѣчивыхъ понятій, водворившихся въ нашемъ сознаніи, оправдывается насиліе, а народный эгоизмъ возводится въ добродѣтель и внѣдряется молодому поколѣнію, какъ гражданская доблесть? Не можетъ проникнуть въ обиходъ нашей жизни завѣтъ Христа, пока *собственные наши понятія разрушаютъ этотъ завѣтъ*. Онъ только тогда начнетъ приносить настоящіе плоды, когда и мысли наши будутъ работать въ гармоніи съ высокой эмоціей, которую вызываютъ слова Спасителя.

И это вовсе не такъ недостижимо, какъ кажется; но для этого необходимо, чтобы наши понятія поднялись *надъ* классовыми, партійными и національными предразсудками, которые загораживаютъ отъ насъ единство жизни и не даютъ намъ проникнуть въ истинный смыслъ историческаго процесса. Смыслъ этотъ въ томъ, что какія бы ни были различія между народами, какъ бы ни разнился самый строй ихъ общежитія, все же они живутъ единой] жизнью и всѣ работаютъ для одной и той же цѣли: *для эволюціи всего человѣчества*. Стоитъ лишь глубже проникнуть въ *суть* всего переживаемаго, чтобы убѣдиться въ этомъ. Правда, видимости говорятъ иное: въ глаза бросаются неумолкающая вражда и борьба между народами, между сословіями и политическими партіями и кажется съ виду, что всѣ работаютъ вразбродъ надъ своими обособленными цѣлями. Но вѣдь также могутъ враждовать между собой и работники на большой постройкѣ и тѣмъ не менѣе всѣ они строятъ по одному и тому же плану архитектора. Тоже происходитъ въ огромномъ масштабѣ съ работою *всего* человѣчества: оно представляетъ собой живой организмъ съ единой жизнью и всѣ его творческіе процессы нужны не только для той его части, гдѣ они возникаютъ, но и для жизни *цѣлаго*, которое совокупной дѣятельностью *всѣхъ* своихъ частей направляется къ одной цѣли, выполняетъ единый планъ.

Упуская изъ виду это единство и направляя вниманіе лишь на одну сторону совершающихся событій, очень легко придти къ ошибочнымъ выводамъ. Это и бываетъ, когда отдѣльные историческіе періоды и творчество различныхъ народовъ разсматриваются, какъ нѣчто въ себѣ законченное; въ дѣйствительности, жизнь всего человѣчества есть единый текущій процессъ, который несетъ въ себѣ результаты опытовъ, ошибокъ и страданій *всѣхъ* народовъ, результаты творчества *всего* человѣчества во всемъ его объемѣ, и только охвативъ это *единство*, можно схватить и смыслъ земной жизни.

Практическія послѣдствія такого *сознанія единства* неисчислимы. Приведу для уясненія своей мысли такую иллюстрацію: физиологи начинаютъ приходить къ тому, что человѣческой организмъ состоитъ изъ „бесконечно малыхъ жизней“. (Оккультныя изслѣдованія подтверждаютъ эту догадку). Группы такихъ „бесконечно малыхъ жизней“ образуютъ клѣтки, которыя и совершаютъ всю работу въ нашемъ организмѣ. Работа эта происходитъ безъ всякаго участія со стороны мозгового сознанія: у клѣтки *свое* сознаніе, но она и не подозреваетъ связи своего творчества съ жизнедѣятельностью всей сложной природы человѣка. Если мы сравнимъ отдѣльнаго человѣка, не сознающаго своей связи съ остальнымъ человѣчествомъ, съ такой клѣткой, мы будемъ имѣть приблизительное понятіе объ отношеніи дѣятельной роли каждой отдѣльной личности къ общечеловѣческому творчеству. Своей съ виду обособленной дѣятельностью люди буквально строятъ общечеловѣческой организмъ, участвуя въ тѣхъ его частяхъ, которымъ соответствуетъ характеръ ихъ дѣятельности. Не трудно представить себѣ, до чего поднялось бы ихъ сознаніе этихъ клѣтокъ, какъ безпредѣльно расширились бы ихъ горизонты, если бы въ одинъ прекрасный день онѣ узнали, что онѣ—живыя звенья въ цѣпи глубоко важныхъ явленій, участники въ созиданіи сложнаго человѣческаго организма.

Такой же подъемъ и расширеніе сознанія должны совершиться и въ сознаніи тѣхъ личностей, которыя были увѣрены, что дѣйствуютъ за счетъ своей обособленной жизни,—когда ихъ озаритъ сознаніе, что ихъ работа и ихъ опытъ *необходимы для всего человечества*.

Если посмотрѣть съ *этой* теософической точки зрѣнія на задачи, которыя осуществлялись различными народами, мы увидимъ, что какъ бы не были увѣрены творцы историческихъ цѣнностей, что они работаютъ для *своего* народа, въ дѣйстви-

тельности они работали для всѣхъ. Возьмемъ болѣе близкое къ нашей эпохѣ творчество древней Греціи или древняго Рима, — развѣ оно имѣло большее значеніе для древнихъ грековъ и римлянъ, чѣмъ для насъ? Оно разлилось по всему міру, оно какъ бы растворилось въ душѣ *всего* человѣчества и навѣрно мы найдемъ болѣе слѣдовъ этого творчества въ душѣ каждаго интеллигентнаго жителя любой изъ европейскихъ столицъ, чѣмъ въ душѣ современнаго жителя Эллады.

Мало того, въ сущности, мы только и любимъ, только и цѣнимъ высоко одно то, что служить для *всѣхъ*, что имѣетъ общемировую цѣнность. Если мы захотимъ дать себѣ отчетъ, *какія* черты дѣлаютъ для насъ обликъ человѣка цѣннымъ и достойнымъ любви, мы убѣдимся, что только тѣ черты, которыя говорятъ объ отсутствіи эгоизма, о самопожертвованіи, о воплощеніи *сверхличныхъ* идеаловъ. Также самая оцѣнка дѣйствительна и по отношенію къ историческимъ явленіямъ. Изъ всѣхъ общественныхъ событій энтузіазмъ вызываетъ въ насъ только то, что ведетъ къ общечеловѣческому благу, къ водворенію не условной, а вѣчной правды на землѣ, къ побѣдѣ высшей природы человѣка, а не къ торжеству ея звѣриной природы. Только *всеобщее, мировое*, имѣющее цѣну для всѣхъ временъ и для всѣхъ народовъ, способно вызвать истинный энтузіазмъ въ нашихъ сердцахъ, а это въ свою очередь доказываетъ, что человѣчество едино и что только *въ сознательномъ единствѣ можетъ оно осуществить Царство Божіе на землѣ*.

Если представить себѣ какъ гипотезу, что сознание этого единства проникло въ умы руководителей народовъ, развѣ возможны будутъ войны, захваты, насилія однихъ народовъ надъ другими? Невозможны станутъ и всѣ мрачныя черты національнаго эгоизма, развивающія презрѣніе къ инородцамъ, неуваженіе къ чужой религіи, посягательство на права и свободу зависящихъ отъ насъ племенъ.

Все это—результатъ невѣрныхъ понятій, и если ихъ замѣнить иными, и весь характеръ человѣческихъ отношеній измѣнится къ лучшему. Можно согласиться, что ученія теософіи ведутъ къ высокому идеализму, но нѣтъ болѣе ошибочной мысли, чѣмъ мысль о несовмѣстности идеализма съ задачами практической жизни; наоборотъ, ничто не способствуетъ въ такой степени наилучшему устроенію человѣческой жизни, какъ вѣрность высокимъ идеаламъ. Это еще одинъ изъ предрасудковъ нашего современнаго мышленія, которое разбивается ученіями древней Мудрости.

Е. Писарева.

За стѣной.

I.

Я ушелъ отъ жизни и отъ людей. Я нашелъ себѣ убѣжище отъ міра. Я построилъ четыре стѣны, и стѣны скрыли меня отъ глазъ враговъ моихъ. Тамъ много ненависти и мало любви, и я усталъ отъ встрѣчныхъ перекоровъ.

Стѣны скрыли меня отъ глазъ враговъ моихъ, и они скрыли отъ меня Божій міръ: красоту его, Душу его живую, трепещущую—хотя тамъ много ненависти и мало любви.

Моя битва проиграна, мое бѣгство окончено. Я ничего не вижу, стѣны окружаютъ меня; я ушелъ отъ жизни и отъ людей—я ушелъ. Изъ-за стѣнъ доносится шумъ лѣсовъ и плескъ воды; изъ-за стѣнъ доносится пѣнье птицъ и голось животныхъ. Этотъ шумъ немолчный несется къ далекому небу и говоритъ о Творитѣ. Я слышу, какъ живетъ природа и какъ творитъ она великую правду Создавшаго ее. Я чувствую ея правду, но у меня за стѣной нѣтъ любви, ибо жизнь осталась тамъ, откуда я ушелъ.

Изъ-за стѣны доносится говоръ людей—этотъ говоръ, полный пересудовъ. Онъ полонъ страсти—въ немъ горе и страданіе. Люди идутъ на борьбу, и ихъ клики несутся къ далекому небу и говорятъ о Творцѣ. Я слышу, какъ борются люди, и какъ живетъ въ нихъ великая сила Создавшаго ихъ. Я чувствую ихъ силу, но у меня за стѣной нѣтъ любви, ибо любовь осталась тамъ, откуда я ушелъ.

Изъ-за стѣны донеслись мои прошлыя мысли и дѣла. Я не узналъ ихъ. Въ нихъ нѣтъ усталости и сомнѣнія. Они бодры, но они изъ прошлаго и уже унеслись къ далекому небу и тамъ

говорять о Творцѣ. Я слышу ихъ голосъ, и слышу, какъ трепещетъ въ нихъ великая вѣра въ Создавшаго меня. Я чувствую ихъ вѣру, но у меня за стѣной нѣтъ любви, ибо мысли и дѣла остались тамъ, откуда я ушелъ.

Съ далекаго неба нисходитъ голосъ Единаго-Вездѣсущаго: Онъ шлетъ Свою Правду міру, дабы творить ее; Онъ шлетъ Свою силу людямъ, дабы испить имъ чашу страданія и горя. Онъ шлетъ Свою вѣру душѣ, не бѣгущей отъ Его міра. Онъ Самъ идетъ съ любовью, дабы призвать тѣхъ, кто слышитъ Его. Я чувствую Его правду, силу и вѣру; я чувствую Его, идущаго съ любовью, и у меня за стѣною вопаряется смерть, ибо Единый Вездѣсущій идетъ туда, откуда я ушелъ.

II.

Стѣны мои безъ оконъ, и крыши нѣтъ надо мною. Далекое небо синѣетъ вверху и притягиваетъ мой взоръ—ясное, холодное, покойное. Земля скрыта отъ меня, и моя надежда въ небесахъ: тамъ Вѣчное, и оттуда должно прійти мое спасенье.

Я жду, когда надо мною разорвется твердь и раздастся голосъ Творца. Я жду, когда пронесется дыханіе Вѣчнаго и наполнить духъ мой свѣтлымъ покоемъ.

Тишину разбудилъ дѣтскій смѣхъ за стѣной. Это смѣхъ земли—какъ далекъ онъ мнѣ. Почему онъ такъ грустно звучитъ, точно дѣти плачутъ? Это мои стѣны заглушаютъ радость смѣха! Дѣти какъ будто плачутъ, и я не вижу, сидятъ ли они и утираютъ кулачками свои слезы или играютъ, бѣгая другъ за дружкой. Я не вижу дѣтей...

Далекое небо ясно, холодно, покойно. Я стараюсь проникнуть въ него, и не могу: дѣтскій грустный смѣхъ закрываетъ глубину небесъ отъ моего взора. И я понимаю, что та грусть не ихъ, а моя; они радуются, а грусть звучитъ во мнѣ.

Тотъ, кто ждетъ голоса Творца—радуется; тотъ, кто можетъ воспринять дыханіе Вѣчнаго—не знаетъ измѣненій.

Дѣтскій смѣхъ растеть, а съ нимъ растеть моя грусть: далекое небо ясно, холодно, покойно. Этотъ смѣхъ поетъ хвалу землѣ; этотъ смѣхъ радуется жизни. Онъ несется къ отверстымъ небесамъ. Онъ полонъ дыханіемъ Вѣчнаго. Любовь—имя ему.

Мои стѣны безъ оконъ, и крыши нѣтъ надо мной. Далекое небо синѣетъ вверху—ясное, холодное, покойное: для одинокаго нѣтъ отверстыхъ небесъ; для одинокаго нѣтъ дыханія Вѣчнаго!

III

Великая ночь—ночь погребеннаго Слова тихо спустилась на землю. Земля затаила дыханье и внеслетъ великому чуду. Воскресшій грядетъ! Очи небесъ зажглись въ вышинѣ. Эти очи—далекіе братья и сестры земли, свидѣтели жертвы побѣдной, посылають съ любовью свой лучъ искупленному міру.—Воскресшій грядетъ!

Благовѣсть льется широкой волной и воздухъ трепещетъ отъ звуковъ; благовѣсть будитъ уснувшія души, и всѣхъ къ единеню зоветъ.—Воскресшій грядетъ!

Слышу, какъ люди толпами идутъ и далеко несется ихъ пѣнье; радость звучитъ въ этихъ пѣсняхъ, и къ небу летитъ въ отвѣтъ на мерцаніе звѣздъ:—Воскресшій грядетъ!

Тамъ, за стѣной, въ эту ночь безграничной любви и великаго чуда, злоба и ненависть стихли—Воскресшій грядетъ!

Тамъ за стѣною—Голгова, чаша жертвы побѣдной, путь борьбы и страданья, гдѣ Вѣчное Слово міру явилось—Воскресшій грядетъ!

Тамъ за стѣной—Крестъ, позорная казнь для рабовъ и злодѣевъ, зажегся свѣтомъ небеснымъ, какъ символъ спасенія міра—Воскресшій грядетъ! Тамъ за стѣной, въ эту ночь, когда Вѣчное Слово возстало изъ гроба, смертію смерть побѣдивъ, вся Жизнь и весь Міръ въ радости общей и общей любви, стирая руки другъ другу—поютъ: Сынъ человѣческой, міра Спаситель, Воскресшій грядетъ!

Холодны стѣны мои, и душа одиноко тоскуетъ. Звѣздъ золотое мерцанье, благовѣсть вѣщій и звуки святыхъ пѣснопѣній не будятъ отвѣта въ душѣ одинокой.

Стѣны плѣнили меня и оковали мнѣ душу. Нѣтъ здѣсь ни встрѣчъ дорогихъ, ни братскихъ объятій, нѣтъ ни любви, ни страданія людского. Чудо великое—Жертва побѣдная—тамъ за стѣной. Доли мнѣ нѣтъ въ этихъ гимнахъ любви и восторга—Воскресшій грядетъ!

IV.

Я молюсь цѣлый день и всю ночь среди стѣнъ. Я смотрю въ небеса и со страстной надеждою жду той минуты, когда я очнусь ото сна, и не въ грезахъ, а въ жизни пойму, что весь міръ съ его горемъ и счастьемъ его—отраженье идеи Творца.

Я молюсь цѣлый день и всю ночь среди стѣнъ. Я смотрю

въ небеса и со страстной надеждою жду той минуты, когда не умою, а душою пойму, что нѣтъ стѣнь предо мной, что живу я съ людьми и люблю я людей.

Я молюсь цѣлый день и всю ночь. Я смотрю въ небеса и со страстной надеждою жду той минуты, когда, заглянувъ въ свое сердце, пойму, что оконченъ мой путь одинокихъ шаговъ, что вернулся я къ жизни другимъ.

Я молюсь цѣлый день и всю ночь среди стѣнь. Я смотрю въ небеса и со страстной надеждою жду той минуты, когда я пойму тихій голосъ любви, той любви, что не цѣнитъ себя...

С.

Святъ Богъ, Отецъ всего сущаго; Святъ Богъ, Чья воля совершается его могуществомъ; Святъ Богъ, восхотѣвшій быть познаннымъ тѣми, что принадлежатъ Ему. Святъ Ты, создавшій бытіе Словомъ Своимъ, Святъ Ты, Чей образъ являетъ природа; Святъ Ты, несотворенный природою. Святъ Ты и сильнѣе всякой мощи; Святъ Ты и превыше всякаго величія; Святъ Ты и превыше всякой хвалы. Прими чистую словесную жертву души и сердца, возносящагося къ Тебѣ, о Неизреченный, Неисповѣдимый, Кого познать можетъ одно молчаніе. Не введи меня въ заблужденіе, дай познаніе нашего естества, дай силу, озари милостію Твоею непросвѣщенныхъ братьевъ племени моего, Твоихъ дѣтей. Вѣрую въ Тебя и свидѣтельствую о Тебѣ, шествую въ жизни и свѣтѣ. О Отецъ, будь благословенъ; человекъ принадлежащій Тебѣ, волишь причаститься святынь Твоей, по данной Тобою власти.

Изреч. изъ Гермеса Трисмегиста.

Воспоминанія.

Глава ХХХ.

Ромочка, начавшій заниматься съ Мейеромъ, скоро на своей виолончели не только догналъ мою скрипку, но и перегналъ меня.

Не такъ успѣшно давались ему науки въ Анненской школѣ и родители мои рѣшили помѣстить его въ Консерваторію, директоромъ которой въ то время былъ хорошій знакомый моего отца Михаилъ Павловичъ Азанчевскій, а профессорами по классу скрипки—Венявскій, по виолончели—Давидовъ и Поортень, къ которому Ромочка и поступилъ.

Консерваторія въ тѣ времена была не тамъ, гдѣ она находится теперь, а помѣщалась на Театральной улицѣ, въ зданіи министерства внутреннихъ дѣлъ, и у нея было два подъѣзда—ученическій и другой для публики, посѣщавшей квартетныя собранія и музыкальные вечера, устраиваемые въ залѣ консерваторіи.

Какимъ таинственнымъ и заманчивымъ казался мнѣ первый подъѣздъ, куда имѣли право входить только ученики, профессора консерваторіи, артисты—участники концертовъ и самые близкіе имъ люди, насъ же—*публику*, туда не пускали и сердце мое, тяготѣвшее къ артистамъ не менѣе, чѣмъ къ морякамъ, сжималось, когда въ день квартетнаго, или ученическаго вечера, мы съ отцомъ подъѣзжали къ консерваторіи со стороны Александринскаго театра и онъ говорилъ:

— Извощикъ, ко второму подъѣзду направо.

Войдя въ этотъ подъѣздъ, мы раздѣвались въ обширной передней, поднимались по лѣстницѣ и входили въ довольно просторную комнату, изъ которой одна дверь вела въ залу, а другая— въ коридоръ и возлѣ этой двери всегда дежурилъ консерваторскій служитель, охраняя входъ въ классы и не пуская ни учениковъ въ публику, ни публику къ ученикамъ, и ученики во время вечеровъ толпились въ коридорѣ и съ любопытствомъ выглядывая изъ-за спины служителя, смотрѣли на насъ.

Но нѣкоторымъ изъ нихъ удавалось оттуда проскользнуть въ аванзалу, когда служитель на минуту отвлекался, и онъ негодовалъ.

— Не хорошо, не хорошо, пожалуйста назадъ, а то Клемченкѣ скажу (Клемченко былъ инспекторъ консерваторіи).

— Какъ бы не такъ—смѣялись ученики и, смѣшавшись съ публикой, пробирались въ залу и садились въ задніе ряды, къ стѣнѣ, гдѣ Клемченко никакъ не могъ увидѣть ихъ.

Съ неудержимымъ чувствомъ тяготѣнія къ консерваторскому міру, я жадно всматривалась въ таинственный полумракъ коридора, казавшагося мнѣ входомъ въ святилище и замѣчала, что чаще всего удавалось оттуда пройти въ публику высокому молодому человѣку съ интереснымъ лицомъ, пламеннымъ взглядомъ и густыми, длинными черными волосами, за нимъ мимо служителя незамѣтно пробиралась маленькая брюнеточка, а за ней, длинный бѣлокурый юноша.

Прошмыгнувъ въ залу, они садились въ заднихъ рядахъ въ самый уголокъ и, увлекая мое вниманіе своей веселостью, отвлекали его отъ музыки.

— Кто эти ученики? Какіе милые и интересные—думала я, слушая музыку однимъ ухомъ, а другимъ—ихъ веселый шопоть,— вотъ съ кѣмъ хотѣлось бы мнѣ познакомиться, вмѣстѣ сидѣть, смѣяться и болтать.

Позднѣе, увидѣвъ и услышавъ ихъ на эстрадѣ, на ученическомъ вечерѣ и узнавъ, что это Вержбиловичъ, лучшій ученикъ Давыдова, скрипачка Барканъ и Галкинъ—ученики Венявскаго, я окончательно влюбилась въ нихъ.

Почти на всѣхъ квартетныхъ и ученическихъ вечерахъ, на которые мы съ отцомъ были абонированы и сидѣли въ среднихъ рядахъ, недалеко отъ двери, бывало еще одно интересное существо, особенно привлекавшее мое вниманіе—маленькая дѣвочка, приблизительно моихъ лѣтъ въ красненькомъ клѣтчатымъ

платицеѣ, съ кудрявой головкой и умненькимъ личикомъ; она сидѣла какъ разъ передо мной, тоже со своимъ отцомъ, высокимъ и красивымъ господиномъ въ *ripse-pez* и тоже наблюдала, быстро поворачивая головку, то направо, то налево.

— Вотъ съ кѣмъ хотѣлось бы мнѣ тоже познакомиться— думала я, не подозрѣвая, что это моя будущая *belle-soeur*, дочка извѣстнаго любителя, пѣвца и композитора, барона Дингельштедта, пріятеля знаменитаго тенора Тамберлика.

Думала ли я тогда, что придетъ время, когда мы обѣ будемъ юны, будемъ встрѣчаться, съ увлеченіемъ танцевать, потомъ почти одновременно выйдемъ замужъ за двухъ братьевъ и у насъ будетъ много дѣтей, потомъ будутъ внуки и, дружныя до конца, мы обѣ будемъ работать на нивѣ общественной дѣятельности.

Многого тогда еще не знала пытливая мысль, руководившая моими взглядами, устремлявшимися во всѣ стороны консерваторской залы, на эстраду, гдѣ играли артисты и въ первые ряды, гдѣ, слушая ихъ, сидѣла избранная публика: директоръ съ женой и племянницами, дамы въ бархатахъ и жемчугахъ, блестящіе военные и статскіе.

А надъ дверью, выходящей изъ коридора въ первые ряды, было большое окно въ видѣ ложи и тамъ сидѣли ученицы и ученики консерваторіи и, перешептываясь и дѣлая замѣчанія, навѣрное на счетъ публики, переглядывались и пересмѣивались съ учениками и ученицами, сидѣвшими на эстрадѣ, позади исполнителей.

-- Ахъ какъ хотѣлось бы сидѣть въ этомъ окнѣ! Какъ тамъ было весело! И тамъ былъ Ромочка.

Я очень гордилась тѣмъ, что Ромочка *ученикъ консерваторіи*, что онъ входитъ туда черезъ *первый подъездъ* и на вечерахъ *сидитъ въ окнѣ*.

И самъ онъ, поступивъ въ консерваторію, былъ очень счастливъ.

Раньше, молчаливый, задумчивый и застѣнчивый, онъ теперь оживился, сталъ разговорчивъ и съ увлеченіемъ рассказывалъ о своихъ товарищахъ и друзьяхъ, часто упоминая имена Лядова и виолончелиста Рѣпина, брата художника, у котораго Ромочка бывалъ со своимъ товарищемъ.

— Знаешь, Шурочка,—какія у него картины! Я былъ у него и видѣлъ—всѣ стѣны увѣшаны, а на полу, возлѣ стѣнъ, все этюды, этюды, такіе чудесные и прямо кучами брошены въ углахъ, ахъ! какой художникъ, какой художникъ!

Ромочка любилъ живопись не меньше музыки и самъ отлично рисовалъ портреты—набрасаетъ на бумагѣ двѣ-три черточки—выходитъ Александръ Ивановичъ Рубецъ, преподаватель теоріи въ консерваторіи, еще нѣсколько штриховъ—получается инспекторъ, директоръ, кто угодно, какъ живые, а игралъ онъ на віолончели такъ хорошо, что на вторую зиму его уже назначили участвовать на публичномъ ученическомъ вечерѣ и онъ готовилъ концертъ Ромберга.

Съ нетерпѣніемъ ждали мы этого дня, собираясь ѣхать слушать Ромочку.

— Тетя, дай мнѣ пожалуйста свѣчку и спички,—сказалъ Ромочка моей матери утромъ въ день концерта,—я поѣду вечеромъ пораньше, чтобы, до выступленія, поиграть въ классѣ, а тамъ будетъ темно и лампы мнѣ навѣрное не дадутъ.

Часовъ въ шесть, проводивъ Ромочку съ его віолончелью и пожелавъ ему не бояться и хорошенечко сыграть, мы сами, не торопясь, стали собираться и, принарядившись, сѣли чай пить передъ отъѣздомъ.

Вдругъ въ передней раздался сильный звонокъ и когда открыли дверь, кто-то торопливо вошелъ въ кабинетъ отца и заперся тамъ.

— Кто это?—спросилъ Анисью отецъ мой, сидѣвшій вмѣстѣ съ нами за чаемъ.

— Романъ Платоновичъ вернулись,—отвѣтила Анисья.

— Что такое случилось?—удивился отецъ и пошелъ въ кабинетъ.

Черезъ нѣкоторое время онъ пришелъ и сказалъ.

— Некуда вамъ ѣхать:—Романъ поджогъ рояль и можетъ быть теперь уже вся консерваторія горитъ.

Отецъ спѣшно, спѣшно одѣлся и уѣхалъ, а мы остались въ полномъ недоумѣніи.

— Шурочка, пойди узнай, какъ все это случилось,—послала меня бабушка къ Ромочкѣ.

— Ромочка, отвори,—тихонько постучала я въ кабинетъ.

Никто не отвѣчалъ, я приложила ухо къ замочной скважинѣ и услышала, какъ Ромочка всталъ съ дивана и тяжелыми шагами подошелъ къ двери; онъ повернулъ ключъ и я вошла, а онъ вернулся на диванъ, легъ лицомъ къ стѣнѣ и закрылъ глаза.

Сразу спрашивать его было бы бесполезно, лучше было присѣсть къ нему и погладить его по головѣ, какъ въ дѣтствѣ.

Онъ открыль глаза.

— Какъ все это случилось?—спросилъ его мой недоумѣвающій взглядъ.

— Я сжегъ рояль—отвѣтилъ Ромочка глухимъ голосомъ.

— Какъ?

— Да такъ ... Пошелъ заниматься въ свой классъ, а тамъ темно, я зажегъ свѣчку а подсвѣчника у меня нѣтъ, ну я и прилѣпилъ свѣчку къ крышкѣ надъ клавишами, чтобы ноты были видны, и нечаянно толкнулъ крышку, свѣчка съ огнемъ и покатила въ рояль, достать ее было невозможно и рояль началъ горѣть....

— Что же ты сдѣлалъ?

— Схватилъ свою виолончель, заперъ классъ на ключъ и побѣжалъ внизъ къ Антону (Антонъ былъ швейцаръ, пользовавшійся довѣріемъ учениковъ и говорившій, что въ консерваторіи только два Антона—онъ и Антонъ Григорьевичъ Рубинштейнъ)!

— Я отдалъ ему ключъ—продолжалъ Ромочка—и сказалъ: пойди скорѣе въ нашъ классъ, посмотри что тамъ дѣлается, а самъ поскорѣ уѣхалъ домой.

— Ахъ! что тамъ теперь творится! ... вѣрно бѣгаютъ съ ведрами и Курочкинъ бѣгаетъ. (Курочкинъ былъ всѣми любимый дѣлопроизводитель консерваторіи).

Упомянувъ о Курочкинѣ Ромочка улыбнулся такъ весело и съ такимъ юморомъ, что я не могла не расхохотаться.

— Бабуля!—со смѣхомъ прибѣжала я въ столовую—это не Ромочка поджогъ рояль, это свѣчка....

— Чего же ты хохочешь, расскажи толкомъ, что тутъ смѣшного?

— Ой! Бабу-уля, не могу-у ... Ужасно смѣшно-о-о... теперь тамъ бѣгаютъ съ ведрами ... И Ку-урочкинъ...

— Заливаясь до слезъ глупымъ неумѣстнымъ смѣхомъ, я не могла говорить и всѣ невольно стали тоже смѣяться.

— Сейчасъ перестать! И рассказывай,—прикрикнула на меня бабушка.

Добившись толку, она развела руками:

— Хорошъ, нечего сказать, отличился не хуже Герострата.

— Все нѣтъ, Бабуля. Геростратъ сжегъ храмъ нарочно, а Ромочка нечаянно.

— Ah! Tu n'as pas oublié l'histoire—похвалила меня бабушка—mais ce qui est arrivé n'est pas du tout drôle, c'est très traquique—

почему-то размѣялась она сама—il faut espérer que le conservatoire n'a pas pri feu, car c'est ton père qui devra payer les frais ¹⁾.

Отецъ вернулся довольно поздно и разсказалъ, что рояль потушили, консерваторія не сгорѣла и вечеръ состоялся безъ Ромочки, и объ этомъ очень жалѣлъ его профессоръ.

Убытки консерваторія приняла на себя, въ виду талантливости Ромочки, а Ромочка, хотя въ этотъ вечеръ не игралъ, но и безъ того прославился.

— А! Это тотъ самый Захарьинъ, который сжегъ рояль, съ улыбкой говорили про него въ публикѣ, когда онъ потомъ выступалъ на вечерахъ.

— Какъ же; какъ же—тотъ самый, не правда ли, хорошо играетъ?

— Отлично!—Какой талантливый!

Ромочкина слава все росла, озаряемая пламенемъ воспоминаній горящаго рояля, случая навѣрное единственнаго во всей лѣтописи прошлаго и будущаго не только нашей консерваторіи, но и консерваторій всего міра.

Многихъ свидѣтелей этого знаменитаго въ своемъ родѣ пожара уже нѣтъ на свѣтѣ, также перешли въ иной міръ почти всѣ консерваторскіе служители и швейцары, гасители горѣвшаго рояля, остался въ живыхъ, кажется, только Василій и говорятъ, что онъ еще продолжаетъ служить въ новой консерваторіи, но уже очень старъ.

Если спросить его, онъ навѣрно скажетъ:

— Захарьинъ? помню, помню, немало мы тогда перетаскали ведеръ и вылили въ рояль—какъ свѣчка горѣлъ, дерево-то сухое-пресухое.

Глава XXXI.

Мечта моего отца осуществилась,—когда мы съ Ромочкой стали хорошо играть, у насъ вмѣстѣ съ мамой составилось тріо и можно было устраивать музыкальные вечера, такъ какъ у насъ были и пѣвицы—мои маленькія сестры Соня и Варя; онѣ такъ мило пѣли, изображая разныя сцены изъ оперъ, что наши

¹⁾ А! Ты не забыла исторію, но то что случилось совсѣмъ не смѣшно, но очень трагично, надо надѣяться, что консерваторія не загорѣлась, потому что убытки долженъ будетъ заплатить твой отецъ.

знакомые съ удовольствіемъ слушали ихъ, потомъ мы съ Ромочкой играли, затѣмъ пѣлъ отецъ.

Изъ числа нашихъ знакомыхъ особенно увлекался нашей музыкой Николай Александровичъ Галлеръ—мужъ пріятельницы моей матери, француженки Шарлотты Ипполитовны, урожденной de Grandseigne.

Женившись на ней много лѣтъ тому назадъ, Николай Александровичъ, очень богатый человѣкъ, тоже сталъ другомъ нашей семьи и особенно привязался къ намъ, послѣ того, какъ разорился и родители мои во время его бѣдствій выказали ему особенное участіе и помогли ему, тогда какъ многіе изъ друзей Галлеръ въ это время покинули ихъ.

Теперь Николай Александровичъ, благодаря какимъ-то удачнымъ финансовымъ операціямъ, былъ опять богатъ—гораздо богаче прежняго; онъ былъ директоромъ какихъ-то банковъ, очень виднымъ дѣятелемъ въ финансовомъ мірѣ и славился какъ знатокъ и коллекціонеръ дорогихъ ружей и гравюръ, а салонъ его жены считался однимъ изъ первыхъ въ Петербургѣ.

Николай Александровичъ однажды съ интересомъ разсматривалъ наши инструменты и очень серьезно бесѣдовалъ о скрипкахъ, віолончеляхъ и инструментальныхъ мастерахъ съ Мейеромъ, продолжавшемъ бывать у насъ также часто, какъ и раньше, хотя Ромочка учился уже не у него, а въ консерваторіи.

— А вѣдь скрипка-то должна быть итальянская,—говорилъ Галлеръ, разглядывая мою скрипочку со всѣхъ сторонъ; увлекшись нашей музыкой, онъ вдругъ почувствовалъ влеченіе къ музыкальнымъ инструментамъ, какъ къ ружьямъ и гравюрамъ.

— А надписи нигдѣ нѣтъ,—прищуриваясь, старался онъ черезъ эфы разглядѣть нутро скрипки.

— Да, надписи нѣтъ, я уже смотрѣлъ, а скрипка повидимому итальянская,—подтвердилъ Мейеръ, и у нихъ опять начался предлинный разговоръ о знаменитыхъ итальянскихъ инструментахъ, находившихся въ рукахъ извѣстныхъ скрипачей и віолончелистовъ.

Въ этомъ разговорѣ принялъ живое участіе и мой отецъ, какъ столяръ, любившій красоту дерева и чистоту работы во всѣхъ издѣліяхъ, и онъ любовался моей хорошенькой скрипочкой и полосами ея задней деки, напоминавшихъ мнѣ полосы на спинѣ нашего сѣраго кота.

— Это клень,—сказалъ отецъ.

— Не кленъ, а *агръ*,—поправилъ его Мейеръ—бока, шейка и головка скрипки тоже изъ агра, а верхняя дека изъ швейцарской сосны и отъ нея зависитъ качество звука инструмента; видите какъ идутъ слои дерева, налѣво крупнѣе, а направо все мельче и мельче, точно по закону звука. Когда знаменитые мастера собирались дѣлать скрипки и виолончели, они сами ходили по лѣсамъ и выбирали деревья, прикладывали къ нимъ ухо и слушали, постукивая по дереву, и они только тогда рѣшали, какое дерево годится для музыкальнаго инструмента, когда слышали звукъ его души, эта душа должна была пѣть и въ инструментѣ;—да, они знали *тайну дерева*, знали, какъ сушить, распиливать и склеивать его и имъ были извѣстны такіе секреты построения инструментовъ и состава лака, которыхъ теперь никто не знаетъ, оттого прежнія скрипки съ годами все лучше звучатъ и становятся все цѣннѣе.

— Какъ сигары?—замѣтилъ Галлеръ, любитель и знатокъ хорошихъ сигаръ.

Или какъ вино,—прибавилъ отецъ, какъ морякъ, понимавшій толкъ въ старыхъ заграничныхъ винахъ.

— Что вы говорите! Развѣ можно сравнивать музыкальные инструменты съ виномъ и сигарами,—съ негодованіемъ возразилъ Мейеръ,—хорошій музыкальный инструментъ свя-ты-ня, посмотрите-ка внутрь нѣкоторыхъ скрипокъ Іосифа Гварнери, что тамъ изображено рядомъ съ надписью?—*крестъ въ кругу* и буквы I H S, эти скрипки посвящены Іисусу Христу и даже называются „del Iesu“, а Вы говорите—вино и сигары.—Э-эхъ! Ничего Вы еще не понимаете,—вздыхнулъ Мейеръ.

— А что, если я тоже попробую сдѣлать скрипку,—сказалъ отецъ.

— Попробуйте,—улыбнулся Мейеръ.

— Александръ Ѳедоровичъ, какъ Вы думаете, еслибъ я теперь началъ учиться на виолончели, не поздно?—спросилъ его Галлеръ.

— Отчего же поздно? Никогда не поздно начинать что нибудь хорошее,—начните учиться на виолончели, а Василій Васильевичъ пусть начинаетъ дѣлать скрипки, а что изъ этого выйдетъ—увидимъ.

— Ну, Сашенька, рѣшено! Начинаю учиться на виолончели,—обратился ко мнѣ Галлеръ,—и буду съ Вами трио играть, даю Вамъ слово.

— А я тебѣ скрипку сдѣлаю,—перебилъ его отецъ.

— По рукамъ?

— По рукамъ! Разнимайте, Александръ Ѳедоровичъ.

Друзья протянули другъ другу руки и Мейеръ, правой рукой, какъ бы раздѣля ихъ рукопожатіе отвѣтилъ:

— Въ добрый часъ.

— Такой старый и уже съ просѣдью,—недовѣрчиво мысленно отнеслась я къ фантазіи пожилого, рыжеватаго, съ сѣдиной Николая Александровича, сравнивая его съ черноволосымъ, румянымъ, красивымъ и веселымъ, голубоглазымъ отцомъ моимъ и подумала:

— Врядъ ли выучится, а папочка навѣрное хорошую скрипочку сдѣлаетъ.

Но Николай Александровичъ не только сдержалъ свое слово и къ слѣдующей зимѣ выучился порядочно играть на виолончели, но лѣтомъ съѣздивъ въ Парижъ и привезъ оттуда отъ Виліома цѣлую коллекцію великолѣпныхъ скрипокъ, альтовъ и виолончелей Страдивариуса, Амати и другихъ знаменитыхъ итальянскихъ мастеровъ и также скрипку Гварнери del Iesu.

Вильомъ, въ память такого небывалаго случая, покупки богатымъ русскимъ бариномъ, un seigneur russe très riche, цѣлой коллекціи драгоценныхъ инструментовъ, si précieux, qu'au fond ils n'ont pas de prix, собственноручно сдѣлалъ скрипку и, назвавъ ее S-t Nicolas, поднесъ ее Николаю Александровичу Галлеру. (Скрипка эта теперь находится у моей сестры Сони, тоже сдѣлавшейся, по моему примѣру скрипачкой, а Гварнери del Iesu—у меня).

— А я уже приготовилъ трио Рейзигера,—объявилъ мнѣ осенью Николай Александровичъ, приглашая насъ на jours fixes—музыкальныя субботы въ салонѣ его жены.

— Каждый разъ, Сашенька, мы будемъ съ Вами начинать вечеръ, потомъ будутъ играть артисты и Васъ непременно прошу каждую субботу играть у насъ соло, смотрите же, будьте *воздемъ* нашихъ вечеровъ.

— Все это очень, очень весело—думала я, присѣдая и улыбаясь Галлеру,—но только, что значить этотъ „гвоздь“ и какъ это четырнадцатилѣтняя дѣвочка можетъ сдѣлаться *воздемъ* на музыкальномъ вечерѣ?... не понимаю, надо будетъ спросить бабушку, или отца.

А. Унковская.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Страничка изъ Автобіографіи.

А. Л. Погоской ¹⁾

Въ 1893 году я во второй разъ подъѣзжала къ Нью-Йорку, привѣтствуя знаменитую страну свободы, высящуюся отъ водъ Гудзона, уже не такими удивленными глазами, полными надежды и восторга, какъ въ 1879 г. Я знала уже, кому свѣтитесь зажженный факель, много тайнъ перестало быть для меня тайнами, много грезъ и иллюзій разсыпалось въ прахъ и вмѣсто восторга было нѣкоторое знаніе страны и ея возможностей, я знала, чего ищу и знала свои силы.

Кромѣ того, на этотъ разъ я знала, что среди чужихъ лицъ меня встрѣтятъ и свои родныя лица. Я чувствовала себя настолько дома и на пароходѣ, что взялась опенать одну 80-лѣтнюю старушку, которая изъ Англіи ѣхала „домой“, на Багамскіе острова, и по какому то недоразумѣнію расположилась на моей койкѣ. Когда мы отъѣзжали, прогудѣлъ послѣдній свистокъ изъ самыхъ нѣдръ громадины и провожатый старушки метался безъ всякаго толку по чужимъ каютамъ, а она—бѣдненькая, старенькая, дро-

¹⁾ Александра Логиновна Погоская много трудилась надъ возрожденіемъ художественнаго ручного труда среди русскихъ крестьянокъ. Она собирала по всей Россіи старинныя образцы тканей, вышивокъ, одежду, рѣзбы по дереву и по металлу, и по этимъ образцамъ приучала крестьянокъ дѣлать художественныя вещи, которыя имѣютъ большой сбытъ въ Англіи. Но главный трудъ ея жизни, это возрожденіе старинной растительной окраски.

Искусство это почти уже отошло въ область преданія, и ей пришлось въ полномъ смыслѣ снова изобрѣтать различные оттѣнки растительной окраски. Кто видѣлъ ея пряжу и ея ткани, тотъ знаетъ какая разница между мягкими, пущими оттѣнками природныхъ цвѣтовъ и искусственными химическими красками.

Прим. редакціи.

жащая и испуганная, сидѣла, прислонившись, на моей койкѣ и сразу завоевала всѣ мои симпатіи. Я успокоила ея провожатаго—зятя, какъ потомъ оказалось—и онъ благополучно сошелъ на берегъ, а мы стали медленно выпрастываться изъ сплошной массы судовъ въ Ливерпульской гавани.

Это плаваніе—одно изъ моихъ шести океанскихъ переѣздовъ—было самое неудачное и не комфортабельное, хотя я взяла билетъ на самомъ большомъ пароходѣ того времени, City of Paris, на которомъ помѣщалось двѣ тысячи пассажировъ и матросовъ—цѣлый уѣздный городокъ! И все это съ борка да съ сосенки.

Я ѣхала во II классѣ. Койка была мало того, что узкая до невозможности, но она ничѣмъ не обезпечивала пассажира во время качки. Просто полка съ матрасомъ безъ загородки. Держаться было не за что и когда пароходъ вышелъ въ море и сталъ накрениться, я позвонила и просила устроить какую нибудь прикрѣпу. Но стюардъ объяснилъ, что койка великолѣпная и что *мнѣ* не за чѣмъ беспокоиться, а *онъ* по горло занятъ другими дѣлами. Нечего дѣлать! Взяла ремень и привязала себя къ стѣнѣ.

Такъ какъ въ Ливерпулѣ у меня было много неудачъ и хлопотъ всякаго рода и я провела двѣ безсонныя ночи, то я и заснула немедленно, но... не надолго! Стали раздаваться поминутно у самага уха какіе то звуки, напоминающіе будильникъ. Я просыпалась, убѣждалась что они до меня не касаются и очень усталая, снова засыпала. Но снова и снова раздавались эти звуки, исходя—казалось—изъ собственной моей койки! Чаше и чаще трещали эти незримые будильники и пришлось проститься съ идеей безмятежнаго сна. Я стала соображать и оказалось, что къ тонкой перегородкѣ, отдѣлявшей мою койку отъ корридора, были придѣланы всѣ звонки этого отдѣла. Во II классѣ было 800 пассажировъ, и, повидимому, всѣ они нуждались въ пивѣ, лимонадѣ, и черномъ кофе, стюарды бѣгали по корридорамъ, а звонки трещали не умолкая.

Днемъ я осмотрѣлась какъ слѣдуетъ. Какая иллюзія эти громадные пароходы! Всѣ эти великолѣпные салоны и гостиныя съ пьянино и цвѣтами, роскошныя столовыя, широчайшія лѣстницы, укрытыя мягчайшими коврами, эти большія зеркала и окна, дающія столько свѣта. Какъ уютны эти бархатные диваны и козетки! Все это бросается въ глаза при входѣ на пароходъ. Но для того, чтобы попасть въ каюты, надо спуститься по кру-

той лѣстницѣ, а затѣмъ и еще ниже, уже въ третій этажъ. Тутъ помѣщаются столовая и курительная II-го класса, а тамъ, еще ниже, какая то головокружительная лѣсенка безъ всякихъ перилъ, ведущая къ каютамъ. Это уже нѣдра парохода, подъ уровнемъ моря, вентиляторовъ не существуетъ и воздухъ накачивается искусственно и свѣтъ тоже искусственный. Бѣдному, томиному морской болѣзною путешественнику страшно даже подумать взбираться на палубу по четыремъ лѣстницамъ. Въ одинъ прекрасный день, когда дулъ „свѣжій“ вѣтеръ и пароходъ нырялъ, какъ самый ничтожный челнокъ, забывъ передъ лицомъ океанскихъ волнъ всю свою громадность, я съ утра забралась на палубу, захвативъ съ собой фруктовъ, чтобы уже не спускаться въ столовую. У меня было съ собой морское кресло и пледъ и я въ полудремотномъ состояніи созерцала зеленя волны. Они уже не пугали меня своей величиной. Линія горизонта танцевала передо мной какъ-то періодично и величаво. Корма то вздымалась кверху, какъ конь на дыбы, то опускалась мягко и неторопливо, а вмѣсто нея вздымалась новая зеленая гора. И такъ безъ конца.

Время исчезло. Часы летѣли ничѣмъ не отмѣченные, не сознанные. Но вотъ стало темно и тихо. Палуба опустѣла. Я не была больна, но... не могла двинуться съ мѣста, я вся закованѣла. Попробовала позвать, но голосъ пропалъ и ротъ не раскрывался. Наконецъ, совѣмъ близко, вѣроятно не замѣчая меня, прошелъ морской офицеръ. Я захватила полу его одежды и не выпускала изъ рукъ. Онъ наклонился и вдругъ заговорилъ тревожно: „что же вы раньше не сказали, какъ же можно доводить себя до такого состоянія!“ Должно быть хороша я была! Онъ позвалъ матросовъ. Меня снесли внизъ и положили на койку. Я заснула немедленно.

Не помню какъ это было, но я начала сознавать необычайно сильную качку. Я примѣнялась къ крѣну парохода, вотъ онъ наклоняется вправо, потомъ грузно приподнимается и валится налѣво, вотъ поднялась корма, а вотъ нырнула носъ, и опять, и опять тоже движеніе. Все это ощущаю какъ бы сквозь сонъ. Но вотъ онъ нырнулъ внизъ, спускается все дальше, глубже, происходитъ что-то странное и я проснулась совѣмъ. Что это? Стоны! Крики! На противоположной верхней койкѣ сидитъ ирландка и поетъ гимны. На нижней койкѣ толстая дама обнимаетъ господина въ ночномъ бѣльѣ. Я соображаю, что это ея мужъ, который наканунѣ приносилъ ей лимонадъ.

Но какъ же такъ, въ одномъ бѣльѣ? думаю я. Ужъ не потонули ли мы и не находимся ли въ другомъ мѣрѣ, гдѣ на эти мелочи не обращаютъ вниманія?

Хаосъ стоялъ невообразимый. Мало кто говорилъ связно, за то—рыданія и вопли повсюду. Вѣроятно было много и такихъ, которые молчали какъ я, но ихъ было не слышно. За стѣнкой кто-то взволнованно объяснялъ „Сломался пропеллеръ“.

Все это окончательно убѣдило меня, что мы еще на землѣ, хотя и носимся безпомощно по океану, и наши земныя несовершенства въ полномъ ходу. А разъ мы на землѣ, надо пойти на верхъ, узнать въ чемъ дѣло и какіе виды у насъ на ближайшее будущее.

Было еще очень рано. Когда я поднялась въ рубку, разсвѣтъ едва брезжилъ. Рубка представляла странное зрѣлище. Сначала мнѣ представилось, что всѣ окна и двери были занесены снѣгомъ. Но оказалось, что это была вата, которою матросы законопатили всѣ малѣйшія щелки, куда могъ бы проникнуть бушующій океанъ. Въ рубкѣ не было ни души. Изъ оконъ ни зги не видно. Что то смутно-бѣлое, безформенное окутывало насъ со всѣхъ сторонъ. Я прильнула къ стеклу и всматриваясь съ напряженіемъ, разобрала ту стихію, въ которой мы находились. Больше всего было бѣлой пѣны, которая носилась какъ ураганная облака среди потоковъ воды, слышался непрерывный свистъ вѣтра, а затѣмъ я стала различать и темныя фигуры матросовъ въ непромокаемыхъ накидкахъ. Вотъ герои! Насъ оберегли, ватой закупорили, а сами тамъ ежеминутно рискуютъ быть снесенными за бортъ, неся свою службу. Замѣчательно, что морская болѣзнь, которая мучила меня послѣднія двое сутокъ, внезапно исчезла и я съ наслажденіемъ подлавалась нырятью корабля, чувствуя, что ничто больше не въ состояніи нарушить мое равновѣсіе.

Но вотъ первые лучи солнца пронизали разбушевавшіяся стихіи и какая красота, какія яркія краски и какое величіе открылись передо мной. Какой благодарностью и восторгомъ горѣло мое сердце за то, что мнѣ позволено быо увидѣть все великолѣпіе бури на океанѣ... И вмѣстѣ съ солнцемъ спустилось успокоеніе. Волны быстро измѣнили свой темпъ, все ожило и воскресло. Я распахнула дверь съ высокимъ порогомъ и радостно вдыхала пропитанный солнцемъ живой воздухъ моря.

Пароходъ нашъ весь этотъ день носился по водѣ безъ винта, мы потеряли возможность двигаться. Все равно, что лодка безъ

весель, телѣга безъ лошади. Пока налаживали запасный винтъ въ нѣдрахъ судна, я наслаждалась солнечнымъ днемъ въ изумрудной средѣ, и только къ вечеру пароходъ задрожалъ привычнымъ ритмическимъ дыханіемъ и понесся впередъ...

Мы подходимъ къ Нью-Йорку. На протяженіи бо-ти верстъ тянется одна изъ величайшихъ въ свѣтѣ гаваней. Красивые берега широчайшаго Гудзона, сплошь покрытые садами и виллами, дразнятъ воображеніе. Хочется скорѣе ступить на твердую землю, встрѣтить новую жизнь и помѣряться съ ней. Тутъ живутъ люди преимущественно энергичные, строящіе свою жизнь собственными усиліями, здѣсь люди всевозможныхъ вѣрованій, сами создающіе свои религіи, здѣсь цѣнятъ инициативу, а не положеніе. Здѣсь интересно попробовать и свои силы. Всѣ эти мысли толпились въ головѣ, пока лоцманъ медленно проводилъ пароходъ къ пристанѣ.

Пристань полна ожидающихъ съ цвѣтами и радостными улыбками. Вотъ уже я вижу брата и милую Женю, рукой подать можно, а несносный лоцманъ все пятится и маневрируетъ и истощаетъ наше терпѣніе. Наконецъ сходни установлены, комиссаръ всталъ на свое мѣсто и хочется бѣжать, летѣть, но не тутъ то было. Моя старушка едва не лишилась чувствъ. Она такъ слаба, что едва можетъ указать мнѣ встрѣчающаго ее сына, о которомъ безъ умолку говорила все время путешествія, и я иду къ нему и успокоиваюсь только тогда, когда вижу ее трепещущую въ рукахъ сына. Тогда и я иду къ своимъ. Но тутъ уже благоразумія не хватаетъ! Надо сидѣть на пристани безъ конца, пока двухтысячная толпа пассажировъ не проведетъ весь багажъ черезъ чистилище таможи. И вотъ, оставляя всю эту процедуру на „завтра, завтра не сегодня“, я ѣду съ братомъ „домой“.

На этотъ разъ „домой“ означало домикъ друзей въ Бруклинѣ на „Козьей горкѣ“. Друзья уѣхали на дачу и домъ предоставили брату. Это уже не Флорида ¹⁾ и не хата въ дѣвственномъ лѣсу, а настоящій домъ культурнаго вѣка и мы зажили по американски или по крайнѣй мѣрѣ думали, что живемъ по американски. Днемъ у каждаго своя спеціальная работа, свои устремленія и свои знакомства, а вечеромъ, когда мы опять сходимся вмѣстѣ—общая свѣрка и обмѣнъ впечатлѣній; всѣ мы

¹⁾ Первое пребываніе А. Л. Погосской въ Америкѣ было въ воздѣленной тогда Флоридѣ.

готовимся къ колоссальной чикагской выставкѣ. И каждый готовится по своему.

Я лично готовила большой экспонатъ мебели изъ выжженаго дерева. Мнѣ посчастливилось быть первой работницей въ этой отрасли въ Лондонѣ, гдѣ у меня были двѣ студіи для моихъ учениковъ и ученицъ. Вилльямъ Моррисъ ¹⁾ лично ввелъ меня въ міръ декоративныхъ художниковъ и ремесленниковъ. Это случилось совершенно неожиданно.

Осенью 1901 г. я пріѣхала изъ Россіи съ этимъ вновь изученнымъ ремесломъ; работа моя понравилась кое кому изъ знакомыхъ и мнѣ, тогда еще чужой въ Лондонѣ, посовѣтовали хлопотать о выставленіи моихъ работъ на выставкѣ Искусствъ и Ремеслъ (Arts and Crafts), устроенной въ первый разъ обществомъ того же имени, которое было создано В. Моррисомъ. Къ сожалѣнію я опоздала и послѣдній срокъ для пріема экспонатовъ уже прошелъ. Но по совѣту друзей, я отправилась къ В. Моррису. Для меня онъ былъ тогда все равно что божество съ Олимпа и еслибъ не настоянія друзей, я бы никогда не осмѣлилась на такой шагъ. Это мои опасенія въ недоступности были совершенно излишни. Меня встрѣтилъ очаровательный старикъ—мудрецъ съ художественной львиной головой, которая дышала силой и большимъ проникновеніемъ, но въ то же время необыкновенной добротой. Мнѣ казался онъ олицѣтвореніемъ того, чѣмъ долженъ быть человекъ и художникъ. Онъ ласково принялъ меня, помогъ распаковать принесенныя вещи и образцы и сталъ въ нихъ вглядываться, подходилъ къ окну, освѣщая то или другое пано болѣе яркимъ свѣтомъ, тутъ же далъ мнѣ нѣсколько совѣтовъ; и все это такъ просто и по товарищески, что заронилъ въ мое сердце на вѣки самое теплое чувство любви и благодарности.

— Это надо выставить въ Arts and Crafts, сказалъ онъ послѣ осмотра.

— Срокъ пріема экспонатовъ уже прошелъ, робко отвѣтила я.

— Можетъ быть, если я самъ свезу ихъ, то и примутъ, пошутилъ онъ и тотчасъ же позвонилъ и велѣлъ позвать кэбъ.

Я была на седьмомъ небѣ. Черезъ 2 минуты я стояла на крыльцѣ, а Моррисъ уже сидѣлъ въ кэбѣ, выглядывая изъ за нагроможденныхъ пано и столиковъ, и его доброе мужественное лицо улыбалось. Онъ кивнулъ мнѣ головой. „Можетъ быть и примутъ“, повторилъ онъ съ лукавой улыбкой.

¹⁾ В. Моррисъ—отецъ декоративнаго искусства въ Англии создалъ школу, влияніе которой распространилось не только въ Англии, но и по всему свѣту.

Мнѣ хочется остановиться на этой первой выставкѣ Arts and Crafts, которая съ тѣхъ поръ ежегодно повторяется въ теченіе 24 лѣтъ и составляютъ организацію, извѣстную всему артистическому міру. Для меня, русской, это было откровеніемъ. Это сляніе художниковъ и ремесленниковъ—столь небывалое въ Россіи—поражало и восхищало меня. Какіе люди! какая красота во всемъ! и какіе размѣры!

По вечерамъ устраивались лекціи, Вотъ художникъ-переплетчикъ, аристократъ, женатый на дочери знаменитаго Лорда Кобдена. Его переплеты оплачиваются чуть не на вѣсь золота. Это—какіе-то чудеса переплетнаго искусства! Онъ—на эстрадѣ; передаетъ исторію этого искусства и рассказываетъ вещи, которыя я не слыхивала ни разу въ жизни, и которыя открываютъ передо мной новые горизонты. Я слушала, какъ сказку и мнѣ не вѣрилось, чтобы этотъ корректный господинъ въ безукоризненномъ вечернемъ костюмѣ, могъ на самомъ дѣлѣ „пачкаться“ въ клею, возиться съ кожей и картономъ и продѣлывать всю ту грязную работу, которую я нерѣдко наблюдала въ мастерскихъ, да и сама продѣлывала частенько.

Но вотъ нашъ корректный ораторъ, говорящій среди роскошной залы, бѣлой съ золотомъ, и ярко освѣщенной электричествомъ, не задумываясь ни на минуту предъ роюмъ разодѣтыхъ дамъ, вдругъ снимаемъ фракъ, надѣваетъ холщевый фартукъ и превращается въ милого средневѣковаго цеховаго подмастерья, и въ его ловкихъ рукахъ кожа, картонъ, кисть, прессы, набойки и рѣзачи одушевляются какъ по волшебству и онъ самъ, изъ изящнаго оратора, преобразуется въ веселаго ловкаго geselle, смѣется и шутитъ, а работа кипитъ въ его рукахъ. Это было лучше всякаго театра, мысленно отмѣтила я.

Въ другой разъ я слышала лекцію г. Люиса Дэй—рисовальщика обой. Онъ читалъ съ иллюстраціями волшебнаго фонаря. Тогда это было еще очень ново. Онъ далъ намъ заглянуть въ самую глубь своего искусства, въ самый процессъ творчества и я начала понимать цѣли и размѣры декоративнаго искусства.

Но что могло быть болѣе вдохновляющимъ чѣмъ лекціи самаго В. Морриса? Надо было его видѣть терпѣливо разбирающимъ множество висящихъ разноцвѣтныхъ моточковъ на ковровомъ станкѣ, чтобы понять все очарованіе ручного труда, когда онъ вдохновляемъ красотой и любовью! Вотъ когда въ первый разъ я услышала въ стройной рѣчи то, что неясно бродило въ моей душѣ, когда я думала о растительныхъ краскахъ!

И это было ново, очень ново. Объ этомъ еще никто не говорилъ и не думалъ кромѣ тѣхъ немногихъ, никому неизвѣстныхъ красильщиковъ въ разныхъ углахъ Россіи, Ирландіи и Шотландіи, тамъ, гдѣ свѣтъ цивилизаціи еще не успѣлъ стереть ихъ. Но объ ихъ существованіи даже и не знали.

Сѣмя Морриса запало глубоко въ мою душу. Годами оно зрѣло во мнѣ и увѣ, когда мнѣ наконецъ съ помощью моихъ дочерей удалось получить первые радостные результаты растительной окраски 15—20 лѣтъ спустя,—Морриса уже не было на землѣ.

Эта выставка, а за ней и нѣсколько другихъ, принесли мнѣ много учениковъ и нѣкоторую извѣстность. Пока дѣти были юны и нуждались въ моемъ заработкѣ, я вела свое дѣло довольно успѣшно.

Одно меня сильно огорчало. Мои ученицы работали сколько нибудь порядочно, пока были подъ моимъ крыломъ, а потомъ низводили свою работу на уровень, недостойный назваться художественнымъ ремесломъ. Онѣ были такъ довольны тѣми первыми пріемами, которымъ я ихъ учила, что не желали совершенствоваться дальше, и эта вѣчно повторяющаяся печальная исторія привела меня наконецъ въ отчаяніе и я рѣшила отказаться совершенно отъ уроковъ, сдѣлаться настоящимъ ремесленникомъ и работать исключительно по заказамъ. Я продала свою студию и уѣхала въ Америку, куда уже раньше перебрался братъ съ женой. Мою вторую дочь, которая была моимъ товарищемъ по ремеслу, я оставила въ Ирландіи, пока не заработаю въ Америкѣ и на ея переѣздъ.

И вотъ я снова въ Нью-Йоркѣ. На этотъ разъ я попала въ противоположное теченіе. Флоридская жизнь была примитивна, въ тѣсномъ единеніи съ природой, вдали отъ всѣхъ злободневныхъ вопросовъ, среди людей, занятыхъ исключительно заработкомъ и единственной мечтой и цѣлью—вырастить плодоносную апельсиновую рощу и почитать на лаврахъ фантастическихъ доходовъ,—и только. Здѣсь же, въ Нью-Йоркѣ, все было ультра-современно. О единеніи съ природой никто не думалъ—некогда было. Ежедневно пресса выбрасывала въ общество полновѣсные заряды злободневныхъ задачъ, стачекъ, краховъ, внезапныхъ обогащеній при фантастическихъ условіяхъ, подвиги наемныхъ усмирителей—солдатъ Пинкертон¹⁾, не говорю уже о скандальныхъ разводахъ и убійствахъ, которыя занимали почетные столбцы газетъ; все

¹⁾ Въ то время въ Америкѣ существовала—какъ частное предпріятіе—фирма Пинкертон, доставлявшая сыщиковъ, которыхъ любой гражданинъ

это вилось вихремъ надъ Нью-Йоркомъ и сначала трудно было разбираться и прослѣдить весь этотъ пестрый матеріалъ. Однако я вскорѣ нашла свое мѣсто въ этомъ хаосѣ и принялась за работу. Дружески приняло меня въ свое лоно об-во женщинъ-художницъ. Я очень скоро подружилась съ его главной дѣятельницей и вдохновительницей, миссъ Донлеви, которая работала въ скромномъ званіи секретаря. Недалеко отъ центра, въ 14-ой улицѣ, о-во занимало студию, которая служила не только мастерской и классомъ, но тутъ же была и частная квартира миссъ Донлеви и здѣсь же отгородили и мнѣ отдѣльную студию. Миссъ Донлеви была энергичная, прямолинейная энтузіастка, съ традиціями свободы и самодѣятельности. Ея румяныя щеки и блестящіе черные глаза загорались, лишь только она слышала о притѣсненіяхъ и несправедливости. Она гордилась своей страной и пылко привѣтствовала новыя идеи и всякое усиліе провести что-нибудь хорошее въ жизнь. Насъ, русскихъ, она полюбила съперваго раза.

Вскорѣ я смогла выписать и свою дочь Аню. Ей было тогда около 16 лѣтъ и она то помогала мнѣ въ моей студіи, то сидѣла въ классѣ за мольбертомъ.

Нѣсколько позже она и миссъ Донлеви взяли на себя Сизифову работу и съ безконечнымъ терпѣніемъ писали спиртовыми красками громадное знамя для Чикагской выставки по заказу трезвенниковъ, на которомъ были изображены на гибридной ткани гербы и девизы всѣхъ Штатовъ такой необычайно мелкой работы, что въ глазахъ рябило.

Вскорѣ въ той же студіи сталъ готовиться другой живой экспонатъ—русскія народныя пѣсни. По вечерамъ студія оглашалась хорovýmъ пѣніемъ старинныхъ русскихъ пѣсенъ. Странно и трогательно звучали они здѣсь на далекой чужбинѣ, и чудился какой то необычайный завѣтъ, какая то настойчивая попытка перенести и вклинить въ этотъ новый свѣтъ нашу русскую, давно забытую старину.

Было много напряженной работы, пока невозможное стало возможнымъ. Разыскивались голоса, писались и печатались на гектографѣ ноты, устраивались спѣвки, костюмы для 60 человекъ, велись переговоры съ Музыкальнымъ Обществомъ, и студія по вечерамъ превращалась въ народную консерваторію. Хористы были, не въ обиду будь сказано, довольно некультурнымъ

могъ нанять поденно для разслѣдованія самыхъ сокровенныхъ тайнъ семейной, торговой или политической жизни, а также вооруженныхъ солдатъ для борьбы фабрикантовъ съ рабочими.

стадомъ, не признавали никакой дисциплины, иногда въ самую напряженную минуту устраивали стачки и въ это дѣло, начатое съ любовью и энтузіазмомъ, вносили чуждую ему ноту долларовъ и центовъ.

И все же наши усилія увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Хоръ сталъ получать ангажементы не только въ Нью-Йоркѣ, но и въ другихъ городахъ Америки. И вотъ, компанія хористовъ—по большей части евреевъ—появлялась на эстрадѣ нарядной залы Музыкальнаго О-а и когда пѣсня разливалась своими свѣжими могучими волнами, по сердцамъ слушателей, омывая ихъ отъ современной страстной погони за наживой, съ Американцами дѣялись удивительныя вещи. Они забывали свой матеріализмъ и ярко выражали восторгъ. Вскорѣ хоръ Е. Э. Линевой сталъ знаменитостью и посыпались ангажементы.

Ярко запомнился мнѣ одинъ вечеръ. Художникъ богачъ Тифани, иниціаторъ производства каедральныхъ стеколъ, пригласилъ хоръ на „Русскій“ праздникъ, который давался имъ въ его роскошной студіи. Студія занимала цѣлый этажъ громаднаго дома, или вѣрнѣе сказать рядъ залъ. Ихъ роскошь была поистинѣ фантастическая. Картины, бронзы, громадныя—въ ростъ чело-вѣческой—вазы, фарфоровыя, бронзовыя и cloisoné émail были наполнены большими вѣтками цвѣтущихъ вишенъ и яблонь; сверху спускались причудливыя люстры, освѣщенныя изнутри. Всѣ Американки были въ русскихъ костюмахъ, или искренно думали такъ. Многое было выписано изъ Петербурга. Конечно, на строгій глазъ знатока не было ни одного выдержаннаго костюма, но было очень нарядно, и ново, и блестяще. Одна зала въ особенности меня поразила: она вся была вывезена изъ Индіи. По одной стѣнѣ шелъ фасадъ настоящаго храма, весь рѣзной, изъ темнаго дерева, весь, какъ кружево сказочнаго узора, оригинально величественный и суровый среди современнаго блеска. Рѣзная кружевная лѣстница вела въ верхній этажъ этого храма. Освѣщеніе изъ таинственныхъ индусскихъ люстръ было устроено съ большимъ вкусомъ. И вотъ, по этой лѣстницѣ стали подниматься наши пѣвцы и пѣвицы. Ярко выдѣлялись знатныя рубашки и старинныя кокошники на этомъ строгомъ темномъ фонѣ, поблескивали тамъ и сямъ ожерелья и старинныя серьги. Живописная вереница то скрывалась внутри храма, то появлялась на балкончикахъ и выступахъ, пока темная стѣна храма не поглотила ихъ совершенно. И вотъ сверху, съ площадки рѣзной галереи, чудной рамой окружившей толпу пѣвцовъ, полилась

наша родная пѣсня. Не передать того, что было тогда на душѣ. Совершалось что-то большое, небывалое. Одинъ народъ познавалъ красоту другого народа и посылалъ ему незримый отвѣтъ! Вотъ что разрушаетъ престижъ войнъ и вооруженій, ду-малось мнѣ. Узнать сокровенную душу народа—значитъ полюбить его, полюбить навѣки...

Насъ угощали русскимъ чаемъ съ русскими куличами въ Голландской столовой, очень красивой и роскошной, гдѣ все было бѣлое съ голубымъ, но послѣ сцены въ индусскомъ храмѣ я уже ни на что не смотрѣла.

И такъ мы работали всѣ. Братъ въ мѣрѣ цифръ, его жена въ мѣрѣ звуковъ, а я съ дочкой въ области графическихъ искусствъ. На душѣ назрѣвало нѣчто, чему пришлось измѣнить всю мою жизнь. Въ то время работа моя шла довольно успѣшно. Одна очень почтенная фирма предложила мнѣ постоянные заказы, условія были хорошія, но я рѣшила не торопиться и не принимать предложенія до выставки. Я чувствовала, что такая работа и положеніе самостоятельнаго ремесленника новаго цеха меня не удовлетворяютъ.

Уже давно, странствуя по большимъ выставкамъ, я мечтала о томъ, какъ бы Россія могла быть представлена на нихъ, и какъ интересно можно было бы иллюстрировать оригинальныя стороны нашей народной жизни, такъ плохо и скудно казалось все, что дѣлалось въ этомъ смыслѣ на казенныхъ международныхъ выставкахъ. Я часто мечтала объ этомъ вслухъ съ братомъ, который всегда относился къ моимъ мечтамъ не только сочувственно, но и съ большимъ энтузіазмомъ и, дополняя другъ друга, мы часто уносились мыслями казалось бы въ невозможное. Но мечты не всегда остаются мечтами. Иногда случается и невозможное: мечты мало по малу начинаютъ одѣваться въ конкретныя формы и если ихъ творецъ крѣпко любитъ свои мечты,—если онъ готовъ принести въ жертву этимъ незримымъ идеаламъ то, что считается реальными благами,—я вѣрю, что мечты такого человѣка воплотятся. Иногда это бываетъ еще при жизни ихъ творца, а иногда и послѣ смерти.

По всей вѣроятности, эти записки увидятъ свѣтъ послѣ моей смерти и можетъ быть мое слово будетъ имѣть тогда больше вліянія. Я хочу сказать молодымъ, еще не опредѣлившимся людямъ: вѣрьте въ мечты и ихъ жизненность, любите ихъ и не бойтесь строить свои идеалы на слишкомъ большой высотѣ. Забудьте слово „неосуществимое“. Не осуществляется лишь то, въ чемъ нѣтъ силы любви и самоотверженія.

Орфическіе гимны.

LXIX. Эвменидамъ (возжиганія ароматовъ).

Слушайте, вы богини всеславныя, громкогремяшія въ кликъ,
Ты Тизифона, также Аллекто и дивная также Мегера;
Вы далеки ночныя, жилища подземныя ваши въ глубинахъ
Въ гротѣ воздушногъ у Стикса священной воды; вы владѣете
вѣчно
Смертныхъ нечистыми мыслями, высокомѣрныя, вы разъяренны,
Радостны вамъ *неизбѣжности*, шкуры звѣриныя ваши одежды,
Сильногоучія вы, покровители, учите многимъ страданьемъ.
Формоизмѣнныя дѣвы ужасныя, вы подъ землю, въ Аидѣ,
Быстробѣгушія, мысли подобно, невидимы вы и воздушны.
На безконечныя роды всѣхъ смертныхъ вы Дикэ вперяете очи
Вѣчныя суди правите судъ, водворяете вы справедливость.
Мойры, богини вы змѣволосыя и многоформныя, мягко
Перемѣните вы жизни намъ мягкоразумное постановленье.

LXX. Эвменидамъ (возжиганія ароматовъ).

Мнѣ, Эвмениды, внемлите, почетныя, мыслью благою
Дочери вы святыя большого, подземнаго Зевса
И Ферсефоны возлюбленной дѣвы прекраснокудрявой,
Вы наблюдаете жизнь всѣхъ смертныхъ неблагочестивыхъ.
Несправедливымъ вы судъ, *налагаете всѣмъ неизбѣжность*.
Черныя вы царицы, изъ глазъ вашихъ молніи блещутъ,
Отсвѣтъ ужаснаго свѣта, *уничтожителя плоти*;
Вѣчныя, страшныя, самодержавныя, видомъ противны,
Жаломъ вы членъ расслабляете, страшныя, ночью живете,
Змѣволосыя, всероковыя вы, дѣвы ночныя,
Страшныя, васъ я зову, вы къ *очищеннымъ* мыслямъ приблизь-
тесь.

LXXI. **Мелиноѣ** (возжиганія ароматовъ).

Я Мелиною зову, подземную нимфу въ шафранной одеждѣ
 Ты, что была рождена при устьяхъ Коцита святой Ферсефоной
 Зевса Кроніона ложемъ священнымъ; съ тобою обманомъ смѣ-
 сился
 Хитрымъ обманщикъ Плутонъ: похитилъ по волѣ онъ Ферсе-
 фонѣи
 Тѣло, изъ двухъ состоящее тѣло. Ты къ безумію смертныхъ
 приводишь
 Образами фантастичными въ воздухѣ, страшнымъ идеямъ ты
 формы
 Видъ проявляешь, сама проявляясь отчетливо или туманно,
 Ночью блестящая ты на превратныхъ путяхъ темной ночи.
 Но, о богиня, внемли, тебя умоляемъ, подземныхъ царица,
 Жало души отошли отъ насъ ты подалше къ земельной гра-
 ницѣ
 О благосклонная, ты свой ликъ благочинный яви посвященнымъ.

Пер. съ греч. Н. Павлиновой.

Скрижали Учителя или египетское учение о Свѣтѣ, рожденномъ отъ Матери-Дѣвы.

В. Маршамъ Адамсъ.

Глава V.

Священные вѣхи вѣковъ.

Среди разнообразныхъ особенностей, характеризующихъ Ниль, отъ общаго вниманія ускользнуло, кажется, то обстоятельство, что Египетъ представляетъ, не только въ силу своей атмосферы, но еще болѣе вслѣдствіе своего мѣстоположенія, наиболѣе естественную основу для измѣренія Вселенной. Одинъ только Египетъ въ ряду обитаемыхъ странъ заключаетъ въ своихъ предѣлахъ опредѣленные точки на земной поверхности, связанныя съ великими планами небесныхъ построеній, въ силу чего измѣреніе и запись періодическаго движенія нашей планеты въ кругу небесныхъ тѣлъ становятся легкими и возможными. Для большинства ученыхъ въ другихъ странахъ эти основные планы, какъ на примѣръ, эклиптика и планъ орбиты луны, являются лишь воображаемыми бороздами въ безбрежномъ пространствѣ, на которыхъ разумъ человѣческой построилъ умственное измѣреніе матеріальной вселенной. Хотя наукой и признано, что они пересѣкаютъ нѣкоторыя точки земного шара, но болѣею частью море, горы и пустыни завоевали безлюдныя мѣстности, черезъ которыя они проходятъ, мѣстности, настолько отдаленныя отъ человѣческаго жилья, что мы не въ состояніи ясно себѣ представить, что положеніе какого-нибудь памятника или какой-нибудь особый изгибъ рѣки отмѣчаетъ собой, на-

примѣръ, границу тропиковъ и, слѣдовательно, указываетъ, въ какомъ мѣстѣ планъ орбиты нашей планеты проходитъ черезъ поверхность земли. Совершенно иначе обстоитъ дѣло на узкой полосѣ плодородной земли, вызванной къ бытію Ниломъ, этой своеобразной рѣкой, вытекающей изъ большого экваторіальнаго озера и пересѣкающей въ своемъ ннжемъ, египетскомъ теченіи великіе астрономическіе планы, между прочимъ и тѣ планы, въ предѣлахъ которыхъ вращаются небо и земля. Въ силу этого только на берегахъ этой рѣки могъ человѣкъ воздвигнуть осязаемые и прочные памятники, являющіеся вѣхами ээирнаго и безбрежнаго пространства; вмѣстѣ съ тѣмъ при посредствѣ тѣни, отбрасываемой колонной или направленія подземнаго хода онъ могъ навѣки запечатлѣть небесныя соотношенія нашей планеты въ ея непрерывномъ вращеніи. Не надо забывать, что какъ ни многочисленны и сложны измѣненія небесныхъ свѣтилъ, законы, опредѣляющіе ихъ, математически точны и не подвержены произвольнымъ колебаніямъ; поэтому, если соотношеніе между какой-нибудь точкой на земной поверхности и небесными свѣтилами можетъ быть точно опредѣлено, вычислено и записано, то и точное положеніе относительно этого момента всякаго другаго небеснаго тѣла и всѣхъ небесныхъ плановъ, каковы бы ни были ихъ колебанія и отклоненія, подлежатъ строгому вычисленію и опредѣленію (въ предѣлахъ человѣческаго знанія) на каждый моментъ времени въ прошломъ, настоящемъ и будущемъ.

Такимъ въ точности установленнымъ моментомъ является начало египетскаго календаря, ведущаго свое счисленіе не отъ опредѣленнаго года или мѣсяца, а отъ момента оріента или гелиакальнаго восхода опредѣленной звѣзды. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы видимъ, что мѣстоположеніе столицы въ данный періодъ отличается особыми взаимоотношеніями, стоящими въ связи съ египетскимъ и вселенскимъ измѣреніями. Мемфисъ или Менноферъ, знаменитый городъ, построенный не менѣе знаменитой Четвертой египетской Династіей, стоитъ въ непосредственной близости отъ вершины Дельты, самой характерной точки на протяженіи длиннаго теченія рѣки, отмѣчающей собой мѣсто соединенія между сѣвернымъ и южнымъ царствами. На скалистомъ возвышеніи, неподалеку отъ этого мѣста, господствуя надъ огромной пустыней, простирающейся къ Западному Океану, высится Великая Пирамида, возведенная монархомъ-астрономомъ Кхуфу, около 4235 г. до Р. Х., т. е. за очень немного лѣтъ до основа-

нія ієроглифическаго календаря. Мѣстоположеніе этого памятника замѣчательно какъ ввиду общей структуры страны, такъ и въ смыслѣ отношенія его къ двумъ главнымъ точкамъ, къ которымъ должны быть прежде всего отнесены всѣ человѣческія измѣренія пространства, а именно къ центру и къ полюсу земли: разстояніе, отдѣляющее его отъ полюса, равно разстоянію, отдѣляющему его отъ центра.

Одна замѣчательная особенность въ этомъ сооруженіи, бывшая предметомъ многихъ догадокъ, удивительно ярко иллюстрируетъ это отношеніе къ полюсу. Единственный подземный ходъ, открывающій доступъ во внутрь пирамиды, не лежитъ горизонтально и не начинается на уровнѣ земли; онъ открывается на высотѣ приблизительно пятидесяти футовъ отъ основанія и наклоненъ изнутри вверхъ подъ такимъ угломъ, что, согласно вычисленіямъ, подтвержденнымъ профессоромъ Флиндерсомъ Петри, онъ указываетъ на положеніе, которое занимала сѣверная полярная звѣзда пять-шесть тысячъ лѣтъ тому назадъ. Это направленіе не было случайностью, о чемъ свидѣтельствуетъ вся пирамида.

Если мы обратимся къ священнымъ египетскимъ текстамъ и сравнимъ ихъ съ этимъ священнымъ памятникомъ, мы увидимъ, что они полны ссылокъ на астрономическія данныя и въ особенности на такъ называемый въ папирусахъ: „Горизонтъ Небесъ“—являющій собой кругъ, очевидно, совершенно отличный отъ того, что мы подразумеваемъ подъ небеснымъ горизонтомъ всякой данной мѣстности, и занимающій опредѣленное и значительное мѣсто во вселенской сферѣ. Болѣе двухъ лѣтъ тому назадъ я обратилъ вниманіе на тождество этого круга, дотолѣ не отмѣченнаго египтологами, съ большимъ кругомъ, образующимъ небесный горизонтъ наблюдателя, стоящаго на экваторѣ, и имѣющимъ въ своемъ зенитѣ точку равноденствія (или, другими словами съ кругомъ, именуемымъ нами колюромъ солнцестоянія). Но, въ виду того, что этотъ кругъ проходитъ черезъ полюсъ, свѣтило, служащее показателемъ его положенія, и есть полярная звѣзда, къ которой астрономически обращенъ входъ въ Великую Пирамиду, и которая изображала для египтянина входъ въ невидимый міръ. Поэтому одна изъ главныхъ цѣлей моего послѣдняго посѣщенія Египта было изслѣдованіе этого отношенія Пирамиды къ полюсу; сознаю, что подтвержденіе, полученное мною, повергло меня въ величайшее изумленіе.

Вмѣстѣ со всѣмъ остальнымъ міромъ я былъ увѣренъ, что

на наружной сторонѣ зданія нѣтъ іероглифовъ ¹⁾. Но поднявшись на пятнадцатую ступень (на ту самую, о которой я специально упомянуть), гдѣ входное отверстіе, заслоненное отъ наблюдателя, стоящаго непосредственно подъ нимъ, раскрывается взору во всемъ своемъ объемѣ, я увидѣлъ одинъ огромный глубоко высѣченный въ камнѣ іероглифъ надъ самымъ входомъ; и этотъ іероглифъ былъ ничто иное, какъ іероглифъ „Горизонта Небесъ“. Если бы строитель памятника хотѣлъ подтвердить мои предположенія однимъ штрихомъ, согласно своей молчаливой и абсолютной манерѣ, онъ не могъ бы выбрать болѣе удачнаго способа, чѣмъ начертаніе именно этого характернаго іероглифа на этомъ именно мѣстѣ.

Обратившись теперь къ южной конечности верхняго царства, мы увидимъ, что на островѣ Филэ, у „вратъ Нила“ находится другая древняя надпись, въ которой говорится о „великомъ сводѣ солнца во времени его“, какъ о характерной особенности данной мѣстности, и о кругѣ, „надъ которымъ „солнце стояло въ центрѣ“. Такое описаніе было бы неправильно въ настоящее время, ввиду того, что островъ лежитъ на 24 слишкомъ градусѣ широты, тогда какъ граница тропиковъ очерчивается $23\frac{1}{2}^{\circ}$, слѣдовательно, солнце не можетъ стоять вертикально ни къ одной его части. Но въ силу того, что втеченіе очень длиннаго періода времени наклонъ эклиптики постепенно уменьшался, границы тропиковъ должны были быть шире въ прежнее вѣка и это явленіе, должно быть, было явственно и очень замѣтно во времена Кхуфу. Согласно вычисленію Эри (Airy), наклонъ эклиптики уменьшался приблизительно на полъ-минуты (дуги) въ столѣтіе; слѣдовательно, въ ту эпоху онъ былъ очень близокъ къ 24° . Поэтому Филэ (или вѣрнѣе Пилакъ) лежалъ почти вертикально подъ солнцемъ въ лѣтнее солнцестояніе, отмѣчая собой такимъ образомъ на всѣ времена положеніе этого свѣтила относительно земли въ ту эпоху, отъ которой іероглифической календарь начинаетъ свое счисленіе.

Точно также, если мы вычислимъ положеніе, которое занимала луна въ эпоху открытія календаря, когда она находилась на самой дальней точки эклиптики, совмѣстимой съ затменіемъ, мы увидимъ, что она была вертикальна широтѣ Луксора. А еще замѣчательнѣе то обстоятельство (ввиду того, что оно относится

¹⁾ Не говорю, конечно, о тѣхъ современныхъ дѣрзостяхъ, которыя одинъ выдающійся египтологъ, нынѣ покойный и чье имя я не хочу *honoris causa* раскрывать, счелъ нужнымъ начертать на немъ лѣтъ тридцать тому назадъ.

къ эпохѣ задолго предшествующей началу календаря), что самая дальняя точка ¹⁾, когда либо достигнутая солнцемъ въ силу измѣненія эклиптики, лежала на $24^{\circ}33'$ широты; и эта широта отмѣчена храмомъ Омбоса.

Однако помимо отношеній нашей планеты къ солнцу, лунѣ и звѣздамъ, есть еще одно движеніе, вліяющее на всю орбиту и специально иллюстрированное положеніемъ и планомъ одного знаменитаго храма. Это движеніе состоитъ въ необычайно медленномъ вращеніи оси небесной сферы вокругъ оси эклиптики втеченіе приблизительно 26,000 лѣтъ; оно именуется цикломъ прецессіи, ввиду того, что въ результатѣ его, какъ извѣстно, точка, въ которой земля пересѣкаетъ планъ своего собственнаго экватора, слегка предваряетъ каждый годъ положеніе, которое она занимала въ предшествующее ея обращеніе. Этотъ циклъ былъ извѣстенъ астрономамъ древняго Египта, что съ достаточной убѣдительностью выясняется (хотя это будетъ подтверждено и другими соображеніями въ дальнѣйшихъ главахъ) изъ того факта, что онъ разрѣшаетъ нѣкоторыя аномаліи, которыя докторъ Бругшъ, извѣстный знатокъ іероглифическаго календаря, ясно отмѣтилъ, не пытаясь ихъ объяснить. Напримѣръ, во времена позднѣйшихъ династій употреблялась двоякая система лѣтосчисления; такъ одинъ и тотъ же день отмѣченъ въ царствованіи Тотмеса III (за 1500 л. до Р. Х.) двумя датами, отстоящими другъ отъ друга ни болѣе, ни менѣе какъ на тридцать восемь дней. Въ нашемъ календарѣ такой фактъ былъ бы совершенно непонятенъ и заставилъ бы предположить наличность какой нибудь ошибки; но если мы примемъ во вниманіе размѣры египетскаго лѣтосчисления, обнимающаго сотни и тысячи лѣтъ, то передъ нами встанетъ слѣдующее простое объясненіе. Разъ скорость прецессіи ($50'',2$ въ годъ) такова, что точка равноденствія обходитъ окружность нашей орбиты въ 25,800 лѣтъ, изъ этого слѣдуетъ, что въ триста шестьдесятъ пятую часть этого періода, т. е. черезъ каждый семьдесятъ одинъ годъ, оно настаетъ на одинъ день раньше. Поэтому, когда мы говоримъ, что тотъ же день (скажемъ, тридцатое апрѣля) встрѣчается въ двухъ разныхъ календаряхъ, отстоящихъ другъ отъ друга на семьдесятъ сншкомъ лѣтъ, мы подразумѣваемъ подъ этимъ, что земля занимала въ эти два дня однородное положеніе относительно точки равноденствія, но не одинаковое положеніе на орбитѣ и, слѣдова-

¹⁾ Согласно вычисленіямъ, опубликованнымъ Смиттовскимъ институтомъ въ Вашингтонѣ.

тельно, относительно небесной вселенной, ввиду того, что сама точка равноденствія въ этотъ промежутокъ времени нѣсколько продвинулась по орбитѣ въ направленіи противоположномъ движенію земного шара. Если предположить, что помимо календаря, относящагося, подобно нашему, къ равноденствію текущаго года, велось еще второе лѣтосчисленіе, связанное съ равноденствіемъ той эпохи, когда быль начать календарь (какое предположеніе совершенно соотвѣтствовало бы египетскому образу мышленія и обычаямъ),—то эта странность получила бы свое объясненіе. Ибо если точка равноденствія приходится каждый годъ нѣсколько раньше относительно орбиты, то архаическая дата будетъ приходится нѣсколько позднѣе. А такъ какъ она проходитъ весь кругъ года приблизительно въ 26,000 лѣтъ и возвращается снова къ первой начальной точкѣ, то черезъ 2,650 лѣтъ архаическая дата приходилась на тридцать семь или тридцать восемь дней позже: такимъ образомъ, если календарь былъ основанъ во времена Кхуфу, то разница между текущимъ и архаическимъ счисленіями въ дни Тотмеса III какъ разъ соотвѣтствовала разницѣ между двумя календарями. Такой способъ лѣтосчисленія являлся тѣмъ болѣе пріемлемымъ, что въ эпоху основанія календаря зимнее равноденствіе было, повидимому, отмѣчено ориентомъ другой яркой звѣзды, хорошо извѣстной египетскимъ астрономамъ подъ названіемъ Сахъ, а именно нашей Бетельге,—первой звѣзды въ созвѣздіи Оріона; эта звѣзда и являла, слѣдовательно, неподвижную точку отправленія для вычисленія движенія прецессіи. Интересно отмѣтить, что въ одной древней египетской рукописи, по имени Саи анъ Синзинъ (переведенной д-ромъ Бругшемъ), описывающей преображеніе души въ невидимомъ мірѣ, въ начальномъ текстѣ, гдѣ мистическія событія, обуславливающія вхожденіе Святыхъ Усопшихъ въ славу невидимаго свѣта, изображаются сочетаніями небесныхъ тѣлъ, особо упоминается о томъ же свѣтилѣ, Сатъ, занимающемъ то же самое положеніе на горизонтѣ.

Сообразуясь съ тѣмъ же древнимъ счисленіемъ, мы можемъ пролить нѣкоторый свѣтъ на особо священный характеръ, который носили нѣкоторые дни мѣсяца, причѣмъ это явленіе не поддается иному объясненію. Напримѣръ, въ *Скрижаляхъ Учителя*, о которыхъ уже столько разъ упоминалось и папирусь коихъ принадлежитъ, вѣроятно, третьему циклу, не менѣе трехъ разъ приказывается, чтобы самое важное торжество въ году,—рожденіе Озириса, праздновалось на пятнадцатый день мѣсяца, и два раза—

на шестой день. Рожденіе Озириса было первымъ праздникомъ въ дни священнаго промежутка; какое же отношеніе могло вообще такое празднество имѣть къ тому или иному дню какого-нибудь мѣсяца? Отношеніе это было очень близкое, если принять во вниманіе древнее счисленіе. Ибо въ началѣ второго цикла древнѣйшая дата рожденія Озириса приходилась на двадцать одинъ день позднѣе даты первоначальной эпохи; памятуя о шести дняхъ священнаго промежутка въ Великомъ Году, мы и получаемъ пятнадцатый день перваго мѣсяца года, тогда какъ подобное же вычисленіе относительно третьяго цикла даетъ въ результатѣ шестой день второго мѣсяца. По той же причинѣ другое большое торжество,—праздникъ ладьи Ра,—праздновалось въ день рожденія Озириса, ввиду того, что этотъ день совпадалъ съ разливомъ священнаго Нила и началомъ новой жизни.

Мы увидимъ ниже, что этотъ именно принципъ лежитъ главнымъ образомъ въ основѣ плана знаменитаго храма Хатхоръ, матери Горуса, отражавшаго для египтянъ божественную красоту звѣздной вселенной.

Пер. В. Пушкиной.

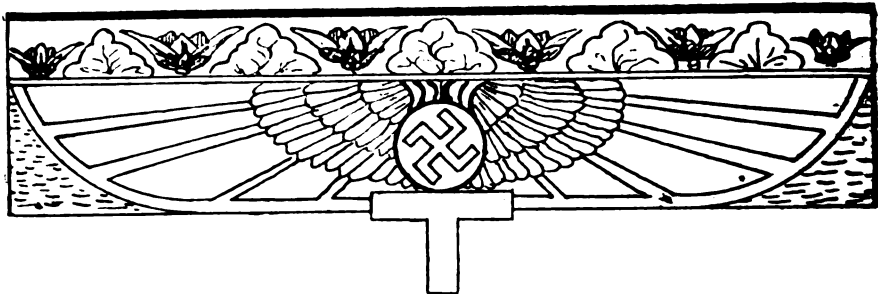
(Продолженіе слѣдуетъ)

Богъ не разумъ, но причина разума; Онъ не духъ, но причина духа; Онъ не свѣтъ, но причина свѣта.

Ни одинъ изъ тѣхъ, кого называютъ богами, ни изъ людей, ни изъ демоновъ, никоимъ образомъ не можетъ назваться благимъ; этотъ санъ подобаетъ лишь одному Богу. Онъ есть благо и ничто иное.

Изреч. изъ Гермеса Трисмегиста.

«Нига Достовѣрности».

(Китабъ-эль-Иганъ).

Бэхъ-Уллы.

И всѣ иносказательныя и загадочныя слова, нисшедшія отъ Начала Причинъ, предназначены для испытанія народовъ, дабы распознать сердца, чья почва плодородна, отъ сердець, чья почва бесплодна; и это одно изъ обыкновеній Бога въ отношеніи къ народамъ Своимъ, какъ явствуетъ то изъ Писаній. Прочтите, на примѣръ, стихи о Киблѣ; даже послѣ Мохаммедовой геджры (т. е. бѣгства) изъ Мекки въ Медину, въ обычаѣ было, на молитвѣ, обращаться лицомъ къ Іерусалиму,—до того дня, какъ евреи стали говорить о Пророкѣ въ выраженіяхъ, которыхъ здѣсь не слѣдуетъ и было бы слишкомъ долго приводить. Опечаленный этимъ жестоко, онъ, возведя очи къ небу, вопрошалъ себя, какъ надлежало ему поступать; и вотъ слетѣлъ съ Неба Гавріилъ и сказалъ: „*Мы видѣли, что ты обращаешь лицо свое къ небу; а теперь Мы повелеваемъ тебѣ обращаться къ супротиви, которую ты любишь*“ ¹⁾. И однажды, когда Величество его и нѣсколько учениковъ его совершали обязательную молитву и исполнили уже два рекхата (стиха), явился имъ Гавріилъ и сказалъ: „*обращай лицо твое къ запретной мечети*“ ²⁾.

И среди молитвы Величество его обернулся отъ Іерусалима къ Меккѣ. Тогда боязнь и страхъ овладѣли учениками

¹⁾ Коранъ, II, 139.

²⁾ Ibid.

его, и иные изъ нихъ прекратили молитву и умножили собою число невѣрныхъ.

Это нарушеніе имѣло цѣлью лишь испытать учениковъ. Иначе зачѣмъ понадобилось бы Богу мѣнять Киблу, которую онъ могъ бы навсегда оставить въ Іерусалимѣ и не лишать его этого почетнаго одѣянія? Ибо ни при одномъ изъ пророковъ, — присылавшихся послѣ Моисея, какъ Давидъ, Исусъ и всѣ, что приходили между этими двумя проявленіями, — не измѣнялась Кибла, и чрезъ ихъ посредство Богъ всегда повелѣвалъ народамъ обращаться на молитвѣ къ Іерусалиму. Для Бога всѣ страны пригодны, лишь бы освятило ихъ пришествіе Проявленій. *„Предъ Богомъ Востокъ и Западъ: куда бы ни обратились вы, воздетъ лицо Божіе“* ¹⁾. Зачѣмъ же тогда мѣнять Киблу, сѣять такимъ образомъ смуту и боязнь и среди людей поселять рознь? Да, вещи, сѣющія смущеніе, — пробный камень у Бога, посредствомъ коего различаетъ и отдѣляетъ Онъ искренняго отъ лжеца.

Въ этомъ смыслѣ и сказала Онъ: *„Киблу, которой вы держались прежде, Мы устанавливали только для того, чтобы Намъ распознать того, кто слѣдуетъ сему посланнику, отъ того, кто обращается отъ него вспять“* ²⁾.

Если вы поразмыслите, то увидите отверстыми предъ собою врата Изясненія, и Тайны Вѣдѣнія разоблачатся; и поймете вы, что цѣль этихъ испытаній — возвысить души и освободить ихъ изъ клѣтки наслажденій и предразсудковъ. Ибо Богъ въ подлинности Своей всегда былъ превыше вѣдѣнія цѣлаго міра и, въ сущности Своей, всегда будетъ превыше поклоненія созданій Своихъ. Одного лишь вѣянія Силы Его довольно, чтобы дать силу вселенной; одна лишь капля изъ Моря Благости Его даетъ всѣмъ вѣчную Жизнь. Но такъ какъ угодно Ему распознавать праведнаго отъ злого, солнце — отъ тѣни, то во всѣ времена сводилъ Онъ испытанія на людей, какъ дождь съ неба.

Если поразмыслите вы о Проявленіяхъ древнихъ пророковъ, то все становится яснымъ, и все, что въ дѣйствіяхъ ихъ, либо словахъ покажется вамъ противно вашимъ склонностямъ и предпочтеніямъ, не совратитъ васъ уже съ ихъ пути. Вы сожжете тогда всѣ завѣсы огнемъ Деревъ Познанія и возсядете на престолѣ безмятежности и покоя.

Подобно тому и Моисей, сынъ Имрана, — бывшій однимъ

¹⁾ Коранъ, II, 109.

²⁾ Коранъ, II, 138.

изъ главныхъ пророковъ и давшій Книгу откровенія,—до того, какъ принялъ божественное призваніе, встрѣтилъ на площади народной двухъ спорившихъ людей. Одинъ изъ нихъ призвалъ его на помощь. Его Величество помогъ ему и убилъ другого, какъ повѣствуетъ о томъ Писаніе; подробностей этого происшествія довольно бы, чтобы остановить насъ на пути къ Возлюбленному. Объ этомъ случаѣ прогремѣло въ странѣ, и Моисей убоялся, какъ намъ извѣстно; ибо однажды кто-то сказалъ ему: „*зельможы въ своемъ совѣщаніи дали о тебѣ приговоръ, чтобы тебя убили*“¹⁾. Онъ покинулъ тотъ край и бѣжалъ въ страну Мадіанскую; тамъ жилъ онъ на службѣ у Іоѳора, потомъ вернулся въ священную долину, гдѣ находится пустыня Синайская. Тамъ-то въ Купинѣ, что была ни на востокъ, ни на западъ, узрѣлъ онъ явленіе Царя Единства и въ божественномъ Огнѣ, его пожигавшемъ, услышалъ духовный Голосъ, дарующій жизнь, который повелѣвалъ ему принять руководство народами Фараона, вывести ихъ изъ пустыни усладъ и направить ихъ на блаженныя поля Духовности и Управленія, дабы избавить ихъ отъ тоски удаленія и привести въ Мирный Градъ Приближенія, гдѣ могли бы они пить воду Сальсабиля отрѣшенья.

Когда явился онъ во дворецъ Фараона и сообщилъ ему о Призваніи своемъ, тотъ въ оскорбительной рѣчи сказалъ ему: „не тотъ ли ты, кто убилъ челоуѣка и сдѣлался невѣрнымъ“? какъ пишетъ о томъ Господь въ Коранѣ. „*Ты сдѣлалъ твое дѣло, какое сдѣлалъ ты: ты изъ неблагодарныхъ*“.—Да, отвѣтилъ Моисей, *я сдѣлалъ то; тогда я былъ заблуждавшимся. И когда я убоялся, я убѣжалъ отъ васъ; послѣ того Господь мой даровалъ мнѣ мудрость и поставилъ меня въ число посланниковъ*“²⁾.

Подумайте же нѣсколько объ испытаніяхъ, которымъ насъ Богъ подвергаетъ! Челоуѣкъ, извѣстный какъ убійца, признающій свое преступленіе и, что отягчаетъ его вину, воспитавшійся въ теченіе тридцати лѣтъ во дворцѣ Фараона,—и такого-то челоуѣка избралъ Богъ, чтобы одарить его верховною Властью! И Онъ допустилъ его стать, на виду у всѣхъ и во всеуслышаніе, убійцей, останавливая такимъ образомъ всѣхъ, кто склонялся увѣровать въ Бога.

Взгляните также на Марію: эта чудесная жена, подъ бременемъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ, стремилась умереть, какъ можно то понять изъ чтенія Св. Книгъ. По рожденіи

¹⁾ Коранъ, XXVIII, 19.

²⁾ Коранъ, XXVI, 18, 19, 20.

Исуса, она излила скорбь свою говоря: „*О, если бы умерла я прежде сего и была бы забыта, забвенною*“ ¹⁾! Клянусь Богомъ, что эти слова созданы, чтобы жалостью сжечь сердце! Причиной ея боязни и скорби было лукавство невѣрныхъ и злыхъ: что могла она отвѣтить народу? какъ сказать ему, что это дитя безвѣстнаго отца явилось дѣйствіемъ Духа Святого? Она взяла дитя и вернулась домой. Какъ только ее увидѣла семья ея, то сказала ей: „*О сестра Даронова! отецъ твой не былъ человѣкомъ негоднымъ, и мать твоя не была порочною*“ ²⁾. Какое ужасное испытаніе ей! Однако Богъ сдѣлалъ Пророка изъ этого дитяти Духа, о комъ извѣстно было, что не имѣетъ оно законнаго отца, и поставилъ Его Свидѣтельствомъ Своимъ предъ всѣми народами земли и неба. Какъ противорѣчатъ пути Проявленій Божіихъ нашимъ предразсудкамъ и вкусамъ!

Если бы обладали вы естествомъ Духа, вы познали бы также стремленія Возлюбленнаго, вы увидѣли бы, что Его слова и дѣйствія согласуются совершенно, и если съ виду они какъ-будто смущаютъ людей, то на самомъ дѣлѣ, для праведныхъ, они—источникъ Милосердія. Взирайте очами сердца и увидите, что Слова, нисшедшія съ Неба Божьей Воли подтвердились тѣмъ, что случилось впослѣдствіи.

* * *

О братъ мой, если бы подобныя событія произошли въ наше время, что стало бы? Клянусь Наставникомъ Жизни и Творцомъ Міровъ, что безъ раздумья обошлись бы съ человѣкомъ, подобнымъ Исусу, какъ съ невѣрнымъ и тотчасъ предали бы его смерти. Развѣ допустили бы его сказать, что онъ—Дыханіе Святого Духа? Развѣ повѣрили мы нынче, что Власть Моисея воспринята отъ неборимаго Повелителя? Хотя бы сто тысячъ голосовъ утверждали это, никто не повѣрилъ бы, что сынъ безвѣстнаго отца могъ быть Посланцемъ, или убійца могъ услышать въ пламенѣющей купинѣ голосъ Божій. Глядя правдѣ въ глаза, вы увидите, что, если въ наши дни тѣ же явленія не производятся въ точности, другія подобныя событія совершились, и что люди продолжаютъ слѣдовать тѣмъ, кто далекъ отъ Бога, и чьи ученія порождаютъ лишь сомнѣніе.

Сколько клеветы излито было на ту Причину, и сколько бѣдствій произошло въ наше время! Никогда донинѣ не было

¹⁾ Коранъ, XIX, 23.

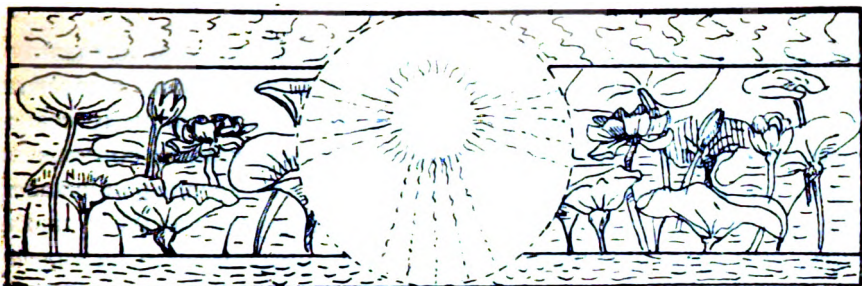
²⁾ Коранъ, XIX, 29.

ничего подобнаго. Великъ Богъ! Нынѣ духовныя благоуханія вѣчной Зари разлились вновь; утреннія Вѣянія съ востока дохнули изъ вѣчнаго Города Сабы, даруя сердцамъ благу ю Вѣсть и безконечную Побѣду—Духу! Новый коверъ разостланъ по землѣ; безчисленные Дары прибыли къ намъ отъ Неизвѣстнаго Друга, чей благородный и сіяющій обликъ не могутъ скрыть ни Одѣяніе Словъ, ни плащъ Изъясненія! Безъ помощи словъ выясняются Пносказанія, и тайны Изъясненія раскрыты. На дальнихъ вѣтвяхъ Древа Разлуки, горюетъ и стонетъ Соловей, взыскующій Пути Любви и Вышняго Счастья; чудесныя Розы изъ Рая Приближенія и Встрѣчи внимаютъ тайнамъ сердечныхъ побѣдъ и нѣжнаго жеманства. Анемоны Сада Любви знаютъ тайны Дѣйствительности, и въ лонѣ Любимаго почиютъ нѣжныя Пносказанія! Въ этотъ часъ такая Любовь разлита въ мірѣ, что завидуетъ тому Духъ Святой! Единая капля воды обладаетъ силою волнъ морскихъ; пылинка—сіяніемъ солнца; Благодѣтель такъ велика, что муха покидаетъ навозъ и садится лишь на зерно мускуса, и летучая мышь стремится къ солнцу! Мертвецы воскресли тѣлами подъ вѣяніемъ Жизни; невѣжды возсѣдаютъ на престолѣ Вѣдѣнія; неправедные находятъ себѣ мѣсто на вершинахъ правды! Творчество чреватое всей этой Благодѣтелью, и вскорѣ слѣдствіе ея будетъ вѣдѣмъ очевидно въ этомъ мірѣ праха. Тогда умирающій отъ жажды достигнетъ къ Кубку Возлюбленнаго; заблудившіеся въ пустыняхъ Удаленія и Небытія придутъ къ шатрамъ Приближенія и Присутствія Любимаго, и священныя сѣмена взойдутъ въ сердцахъ, гдѣ расцвѣтутъ также настоящіе и незримые Анемоны. Наконецъ, Деревья Любви на Синаѣ Благожеланія воспылаютъ такимъ огнемъ, что не сможетъ погасить его вода Изъясненія. Жажду кита не сможетъ утолить цѣлое море; саламандру удовольствуется лишь огонь Лика Друга.

Стало быть, о братъ мой, зажигай пламя духа въ лампадѣ сердца, затепливъ масло мудрости на свѣтильникъ разума, и распространяй этотъ свѣтъ, неугашаемый вѣтромъ невѣрности. Такъ озарили мы небо Бѣяна Свѣтомъ Мудрости и Познанія, чтобы въ сердцѣ вашемъ водворился покой, и да будете вы изъ тѣхъ, что воспаряютъ на крыльяхъ достовѣрности въ область Любви Милосердаго Владыки.

Перев. А. Веселовская.

Воспоминанія.

Ч. Леббитера.

Впервые я услышалъ о теософіи благодаря подержанному экземпляру книги м-ра Синнетъ „Оккультный Миръ“, но мое первое общеніе съ однимъ изъ Учителей произошло не совсѣмъ обычнымъ путемъ. За нѣсколько лѣтъ до этого я былъ занятъ изслѣдованіемъ спиритизма, и во время этого изученія приходилъ въ соприкосновеніе со многими знаменитыми медиумами того времени, и видѣлъ нѣкоторые изъ обычныхъ феноменовъ, о которыхъ можно прочесть въ книгахъ, трактующихъ объ этомъ предметѣ.

Одинъ медиумъ, съ которымъ я много имѣлъ дѣла, былъ м-ръ Эглинтонъ. И, хотя про него не мало рассказываютъ, я долженъ засвидѣтельствовать, что во всѣхъ моихъ собственныхъ сношеніяхъ съ нимъ, я находилъ въ немъ только прямоту, разумность и вѣжливость.

Одной изъ его специальностей было писаніе на грифельной доскѣ, и я нашель, что этотъ феноменъ было бы очень полезно показывать изслѣдователямъ, настроеннымъ скептически.

Мой методъ былъ слѣдующій: по дорогѣ на сеансъ я приглашалъ скептика зайти въ писчебумажную лавку и предлагалъ ему купить двѣ новыхъ грифельныхъ доски и завязать ихъ въ одинъ пакетъ съ маленькими кусочками грифеля, заключенными между ними.

Я предлагалъ ему убѣдиться самому, что доски надежно связаны и предлагалъ запечатать углы пакета своей собствен-

ной печатью, если онъ имѣлъ таковую. Потомъ я предлагалъ ему беречь свертокъ и ни подъ какимъ видомъ не выпускать изъ рукъ ни прежде, ни во время сеанса. Если по ходу сеанса было необходимо сидѣть съ соединенными руками, я совѣтовалъ ему сѣсть на свой свертокъ. Послѣ того, какъ сеансъ начинался, черезъ очень короткое время стуки или другія указанія давали знать, что сила накопилась. Мы сидѣли обыкновенно за маленькимъ четырехугольнымъ деревяннымъ столикомъ, безъ какой-либо скатерти, и, по способу Эглинтонъ, брали обыкновенную доску, клали на нее кусокъ грифеля и потомъ опускали ее подъ столъ, держа прижатой къ исподней доскѣ стола. Такъ какъ это было при ясномъ дневномъ свѣтѣ и мы были одни съ медіумомъ, не было случая для подмѣна предварительно приготовленной доски, или чего-нибудь въ этомъ родѣ. На доскѣ, которую держали подобнымъ образомъ, появлялось написанное на поверхности, плотно прижатой къ столу, въ отвѣтъ на любой вопросъ, избранный нами.

Послѣ того, какъ это продолжалось нѣкоторое время, я вкрадчиво спрашивалъ, не могутъ ли благосклонные духи написать на нашихъ доскахъ. Почти всегда отвѣтъ былъ утвердительный, хотя одинъ или два раза мнѣ было сказано, что у нихъ не достаточно силы. Тогда я обратился къ сомнѣвающемуся и просилъ его достать свой запечатанный свертокъ съ досками, но ни въ какомъ случаѣ не выпускать его изъ своихъ собственныхъ рукъ. Онъ держалъ его въ обѣихъ рукахъ на столѣ, а м-ръ Эглинтонъ слегка клалъ одну свою руку на свертокъ.

При такихъ условіяхъ я просилъ скептика задать въ своемъ умѣ вопросъ и пока онъ еще крѣпко держалъ свертокъ съ досками, было ясно слышно быстрое писаніе на внутренней сторонѣ. Когда обычные три легкихъ удара возвѣстили, что сообщеніе кончено, я сказалъ скептику:

„Теперь провѣрьте ваши доски и цѣла ли перевязка и убѣдитесь, что ни кто не приводилъ васъ въ состояніе гипнотическаго сна и не прикасался къ вашему свертку. Вскройте его и прочтите отвѣтъ“.

Обыкновенно мы находили внутреннія стороны связанныхъ вмѣстѣ досокъ исписанными отвѣтомъ, болѣе или менѣе относящимся къ заданному въ умѣ вопросу.

Обыкновенно это производило страшное впечатлѣніе на скептика и даже на время заставляло его замолчать; но обык-

новенно черезъ недѣлю онъ уже писалъ, что мы безъ сомнѣнія были такъ или иначе обмануты и въ дѣйствительности вовсе не видѣли того, что воображали, что видимъ.

М-ръ Эглингтонъ имѣлъ различныхъ контролирующихъ духовъ—одинъ былъ краснокожей дѣвочкой, называвшей себя Дэзи и охотно болтавшей, не считаясь ни съ какими обстоятельствами. Другой былъ рослый арабъ, называвшій себя Абдуллахъ; онъ былъ значительно больше шести футовъ ростомъ, никогда ничего не говорилъ, но производилъ замѣчательные феномены и проявлялъ при этомъ большую силу. Я видѣлъ, какъ онъ поднималъ одновременно двухъ тяжелыхъ людей, по одному въ каждой рукѣ. Третій контролеръ, который часто вмѣшивался, былъ Эрнестъ; онъ матеріализировался сравнительно рѣдко, но часто говорилъ непосредственнымъ голосомъ, и писалъ характернымъ и красивымъ почеркомъ. Однажды, въ разговорѣ съ нимъ было сказано нѣчто относительно Учителей Мудрости; Эрнестъ говорилъ о Нихъ съ самымъ глубокимъ благоговѣніемъ и сказалъ, что онъ имѣлъ счастье нѣсколько разъ видѣть ихъ. Однажды я освѣдомился, не можетъ ли онъ передать порученіе или письмо къ Нимъ, на что онъ сказалъ, что охотно сдѣлаетъ это когда представится случай, но онъ не можетъ точно сказать, когда это будетъ.

Упомяну здѣсь кстати, что въ связи съ этимъ случаемъ я имѣлъ въ послѣдствіи хорошій примѣръ того, какъ недостовѣрны всѣ такія сообщенія. Значительное время спустя, нѣкій спиритъ писалъ въ журналъ „Свѣтъ“, что не можетъ быть такихъ существъ, какъ Учителя, потому что Эрнестъ безусловно сказалъ ему, что ихъ нѣтъ. Я написалъ въ ту же самую газету, что я самъ слышалъ отъ того же цѣннаго авторитета, что Учителя есть и что Эрнестъ Ихъ хорошо знаетъ. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ Эрнестъ очевидно отражалъ мысли вопрошающаго, какъ такія существа обыкновенно и дѣлаютъ.

Возвращаюсь къ моей исторіи. Однажды я воспользовался предложеніемъ Эрнеста, и сказалъ ему, что напишу письмо къ одному изъ Великихъ Учителей, и довѣрю это письмо ему, если мой другъ и учитель, м-ръ Синнетъ одобритъ меня. При упоминаніи этого имени „Духи“ были сильно возмущены. Дэзи особенно была очень сердита и объявила, что она ничего не желаетъ имѣть общаго съ м-мъ Синнетъ, ни при какихъ обстоятельствахъ. „Потому что онъ называетъ насъ привидѣніями“, сказала она съ большимъ раздраженіемъ. Тѣмъ не менѣе я

стоялъ на своемъ, говоря, что все, что я знаю о теософіи, я получилъ черезъ м-ра Синнетъ и потому былъ бы не правъ, обходя его или пробуя найти другія средства общенія, не посоветовавшись съ нимъ. Въ концѣ концовъ, хотя и въ очень дурномъ настроеніи, духи согласились на это и сеансъ былъ законченъ. Когда м-ръ Эглинтонъ, вышелъ изъ состоянія транса, я спросилъ его, какъ бы я могъ послать письмо къ Эрнесту; на это онъ сказалъ, что если я пришлю письмо къ нему, онъ положитъ его въ висящій на стѣнѣ ящикъ, изъ котораго Эрнестъ могъ бы взять его, когда захочетъ.

Тогда я написалъ м-ру Синнетъ и спросилъ его мнѣнія объ этомъ. Онъ сразу сильно заинтересовался и совѣтовалъ мнѣ принять предложеніе и посмотреть, что изъ этого выйдетъ.

Послѣ этого я пошелъ домой и написалъ три письма первое было къ Учителю К. Х., и я говорилъ въ немъ со всѣмъ благоговѣніемъ, что съ тѣхъ поръ, какъ я услышалъ впервые о теософіи, мое единственное желаніе было стать Его ученикомъ. Я передавалъ, Ему о моихъ обстоятельствахъ того времени и спрашивалъ, было ли необходимо, чтобы семь лѣтъ испытанія, о которыхъ я слышалъ, были проведены въ Индіи.

Я положилъ это письмо въ маленькій конвертъ и тщательно запечаталъ собственной печатью. Потомъ положилъ его въ письмо къ Эрнесту, въ которомъ напомнилъ ему объ его обѣщаніи и просилъ вручить это письмо и доставить отвѣтъ, если таковой будетъ. Второе письмо я запечаталъ такимъ же образомъ, какъ и первое, и вложилъ его въ новый конвертъ съ короткой запиской къ Эглинтону, прося его положить письмо въ свой ящикъ и извѣстить меня, не будетъ ли какого нибудь отвѣта. Я попросилъ друга, бывшаго со мною, изслѣдовать печати обѣихъ писемъ подъ микроскопомъ, чтобы мы могли узнать, не поддѣлалъ ли ихъ кто-нибудь.

По возвращеніи съ почты, я получилъ записку отъ м-ра Эглинтонна, съ извѣстіемъ, что онъ какъ слѣдуетъ опустилъ записку къ Эрнесту и что она уже исчезла, далѣе онъ писалъ, что если придетъ какой-нибудь отвѣтъ, онъ поспѣшитъ передать его мнѣ.

Черезъ нѣсколько дней, я получилъ письмо, написанное рукой мнѣ незнакомой, и, открывая его я нашелъ мое собственное письмо къ Эрнесту, по наружному виду не вскрытое, имя „Эрнестъ“ было вычеркнуто и мое собственно имя было написано внизу карандашомъ. Мой другъ и я долго изслѣдовали

печати подъ микроскопомъ, но не было слѣда чьего либо прикосновенія и мы оба убѣдились, что оно не могло быть вскрыто. Но когда мы вскрыли его, я увидѣлъ, что мое письмо къ Учителю исчезло; все, что я нашелъ внутри, было мое собственное письмо къ Эрнесту, съ нѣсколькими отвѣтными словами, написанными его, хорошо мнѣ извѣстнымъ почеркомъ на свободной страницѣ письма: онъ извѣщалъ, что мое письмо благополучно вручено Учителю и что, если я удостоюсь получить отвѣтъ, Эрнестъ охотно передастъ мнѣ его.

Я ждалъ нѣсколько мѣсяцевъ, но отвѣта не было. Когда я посѣщалъ сеансы Эглинтонъ и мнѣ случалось встрѣчаться съ Эрнестомъ, я всегда спрашивалъ его, когда я могу получить отвѣтъ.

Онъ неизмѣнно отвѣчалъ, что мое письмо благополучно доставлено, но что отвѣта еще нѣтъ и онъ ничего больше не можетъ сдѣлать. Шестъ мѣсяцевъ спустя я получилъ отвѣтъ, но не черезъ Эрнеста, и въ немъ Учитель говорилъ, что хотя онъ и не получилъ письма и не могъ получить его черезъ посланника такого рода, но онъ зналъ, о чемъ я писалъ ему, и теперь отвѣчаетъ на мое письмо.

Онъ сказалъ, что семь лѣтъ испытанія могутъ пройти гдѣ угодно, но онъ совѣтывалъ мнѣ переѣхать на нѣсколько мѣсяцевъ въ Адьяръ, чтобы убѣдиться, могу ли я работать съ работниками главной квартиры. Мнѣ хотѣлось сказать въ отвѣтъ, что мои обстоятельства таковы, что для меня совершенно невозможно пріѣхать въ Адьяръ на три мѣсяца и потомъ возвратиться къ моей прежней работѣ, но что я совершенно готовъ бросить ее для того, чтобы безраздѣльно отдать мою жизнь служенію Учителю. Такъ какъ Эрнестъ оказался несостоятельнымъ, я не нашелъ иного пути, какъ передать это посланіе Учителю черезъ г-жу Блаватскую, которая покидала Англію на слѣдующій же день, направляясь въ Индію; я поспѣшилъ въ Лондонъ, чтобы повидаться съ ней.

Съ трудомъ убѣдилъ я ее прочесть письмо, такъ какъ по ея мнѣнію такія сообщенія предназначаются только для того, кому назначены. Я настаивалъ на своемъ и подъ конецъ она прочитала его и спросила, что же я желаю знать въ отвѣтъ. Я повторилъ то же, что было въ письмѣ и спросилъ, возможно ли передать мое желаніе Учителю. На это она отвѣтила, что Учителю уже извѣстно мое желаніе, намекая этимъ вѣроятно на исключительно тѣсныя отношенія, въ которыхъ она стояла къ

Нему, такъ что все проходившее черезъ ея сознание, отражалось и въ Его сознаниі, когда онъ того хотѣлъ. Затѣмъ она сказала, чтобы я подождать и ни подъ какимъ видомъ не уходилъ отъ нея. Я терпѣливо ожидалъ все послѣобѣденное время и даже вечеромъ отправился вмѣстѣ съ ней довольно поздно въ домъ м-съ Ооклей, гдѣ собрались нѣсколько друзей, чтобы пожелать ей счастливаго пути. Г-жа Блаватская сѣла въ удобное кресло къ огню, и повела съ присутствующими блестящей разговоръ, крутя свою вѣчную папироску, какъ вдругъ правая ея рука совершенно особеннымъ образомъ придвинулась къ огню и остановилась ладонью кверху, она смотрѣла на свою ладонь съ такимъ же изумленіемъ какъ и я, стоявшій вплотную къ ней, опираясь на спинку ея кресла, и ясно видѣвшій вмѣстѣ съ остальными, какъ образовался на ладони ея руки бѣловатый туманъ, сгустившійся затѣмъ въ кусокъ сложенной бумаги, который она тотчасъ же и подала мнѣ, сказавъ: „вотъ вамъ и отвѣтъ“. Тотчасъ же всѣ въ комнатѣ столпились вокругъ меня, но она для прочтенія отвѣта выслала меня вонъ изъ комнаты, сказавъ, что я не долженъ никому показывать его содержанія. Въ отвѣтѣ говорилось что моя интуиція, заставлявшая меня бросить все и уѣхать отсюда, была совершенно вѣрная, что это было и его желаніе, но онъ не могъ подсказать мнѣ этого, пока я самъ не предложилъ. Далѣе было сказано, чтобы черезъ нѣсколько дней, я взялъ себѣ мѣсто на пароходѣ и встрѣтился съ г-жей Блаватской въ Египтѣ, что я конечно и сдѣлалъ.

Въ Каирѣ мы остановились въ „Восточномъ“ отелѣ. Здѣсь я впервые увидѣлъ одного изъ членовъ Братства. Въ то время, какъ я сидѣлъ на полу у ногъ м-мъ Блаватской и разбиралъ для нея нѣкоторыя бумаги, я вздрогнулъ, увидавъ челоуѣка стоявшаго между нами, хотя онъ не проходилъ черезъ дверь. Это былъ тотъ, который извѣстенъ какъ Учитель Д. К., хотя въ то время онъ еще не достигъ ступени, дѣлавшей его Адептомъ.

Наша остановка въ Египтѣ съ г-жей Блаватской была во многихъ отношеніяхъ весьма замѣчательнымъ переживаніемъ, такъ какъ она постоянно разъясняла намъ внутреннюю сторону того, что мы тамъ видѣли. Она была въ Египтѣ ранѣе и была хорошо знакома съ нѣкоторыми людьми, занимавшими официальное положеніе, съ первымъ министромъ, Нубаръ-пашей, съ русскимъ консуломъ г. Хитрово, и въ особенности съ хранителемъ музея г-мъ Масперо. Особенно вспоминается мнѣ, какъ мы ходили по музею съ послѣднимъ и какъ г-жа Блаватская давала

ему массу интересныхъ свѣдѣній о различныхъ рѣдкостяхъ, находившихся на его попеченіи.

Г-жа Блаватская понимала по арабски и она очень забавляла насъ, переводя намъ личныя замѣчанія, которыя дѣлались степенными и достойными арабскими купцами, говорившими другъ съ другомъ на базарѣ. Послѣ того, какъ они нѣсколько разъ называли насъ христіанскими собаками и неуважительно выразились о многихъ поколѣніяхъ нашихъ родственницъ, она ласково спросила ихъ на ихъ собственномъ языкѣ, не думаютъ ли они, что не такимъ образомъ долженъ бы говорить добрый сынъ пророка о тѣхъ, отъ кого онъ надѣется получить большую прибыль. Арабы были очень сконфужены, не ожидая, что кто либо изъ европейцевъ могъ понимать ихъ.

Арабскій языкъ былъ впрочемъ единственнымъ восточнымъ языкомъ, съ которымъ она была знакома; она не знала Санскрита, и многіе изъ трудностей нашей теософической терминологіи возникли какъ разъ отъ того, что въ тѣ дни она описывала, то что видѣла или знала и затѣмъ спрашивала перваго попавшагося Индуса, какъ это можно выразить по Санскритски.

Нерѣдко лицо, которое снабжало ее терминомъ, неясно понимало, что она имѣла въ виду; и даже когда онъ понималъ, не нужно забывать, что она спрашивала представителей различныхъ философскихъ школъ и что каждый отвѣчалъ съ тѣмъ оттѣнкомъ, который придавался термину его ученіемъ.

Много интересныхъ феноменовъ происходило въ этомъ періодѣ вокругъ нея. Но прежде всего она сама была величайшимъ феноменомъ, ибо ея собственныя перемѣны были поразительны. Иногда сами Учителя дѣйствовали черезъ ея тѣло и писали или говорили непосредственно черезъ нее. Въ другое время, когда ея его было занято въ иномъ мѣстѣ, одинъ изъ двухъ учениковъ низшей степени, занималъ ея тѣло и были даже случаи, когда другой женщиной поручалось занять его. Я самъ часто наблюдалъ такія замѣны и видѣлъ новаго человѣка, входившаго въ ея тѣло, какъ онъ осматривался кругомъ, какъ искалъ войти въ курсъ текущихъ обстоятельствъ, какъ пробовалъ поддержать нить разговора. Со всѣмъ тѣмъ, она ни коимъ образомъ не была обыкновеннымъ медиумомъ, ибо настоящей владѣлецъ тѣла оставался при этомъ въ полномъ сознаніи и исполнѣ сознавалъ все происходившее.

Одинъ разъ случилось слѣдующее. Въ то время, какъ мы пересѣкали на поѣздѣ пустыню отъ Измаила до Каира, въ

желѣзнодорожномъ вагонѣ упало сверху письмо, относящееся до предмета предыдущаго нашего разговора и передавшее каждому изъ присутствующихъ привѣтъ и поощреніе. Мнѣ и другому присутствовавшему пришлось взглянуть вверхъ въ то время, когда появилось это письмо, и мы оба видѣли его въ воздухѣ, въ томъ кругломъ пространствѣ подъ потолкомъ вагона, въ которомъ обыкновенно ставится лампа на ночь. Оно появилось совершенно такъ же, какъ и въ первомъ случаѣ, въ видѣ круглаго бѣловатаго тумана, который сгустился въ кусокъ бумаги и упалъ внизъ.

Помню и другой случай, когда она купила на базарѣ духовъ въ Каирѣ маленькую бутылочку розовой эссенціи, которая назначалась для ея домашняго алтаря, заплативъ за нея два фунта. Когда мы сидѣли за завтракомъ въ отелѣ, полчаса спустя, за маленькимъ столикомъ, накрытымъ для насъ въ нишѣ столовой, два англійскихъ соверена упали изъ пространства на столъ и г-жа Блаватская объяснила, что ей было сказано, что бы она не тратила деньги такимъ образомъ, потому что мы будемъ нуждаться въ каждомъ шиллингѣ прежде, чѣмъ достигнемъ Адъяра, что конечно и оправдалось вполнѣ.

Въ разное время я видѣлъ много феноменовъ, которые такъ часто сопровождали г-жу Блаватскую. Я видѣлъ ея письма и рисунки, сдѣланные при мнѣ съ помощью осажденія ¹⁾.

И видѣлъ также, какъ она доставала недостающіе предметы съ помощью оккультной силы. Въ различныхъ случаяхъ, я видѣлъ также письма, падавшія изъ воздуха въ ея присутствіи, и я долженъ прибавить, что видѣлъ такое же письмо, упавшее здѣсь, въ этомъ домѣ, въ Адъярѣ, когда она была за пять тысячъ миль отсюда въ Англии и кромѣ того, что я самъ, въ различное время, имѣлъ счастье служить посредникомъ для Учителя, поручавшаго мнѣ передачу подобныхъ писемъ послѣ ея ухода съ физическаго плана.

Въ тѣ ранніе дни теософическаго Об-ва порученія и указанія отъ Учителей были частымъ явленіемъ и мы жили полные такого энтузіазма, какой для присоединившихся послѣ смерти г-жи Блаватской, съ трудомъ вообразимъ. Тѣ изъ насъ, на долю которыхъ выпало безцѣнное преимущество непосредственнаго

¹⁾ Прим. перев. Процессъ сгущенія матеріи, берущейся изъ окружающаго пространства при помощи правильно направленной воли, состоитъ въ расположеніи осаждаемыхъ частицъ матеріи въ видѣ письменныхъ знаковъ или рисунковъ.

соприкосновенія съ Учителями, несомнѣнно удерживаютъ этотъ энтузіазмъ, но намъ не удавалось, при возникновеніи менѣе благопріятныхъ обстоятельствъ, зажечь его въ рядахъ остальныхъ членовъ. Можетъ быть теперь мы стоимъ наканунѣ новаго подъема духа; да будемъ мы достойны принять участіе въ славныхъ временахъ, которыя приближаются!

Перев. В. М. Лалетинъ.

Благо равняется величіемъ бытію всѣхъ существъ, тѣлесныхъ и безтѣлесныхъ, осязаемыхъ и неощуемыхъ. Таково благо, таковъ Богъ. Всѣ прочіе боги зовутся безсмертными и даютъ имъ имя боговъ, какъ достоинство. Но для Бога благо не достоинство, это его природа. Богъ и благо одно и то же и начало всего прочаго; ибо свойства блага все давать, ничего не получая. А Богъ все даетъ и ничего не пріемлетъ.

Итакъ Богъ есть благо, а благо Богъ. Другое имя Его Отецъ, ибо онъ создатель; свойство же Отца—создаваніе.

Во славу всего сущаго, Бога, божественности и природы божественной. Начало бытія—Богъ, разумъ, природа и вещество.

Мудрость являетъ вселенную, божественность же есть ея начало, природа, сила, необходимость—конецъ и возобновленіе.

Быль мракъ безпредѣльный надъ бездною, и вода, и духъ тонкій и разумный, содержимые въ хаосѣ Божественной мощью.

Строитель міра построилъ нерукотворно, но Словомъ Своимъ. Нужно Его представлять себѣ, какъ вездѣ и всегда сущаго, какъ начинателя всего, какъ одного и единаго, тварей создавашаго волею своею.

Изреч. изъ Гермеса Трисмегиста.

Интуиція и импульсъ.

Ч. Ледбитера.

Вы спрашиваете, какъ отличить импульсъ отъ интуиціи. Ваше затрудненіе вполне понятно. Сначала вамъ будетъ трудно сдѣлать это, но утѣшьте себя той мыслью, что это затрудненіе временное. По мѣрѣ того, какъ вы будете расти, вы достигнете ступени, на которой будете съ увѣренностью отличать интуицію отъ импульса и ошибки будутъ невозможны.

Такъ какъ и то, и другое проникаетъ въ мозгъ изнутри, они сначала кажутся совершенно одинаковыми, поэтому необходима большая осторожность, и трудно принять опредѣленное рѣшеніе. Слѣдующія соображенія, быть можетъ помогутъ вамъ. Я слышала, какъ м-съ Безантъ говорила, что всегда хорошо подождать немного, если обстоятельства это позволяютъ, потому что импульсъ съ теченіемъ времени ослабѣваетъ, а интуиція не измѣняется отъ времени. Кромѣ того, импульсъ почти всегда сопровождается возбужденіемъ; въ немъ всегда есть нѣчто личное, и если не слѣдовать ему немедленно—если что-нибудь препятствуетъ этому,—то появляется чувство досады; тогда какъ истинная интуиція, хотя и полная рѣшимости, всегда сопровождается чувствомъ спокойной силы. Импульсъ—это волна, поднимающаяся въ астральномъ тѣлѣ; интуиція—отрывокъ знанія эго, выраженный имъ черезъ личность.

Иногда внезапное впечатлѣніе появляется вовсе не изнутри, а извне; какъ бы вѣсть или внушеніе отъ кого-либо съ высшихъ плановъ, обыкновенно отъ какого-либо умершаго чело-вѣка, или быть можетъ отошедшаго родственника. Къ такимъ совѣтамъ или сообщеніямъ нужно относиться такъ же, какъ если бы они были получены на физическомъ планѣ—принимать ихъ,

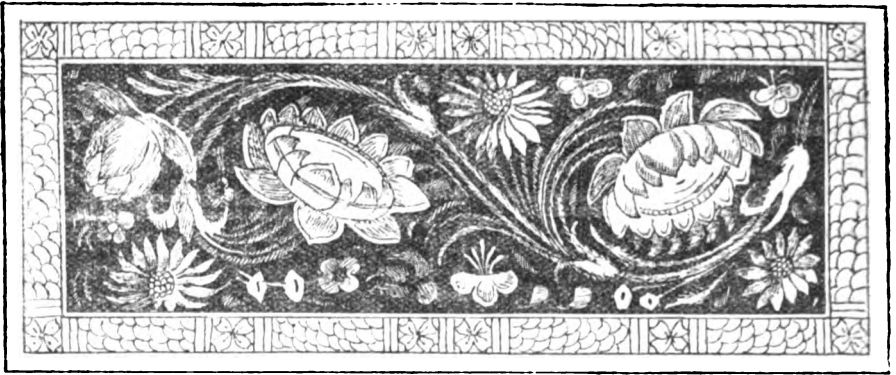
если они согласуются съ вашимъ разумомъ, и не соглашаться съ ними, если этого нѣтъ; ибо человѣкъ не могъ стать умнѣе насъ только потому, что ему пришлось умереть. Въ этомъ случаѣ и во всѣхъ другихъ, мы должны контролировать наши поступки строгимъ и рѣшительнымъ здравымъ смысломъ, а не бросаться стремительно за вымыслами и грезами.

На этой ступени развитія совѣтую вамъ всегда руководствоваться разсудкомъ, если вы увѣрены въ послышанномъ, на которыхъ вы основываете свое разсужденіе. Со временемъ вы узнаете по опыту, можно ли неизмѣнно вѣрить вашимъ интуиціямъ. Простой импульсъ беретъ начало въ астральномъ тѣлѣ, тогда какъ истинная интуиція идетъ непосредственно изъ высшаго ментальнаго плана, а иногда даже изъ будхическаго. Конечно послѣдней, если бы вы только могли быть увѣрены въ ней, можно слѣдовать безъ малѣйшаго сомнѣнія; но на переходной ступени, на которой вы сейчасъ находитесь, это связано съ извѣстнымъ рискомъ—или человѣкъ чрезмерно цѣпляется за разумъ и упускаетъ проблескъ истины, или онъ ошибается, принимая импульсъ за интуицію. Во мнѣ самомъ такъ глубоко вкоренился страхъ передъ этой ошибкой, что я снова и снова повиновался разсудку, поступая противъ интуиціи, и только много разъ провѣривъ, что извѣстный типъ интуиціи былъ всегда правильнымъ, я позволилъ себѣ всецѣло довѣриться ей. Вы также, безъ сомнѣнія, пройдете черезъ эти послѣдовательныя ступени развитія, и вамъ совершенно не слѣдуетъ беспокоиться объ этомъ.

Разумѣй Бога, какъ въ себѣ содержащаго всѣ свои мысли, всю цѣлостность міра. Если не можешь сравниться съ Богомъ, не можешь ты Его и понять. Подобный понимаетъ подобнаго.

Изреч. изъ Гермеса Трисмегиста.

Современная наука и вопросъ объ Атлантидѣ.

Извѣстно, что Теософія считаетъ непреложной истиной, что когда-то существовали материка Атлантиды и Лемурии, которые въ давнія времена были поглощены моремъ. Въ ея распоряженіи имѣются кромѣ того очень интересныя свѣдѣнія объ этихъ материкахъ, почерпнутыя въ тайныхъ архивахъ человечества и переданныя Учителями Мудрости своимъ адептамъ. Эти свѣдѣнія были дополнены сверхфизическими изысканіями наиболѣе подвинувшихся оккультистовъ-теософовъ. Мы можемъ ихъ найти въ „Тайной Доктринѣ“ Е. П. Блаватской, въ двухъ книгахъ Scott'a Elliott'a „The lost Lemuria“ и „The Story of Atlantis“, въ книгѣ Annie Besant „Généalogie de l'homme“, въ ея же книгѣ и С. W. Leadbeater'a „Déchirures dans le voile du temps“ и „Man whence, how and whither“.

Всѣ данныя этихъ документовъ столь же достовѣрны, какъ и данныя современной науки хотя бы о планетахъ солнечной системы. Но надо сознаться, что способы полученія этихъ данныхъ въ первомъ случаѣ менѣе въ ходу, чѣмъ напримѣръ употребленіе спектроскопа, примѣняемаго для изслѣдованія планеты. Хотя и такіе способы изслѣдованія не для всякаго возможны, но они все же доступнѣе, чѣмъ высокая степень яснovidнѣія, показывающая факты прошлаго, и являющаяся результатомъ индивидуальной эволюціи каждаго. Поэтому мы особенно счастливы находить

въ современной наукѣ данныя, доказывающія утверждения Тео-софіи, и мы съ удовольствіемъ воспроизводимъ здѣсь резюме изъ конференціи, читанной въ Океанографическомъ Парижскомъ институтѣ въ ноябрѣ 1912 г. профессоромъ геологіи высшей національной школы Пьеромъ Термье, директоромъ учрежденія для составленія геологической карты Франціи, членомъ Академіи Наукъ.

А Т Л А Н Т И Д А .

Краткими и простыми штрихами разворачивается предъ нами въ двухъ діалогахъ Платона мрачная поэма Атлантиды. И тогда понимаешь почему весь древній міръ и средніе вѣка называли „мрачнымъ“ ту часть моря, гдѣ произошелъ этотъ ужасный переворотъ. Чувствовалось, что оно было самое ужасное, самое грозное, самое негостеприимное. И страшно было подумать, какія, быть можетъ еще прекрасныя, развалины погребены подъ его безстрастными волнами. И только Колумбъ со своимъ сверхчеловѣческимъ мужествомъ и почти безумной вѣрой въ шарообразную форму земли могъ рѣшиться на переѣздъ черезъ Мрачное море. Неудержимое стремленіе влекло его по примѣру своего патрона Св. Христофора принести христіанскую вѣру неизвѣстнымъ народамъ, уже давно ожидающимъ Христа во „мракѣ невѣжества.“

„На таинственныхъ берегахъ запада“ („на таинственномъ порогѣ запада“). Послѣ экспедиціи Колумба страхъ уступаетъ мѣсто любознательности. Географы и историки погружаются въ изученіе вопроса объ Атлантидѣ. Изслѣдуя бездну океана они стараются найти и установить точное положеніе этого затопленнаго острова. Но они нигдѣ не могутъ найти никакихъ точныхъ указаній, и многіе изъ нихъ перестаютъ вѣрить въ существованіе Атлантиды. Они начинаютъ сомнѣваться въ справедливости словъ Платона, считая, что этотъ великій геній либо самъ выдумалъ всю эту басню объ Атлантидѣ, либо по ошибкѣ принялъ за островъ огромныхъ размѣровъ части Мавританіи и Сенегамбіи. Другіе считали возможнымъ перенести Атлантиду на сѣверъ Европы или отождествить ее со всею Америкой. И лишь одни поэты, о которыхъ Léon Vloay говоритъ, что они „вѣрятъ лишь въ то, что они угадываютъ“, оставались вѣрными прекрасной легендѣ. Они не желали признавать Атлантического океана безъ всякой драмы въ прошломъ и не могли допустить мы-

сли быть обманутыми божественнымъ Платономъ, считая совершенно невозможнымъ, чтобы онъ здѣсь ошибался.

Возможно, что и на этотъ разъ поэты были правы. Послѣ долгаго періода презрительнаго равнодушія къ этому вопросу наука нѣсколько лѣтъ тому назадъ вновь взялась за Атлантиду. И уже нѣкоторые натуралисты, геологи, зоологи и ботаники начинаютъ думать, не передалъ ли Платонъ въ своемъ краткомъ повѣствованіи страницу истинной исторіи человѣчества. Нельзя еще пока сказать этого съ полной увѣренностью, однако все болѣе и болѣе становится яснымъ, что обширный континентъ, или большая группа острововъ дѣйствительно погребена моремъ къ западу отъ столбовъ Геркулеса, или Гибралтарскаго пролива и что этотъ провалъ имѣлъ мѣсто въ сравнительно недавнюю эпоху. Во всякомъ случаѣ вопросъ объ Атлантидѣ вновь встаетъ передъ учеными, а такъ какъ я убѣжденъ, что невозможно разрѣшить его безъ помощи океанографіи, то я и считаю вполне умѣстнымъ поднять этотъ вопросъ въ этомъ храмѣ морской науки и привлечь вниманіе океанографовъ къ этой долгое время презираемой проблемѣ, вновь являющейся намъ. Я хочу также привлечь вниманіе людей, которые среди шума городовъ чутко прислушиваются къ отдаленному рокоту морскихъ волнъ.

Перечитаемъ прежде всего повѣствованіе Платона. Оно находится въ діалогѣ подъ заглавіемъ „Тимей“ или „о Природѣ“. Здѣсь четверо дѣйствующихъ лицъ: Тимей, Сократъ, Гермократъ и Критіасъ; онъ рассказываетъ о Солонѣ и о путешествіи, совершенномъ этимъ мудрымъ законодателемъ въ Саисъ, въ дельту Египта. Здѣсь глубоко поражаетъ его старый Египетскій священнослужитель (жрецъ), рассказывающій ему исторію основанія Аѳинъ, совершенно забытую Аѳинянами. „Я не буду дѣлать для тебя тайны“, — сказалъ священнослужитель: „я готовъ удовлетворить твою любознательность въ знакъ уваженія къ тебѣ и къ твоему отечеству и во славу богини, нашей общей покровительницы, воздвигнувшей твой родной городъ Аѳины и 1000 лѣтъ спустя основавшей нашъ городъ Саисъ. Въ нашихъ священныхъ книгахъ сказано, что со времени его основанія прошло 8000 лѣтъ. Я хочу тебѣ кратко повѣдать о законахъ и о величайшихъ подвигахъ Аѳинянъ въ теченіе 9000-го періода со времени существованія Аѳинъ. Но изъ многихъ славныхъ подвиговъ твоихъ согражданъ есть одинъ, который выше всѣхъ остальныхъ. Въ книгахъ сказано объ истребленіи Аѳинянами пришедшей изъ Атлантиды арміи, удивительной по своей силѣ и могуществу, которая дерзко вторглась въ

предѣлы Европы и Азіи. Въ тѣ времена еще можно было перѣѣхать черезъ Атлантическій океанъ и за проливомъ, называемымъ Столбами Геркулеса, находился островъ по величинѣ своей болѣе Либіи и Азіи. Съ этого острова можно было легко добраться до другихъ острововъ, а оттуда и на материкъ, окружившій Внутреннее море. По эту сторону пролива, о которомъ мы говоримъ, находилась какъ бы обширная гавань, въ которую велъ узкій проходъ, но это было настоящее море, а окружавшая его земля была настоящимъ материкомъ. На островѣ Атлантиды царствовали короли, облеченные чудеснымъ могуществомъ. Они владычествовали надъ всѣмъ островомъ, надъ другими островами и надъ частью континента. По эту сторону пролива имъ подчинялась кромѣ того Либія до Египта и Европа до Тирреніи. Всѣ эти силы были собраны однажды, чтобы однимъ ударомъ покорить нашу и вашу страну и всѣ народности, живущіе по эту сторону пролива. Тогда то Аеніяне и показали свою доблесть и силу. Благодаря храбрости своихъ воиновъ и превосходству въ военномъ искусствѣ, Аеніяне стали во главѣ всѣхъ грековъ. Но такъ какъ эти послѣдніе принуждены были лишиться ихъ своей поддержки, то Аеніяне одни, безъ союзниковъ пошли навстрѣчу страшной опасности, остановили нашествіе, одержали цѣлый рядъ блестящихъ побѣдъ и тѣмъ спасли отъ рабства свободные народы и возвратили независимость народамъ, живущимъ, какъ и мы, по эту сторону столбовъ Геркулеса. Черезъ нѣсколько времени послѣ этого въ одинъ роковой день и ночь страшное землетрясеніе и наводненіе истребило всѣхъ нашихъ воиновъ. Островъ Атлантида исчезъ въ волнахъ моря. Съ этихъ поръ море въ этихъ мѣстахъ стало непроходимымъ; корабли не могутъ тамъ пробраться вслѣдствіе песчаныхъ наносовъ, образовавшихся на мѣстѣ исчезнувшаго въ пропасти острова.“

Вотъ разсказъ совсѣмъ не похожій на сказку. Онъ отличается почти научной точностью. Возможно, что размѣры острова Атлантиды здѣсь нѣсколько преувеличены, но надо помнить, что египетскіе жрецы не имѣли представленія объ истинныхъ размѣрахъ Азіи, и поэтому слова „больше чѣмъ Азія“ не имѣли въ разсказѣ того значенія, которое мы придали бы имъ въ настоящее время. Все же остальное совершенно ясно и вполне вѣроятно. Рѣчь идетъ объ островѣ близъ Гибралтарскаго пролива, населенномъ многочисленнымъ, сильнымъ и воинственнымъ народомъ, другіе болѣе мелкіе острова находятся въ каналѣ, отдѣляющемъ большой островъ отъ береговъ Африки. Съ боль-

шого острова можно было легко переправиться на мелкіе острова, а оттуда на континентъ, послѣ чего можно было уже легко достигнуть береговъ Средиземнаго моря и покорить народы, живущіе тамъ, сначала къ югу до границы Египта и Либіи, а затѣмъ къ сѣверу до Тирреніи и Греціи. Но съ этимъ нашествіемъ атлантскихъ пиратовъ успѣшно борются аѳиняне. Быть можетъ они и были бы въ концѣ концовъ побѣждены, но на помощь приходитъ страшный переворотъ, который въ нѣсколько часовъ погребаетъ Атлантиду, отражаясь сильными толчками и ужасными наводненіями по всѣмъ берегамъ Средиземнаго моря. Застигнутые наводненіемъ береговъ погибаютъ и сражающіяся арміи. Когда оставшіеся въ живыхъ приходятъ въ себя, то они видятъ, что не только погибли всѣ ихъ враги, но узнаютъ также, что не существуетъ болѣе и той самой страны, откуда они пришли. Когда спустя много времени послѣ этой ужасной катастрофы отважные мореходы рѣшились для изслѣдованія западнаго моря перейти Геркулесовы Столбы, то они были остановлены огромнымъ количествомъ подводныхъ камней и остатковъ исчезнувшей земли. Ихъ охватилъ ужасъ, и они бѣжали отъ проклятаго мѣста, надъ которымъ чувствовался приговоръ Божій.

Въ другомъ діалогѣ, называемомъ „Кришіасъ, или объ Атлантидѣ“, составляющемъ какъ бы продолженіе „Тимея“, Платонъ даетъ намъ описаніе знаменитаго острова. Разсказъ ведетъ опять Тимей, а Сократъ и Гермокритъ его слушаютъ. „По Египетскимъ преданіямъ“, говоритъ онъ, „9000 лѣтъ тому назадъ между народами, обитающими по ту и по эту сторону Геркулесовыхъ Столбовъ, возгорѣлась всеобщая война. Съ одной стороны были аѳиняне, съ другой атланты. Мы уже говорили, что островъ по размѣрамъ былъ болѣе Азіи и Африки, и что онъ былъ затѣмъ поглощенъ землетрясеніемъ, и что на мѣстѣ его остались лишь рифы, останавливающіе мореплавателей и дѣлающіе море непроходимымъ“. Далѣе Кришіасъ развиваетъ передъ нами египетское сказаніе о чудесномъ происхожденіи Атлантиды. При дѣлежѣ она выпала на долю Нептуна, который поселилъ здѣсь десятирýchъ своихъ дѣтей, рожденныхъ отъ смертной женщины. Затѣмъ онъ даетъ намъ описаніе этой колыбели атлантской расы. Она представляла собою плодородную долину, расположенную близъ моря и открытую въ южной части острова. Ее окружали горы вплоть до самаго моря, но она открывалась на южной сторонѣ, защищая такимъ образомъ долину отъ холодныхъ сѣверныхъ вѣтровъ. По этимъ чуднымъ горамъ были

разбросаны богатыя и густо населенныя деревушки. Въ долинѣ былъ расположенъ великолѣпный городъ, дворцы и храмы котораго были построены изъ камней трехъ цвѣтовъ, добываемыхъ въ самомъ островѣ: бѣлаго, чернаго и краснаго. Островъ изобиловалъ множествомъ различныхъ рудъ. Онъ ограничивался вздымающимися вверхъ ввидѣ пикъ горами, которыя высились надъ бурными морями. Можно съ улыбкою прочитать о Нептунѣ и о его многочисленномъ потомствѣ, но географическое описаніе острова не даетъ никакого повода къ насмѣшкамъ и оно навсегда вѣзывается въ памяти. Это описаніе такъ близко подходитъ къ воображаемому нами обширному материку, погружившемуся въ море въ районѣ Азорскихъ острововъ и гдѣ когда то царствовала вѣчная весна. Почву этого материка представляло утесистое основаніе древней фармаціи съ бѣлыми просвѣтами известковой породы; на ней высились потухшіе вулканы съ давно остывшими потоками красной и черной лавы.

Такова Атлантида по описанію Платона и такова ея исторія. Несмотря на то, что она фантастична, какъ, впрочемъ, большинство исторій, вмѣстѣ съ тѣмъ она поразительно точна и подробна и въ особенности очень правдоподобно описаніе ея трагическаго конца.

Но этимъ и исчерпываются данныя, полученныя нами изъ древней исторіи, потому что гораздо менѣе ясныя рассказы Теопомпа и Марцеліуса интересны лишь тѣмъ, что по нимъ можно судить, какое сильное распространеніе получила легенда объ Атлантидѣ среди жителей береговъ Средиземнаго моря. Въ общемъ почти до нашихъ временъ около Средиземнаго моря всѣ вѣрили въ бывшее нашествіе Атлантовъ, явившихся съ большого острова, или материка изъ-за Геркулесовыхъ Столбовъ и вѣрили, что это нашествіе было внезапно остановлено мгновеннымъ или весьма быстрымъ затопленіемъ страны, изъ которой вышли завоеватели.

Посмотримъ теперь, что говоритъ наука о возможности и вѣроятности подобнаго внезапнаго глубокаго провала цѣлаго обширнаго материка въ воды океана. Вспомнимъ о геологическихъ условіяхъ той части Атлантического океана, гдѣ произошла эта катастрофа.

Если судно, идя черезъ Атлантическій океанъ, поплыло бы къ западу отъ Гибралтарскаго пролива, то ширина океана оказалась бы здѣсь 6.400 километровъ. Такимъ образомъ судно пристало бы къ берегамъ Америки вблизи мыса Гаттераса и

оно не встрѣтило бы никакой земли на всемъ своемъ пути. Оно бы миновало островъ Мадейры и Азорскіе острова, не замѣтивъ ихъ. Оно не замѣтило бы также на югѣ и невысокихъ Бермудскихъ коралловыхъ острововъ. Пассажиры и не подозрѣвали бы, до чего неровно самое дно океана и какія страшныя тайны погребены на этомъ днѣ Мрачнаго моря. Но если бы только корабль, немного удлинивъ свой путь, повернулъ сначала къ юго-западу, потомъ къ сѣверо-западу и затѣмъ вновь къ юго-западу, — то онъ увидѣлъ бы послѣдовательно островъ Мадейру, самые южные изъ Азорскихъ острововъ и наконецъ Бермудскіе острова. И если бы воображаемые путешественники на нашемъ воображаемомъ суднѣ имѣли бы усовершенствованные аппараты для измѣренія глубинъ и умѣли бы ими пользоваться, то они были бы поражены, увидѣвъ, какъ неравномѣрна глубина моря по пути прохожденія корабля. Близъ Гибралтара дно опускается на глубину 4.000 метровъ, затѣмъ оно быстро поднимается, образуя узкій утесъ, на которомъ расположенъ островъ Мадейры, затѣмъ глубина между островомъ Мадейры и Азорскими островами вновь доходитъ до 5.000 метровъ и около Азорскихъ острововъ вновь подымается до 1.000 метровъ. Затѣмъ къ югу и юго-западу все время держится на глубинѣ отъ 1000 до 4000 метровъ, съ рѣзкими возвышеніями, нѣкоторыя изъ которыхъ доходятъ до самой поверхности моря. Далѣе дно снова опускается на глубину около 5000 метровъ и даже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до 6.000 метровъ и вдругъ опять порывисто выступаетъ вверхъ, образуя основанія Бермудскихъ острововъ. Затѣмъ дно опускается до 4.000 метровъ немного не доходя береговъ Америки, гдѣ оно круто подымается къ берегу.

Вообразимъ себѣ на минуту, что мы могли бы вылить всю воду изъ Атлантическаго океана, совершенно его осушить, послѣ чего мы стали бы сверху разсматривать рельефъ его дна. Тогда бы мы замѣтили два большихъ пониженія уровня дна, двѣ огромныя долины, идущія съ сѣвера на югъ параллельно берегамъ и раздѣленныя одна отъ другой средней частью, болѣе возвышенной. Западная долина у береговъ Америки и шире и глубже. Она представляетъ собою какъ бы рядъ глубокихъ овальныхъ впадинъ вродѣ ямъ, или воронокъ, опускающихся на 6.000 метровъ отъ уровня береговъ, и рѣдкихъ столбовъ, одинъ изъ которыхъ, оканчиваясь Бермудскими островами, рѣзко подымается къ поверхности океана. Восточная долина, идущая сначала вдоль европейскихъ береговъ, а затѣмъ вдоль береговъ Африки, пред-

ставляется намъ болѣе узкой, менѣе глубокой, но гораздо болѣе разнообразной. По восточной части всей долины вздымается множество пирамидъ либо тонкихъ и нѣжныхъ какъ та, что оканчивается островомъ Мадеры, либо массивныхъ вродѣ той, которая несетъ на себѣ архипелагъ Канарскихъ острововъ и мысъ Зеленый. Средняя, сильно поднятая зона, представляется намъ длиннымъ мысомъ, ось котораго совпадаетъ съ осью всего Атлантическаго океана, изгибающагося въ планѣ въ видѣ буквы S, вмѣстѣ со своими двумя долинами и съ ихъ берегами. Этотъ мысъ, начинаясь отъ Гренландіи и захватывая собою Исландію и сѣверные острова, тянется суживаясь къ югу и остро оканчивается подъ 70° южной широты. Почти по всей ея длинѣ она имѣетъ около 1.500 метровъ широты. Она неправильныхъ очертаній съ огромными сферическими выгибами, вся ея поверхность холмистая съ выступами и изрыта впадинами, въ особенности въ районѣ Азорскихъ острововъ, которые и представляютъ собою вершины самыхъ высокихъ выступовъ.

Несомнѣнно, что на этомъ осушенномъ днѣ океана мы увидѣли бы и еще много кое-чего другого, что недоступно нашимъ взорамъ изъ-за толщи воды. Мы не только бы увидѣли продольный рельефъ, описанный выше и составленный при помощи измѣреній глубинъ дна океана, но и поперечныя неровности, которыя навѣрно существуютъ, но о которыхъ въ настоящее время мы почти ничего не знаемъ, такъ какъ измѣреній было сдѣлано еще слишкомъ мало. Карта Азорскаго архипелага ясно показываетъ намъ, что девять острововъ, образующихъ этотъ архипелагъ, идутъ тремя параллельными группами отъ востока-юго-востока къ западу-сѣверо-западу. Эти полосы отмѣчаются островами, разбросанными на протяженіи около 800 километровъ. Безъ сомнѣнія подобныя поперечныя полосы продолжаются далеко подъ водою и имѣютъ не малое значеніе въ строеніи дна моря. Но навѣрное не одни они и существуютъ. Наступитъ время, когда мы будемъ имѣть подробныя и точныя карты дна Атлантическаго океана, тогда мы увидимъ цѣлый рядъ складокъ и изломовъ, проходящихъ поперекъ обширной пропасти по направлению отъ береговъ Европы къ Соединеннымъ Штатамъ или отъ острова Мадеры къ Антильскимъ островамъ, либо отъ Сенегамбіи къ Южно-Американскому континенту.

* * *

Теперь дадимъ слово геологіи. Подобно тому, какъ художникъ видитъ цѣлый міръ красокъ и оттѣнковъ, о которыхъ и

не подозрѣваетъ простой смертный, такъ и глазъ геолога улавливаетъ неясные и неопредѣленные переливы свѣта, которые лишь для него освѣщаютъ тьму пропастей и бросаютъ свѣтъ на еще болѣе темное прошлое. Его ухо, какъ тонкое ухо музыканта, различаетъ шопоты, трескъ и шумы обваловъ, идущіе изъ нѣдръ земли, развертывая исторію прошлыхъ событій, совершенно невѣдомыхъ для толпы.

Прежде всего вотъ фактъ: восточная часть Атлантическаго океана по всей своей длинѣ, по всей вѣроятности отъ полюса до полюса, представляетъ собою обширную вулканическую зону. Масса вулкановъ во впадинѣ, идущей вдоль береговъ Африки и Европы и въ восточной, сильно поднятой полосѣ, занимающей середину моря. Всѣ возвышенія, доходящія до поверхности моря, выступаютъ ввидѣ вулканическихъ горъ, либо ввидѣ острововъ, несущихъ на себѣ нѣсколько вулкановъ. Острова Гугъ, Тристанъ д'Акунья, Св. Елены, Вознесенія, большой островъ Мадеры и сосѣдніе съ нимъ, всѣ Азорскіе, Исландія, островъ San Mayeu— всѣ они либо цѣликомъ, либо отчасти образовались изъ лавы. Мы сейчасъ увидимъ, какъ во время драгированія въ 1898 году найдены были лавы на глубинѣ 3000 метровъ по линіи отъ Азорскихъ острововъ до Исландіи и на глубинѣ 900 километровъ къ сѣверу отъ Азорскихъ острововъ. Въ 1838 году одинъ изъ мореплавателей установилъ существованіе морскаго вулкана на экваторѣ, приблизительно подъ 22° западной долготы, то есть по линіи, соединяющей островъ Вознесенія съ архипелагомъ острововъ Зеленаго мыса: горячіе пары вырывались на поверхность моря и образовывались новыя мели на новыхъ мѣстахъ, не показанныхъ на картѣ. На островахъ только что поименованныхъ нами многіе вулканы еще въ дѣйствиі, бездѣйствующіе имѣютъ видъ потухшихъ очень недавно. Повсюду очень часты землетрясенія, то здѣсь, то тамъ внезапно вырастаютъ изъ моря островки, или исчезаютъ давно извѣстные рифы. Непрерывность этихъ перемѣнъ незамѣтна въ глубинахъ подъ массой воды океана, но ни одинъ геологъ не можетъ сомнѣваться въ этомъ. Вулканическая зона восточной части Атлантическаго океана похожа по характеру и по силѣ вулканической дѣятельности на мѣстность западнаго берега Америки, а въ южной своей части она сходна съ Андами и Кордильерами. Она представляетъ характерную черту для поверхности земнаго шара въ нашу эпоху, также какъ и огненный поясъ Тихаго океана. Но не существуетъ такихъ вулкановъ, рядомъ съ которыми не было бы проваловъ

земли, или по крайней мѣрѣ опусканія нѣкоторой части земной коры. Вулканы огненного пояса Тихаго океана изобилуютъ по краямъ глубокой морской пропасти, идущей черезъ весь океанъ и которая навѣрно еще не закончила своего опусканія. Вулканы Средиземнаго моря также вздымаются по краямъ недавно образовавшихся глубокихъ пропастей, которыя поглотили огромныя горы. Поэтому и глубины Атлантического океана въ настоящее время должны еще быть подвижны, и средняя складка по дну океана, уже значительно поднявшаяся, не закончила еще своего подъема соотвѣтственно съ опусканіемъ восточной впадины. Хотя берега Атлантического океана и кажутся въ настоящее время совершенно устойчивыми и въ тысячу разъ спокойнѣе береговъ Тихаго океана, однако дно этого моря въ восточной своей области все время въ движеніи. Ширина этой подвижной зоны, обнимающей Исландію, Азорскіе острова, Мадеру, Канарскіе и острова Зеленаго мыса, около 3000 километровъ. Въ настоящее время это самая неустойчивая часть поверхности земнаго шара: въ такой мѣстности ежеминутно можно ожидать самыя страшныя перевороты.

Они и имѣли мѣсто въ самое недавнее время. Каждого, интересующагося судьбой Атлантиды, я бы попросилъ внимательно выслушать и запечатлѣть въ своей памяти слѣдующую краткую исторію, она въ высшей степени знаменательна: лѣтомъ 1898 года одно судно было отправлено для прокладки телеграфнаго подводнаго кабеля, который долженъ былъ связать Брестъ съ Мысомъ С o d. Кабель лопнулъ, и его старались извлечь при помощи драгъ. Это случилось подъ 47°0' сѣверной широты и 29°40' западной долготы, считая отъ Парижа, приблизительно миляхъ въ 500 къ сѣверу отъ Азорскихъ острововъ. Средняя глубина оказалась здѣсь около 1,700 бассъ, или 3.100 метровъ. Поднять кабель было дѣломъ не легкимъ, и въ продолженіи нѣсколькихъ дней пришлось производить драгированіе дна моря. При этомъ были получены такія данныя: дно моря въ этой своей части носить характеръ горной страны съ высокими вершинами, крутыми склонами и глубокими долинами. Вершины горъ утесисты и лишь въ глубинѣ долинъ замѣчается присутствіе ила. Проходя эту чрезвычайно неровную поверхность дрекъ часто застревалъ въ твердыхъ и острыхъ краяхъ подводныхъ скалъ. Его извлекали со дна моря почти всегда сломаннымъ, или изогнутымъ, а извлеченныя звенья цѣпи носили слѣды глубокихъ царапинъ и быстро изнашивались. Много разъ въ

зубцахъ дрека были найдены частички минерала, имѣвшія видъ только что отколовшихся осколковъ. Всѣ эти осколки были одной и той же породы и были отломаны отъ верхняго слоя подводныхъ скаль. Ихъ находили именно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ измѣренія глубинъ показали наиболѣе высокія вершины и почти совершенное отсутствіе ила. Они представляли изъ себя стекловидную массу лавы химическаго состава базальтовъ, называемыхъ тацилитами. Въ Парижскомъ музеѣ минной школы имѣется нѣсколько этихъ драгоценныхъ осколковъ.

Этотъ фактъ былъ отмѣченъ Академіей Наукъ въ 1899 году. Но мало нашлось геологовъ, понявшихъ его огромное значеніе. Подобная стекловидная лава, сходная съ стекловидными базальтами вулкановъ Сандвичевыхъ острововъ, могла отвердѣть такимъ образомъ лишь подъ вліяніемъ атмосфернаго давленія. Подъ давленіемъ же многихъ атмосферъ, а тѣмъ болѣе на глубинѣ 3.000 метровъ на днѣ океана, она несомнѣнно должна была бы кристаллизоваться и принять видъ перепутанныхъ и торчащихъ во всѣ стороны кристалловъ, а не быть однородной коллоидальной массой. Новѣйшія изслѣдованія въ этомъ направленіи не оставляютъ никакихъ сомнѣній: достаточно будетъ указать изслѣдованіе лавъ горы Пеле на островѣ Мартиники. Лавы эти превращаются въ стекловидную массу при затвердѣваніи на воздухѣ, но они сейчасъ же кристаллизуются, охлаждаясь даже и подъ небольшимъ давленіемъ, внутри ранѣе затвердѣвшей оболочки горной породы. Изъ этого слѣдуетъ, что поверхность земли, представляющая въ настоящее время дно Атлантическаго океана, отъ Азорскихъ острововъ была покрыта потоками лавы въ то время, когда она еще не находилась подъ водою. Затѣмъ она провалилась вглубь на 3.000 метровъ, тотъ же фактъ, что поверхность утесовъ на днѣ океана очень неровная съ твердыми острыми выступами и шероховатостями недавнихъ потоковъ лавы, указываетъ на то, что провалъ имѣлъ мѣсто вскорѣ послѣ изверженія лавы и что онъ произошелъ внезапно. Иначе вывѣтриваніе и постепенное уничтоженіе морской водою верхнихъ слоевъ сравняло бы всѣ неровности и выравнило бы всю поверхность. Будемъ продолжать наше разсужденіе: мы говоримъ теперь о наиболѣе богатой вулканами зонѣ Атлантическаго океана, т. е. находимся на линіи, соединяющей Исландію съ Азорскими островами. Эта часть дна океана самая подвижная, самая неустойчивая и здѣсь въ настоящее время сосредоточена вулканическая дѣятельность. Изъ этого необходимо вывести, что вся часть суши, занявшей тепе-

решнее море къ сѣверу отъ Азорскихъ острововъ, которые, быть можетъ, представляютъ собою лишь видимые ея остатки, обрушилась совсѣмъ недавно, по всей вѣроятности въ эпоху, называемую геологами новѣйшимъ періодомъ, которая для человѣчества нашей эры считается какъ бы вчерашнимъ днемъ.

Пер. А. Львовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Богъ наполнилъ Разумомъ великій кратеръ и вручилъ его посланцу, повелѣвая ему такъ зывать къ сердцамъ людей: «Креститесь, если можете, въ кратеры, вы, вѣрующіе въ возвращеніе свое къ Пославшему его; вы знающіе, зачѣмъ вы родились». И тѣ, что отвѣтили на призывъ и крещены были въ Разумъ, обрѣли Вѣдѣніе и стали посвященными Разума, людьми совершенными.

Благо, отъ Бога исходящее, въ нашей волѣ, да примемъ мы его безъ замедленія.

Изреч. изъ Гермеса Трисмегиста.

Письма къ читателямъ.

Миръ скованъ дѣятельностью, если она совершается не ради жертвы: ради жертвы выполняй и ты свои дѣйствія, свободный отъ привязанности (къ плодамъ дѣятельности), о сынъ Кунти.

Бхагавадъ-Гита. III, 9.

Только служа можно господствовать, все остальное есть рабство.

Бруксъ.

Читатель можетъ спросить: можно ли говорить о такихъ чуждыхъ вещахъ, висящихъ въ заоблачной выси, когда вся человѣческая жизнь объята пожаромъ, и необходимо рѣшить насущный вопросъ: какъ *дальше* жить, чтобы не повторялось такихъ пожаровъ?

Оттого-то моя мысль и возвращается къ Бхагавадъ-Гитѣ: въ ней можно найти корни всѣхъ вещей и разрѣшеніе всѣхъ сложныхъ вопросовъ человѣческой жизни. И если теперь, когда весь миръ сотрясается до основанія, читатель не почувствуетъ потребность создать философію жизни, которая отвѣтила бы на поставленный вопросъ, въ такомъ случаѣ онъ не сдѣлаетъ этого никогда.

Великія катастрофы цѣнны тѣмъ, что онѣ даютъ толчокъ сознанию, и сознание *должно* искать причины налетѣвшей грозы и способа предохранить себя въ будущемъ отъ ея разрушительной силы.

Истинная философія должна служить не для схоластическихъ упражненій, а для наилучшаго устроенія жизни; и причина, почему наша жизнь такъ не устроена и хаотична, и такъ мучительно не приспособлена къ природѣ человѣка и къ Бла-

гому Закону, заключаются именно въ томъ, что намъ некогда думать о самомъ важномъ, самомъ главномъ. Въ горячкѣ вѣшняго строительства мы устремляемся стихійно, по линиямъ наименьшаго сопротивленія и не имѣемъ возможности совѣтоваться съ Мудростью, которая смотритъ вдаль и умѣетъ связывать послѣдствія съ причинами.

Сегодня мнѣ хочется обратить вниманіе моихъ читателей на вопросъ первостепенной важности для характера всей будущей жизни обновленной Европы, на вопросъ человѣческаго труда.

Современная война раскрыла для всѣхъ поразительную трудоспособность нѣмцевъ; можно согласиться, что эта трудоспособность и сдѣлала Германію такой сильной, она и вызвала въ душѣ народа мечту о завоеваніи всего міра. Не только по сравненію съ безпечной и мечтательной Россіей, но и по сравненію съ Англіей, которая проявляла всегда такую сознательность и столько характера, нѣмцы оказались въ этомъ смыслѣ настолько впереди, что привели Англію въ тревогу, и тамъ, если вѣрить журналистамъ, происходитъ поспѣшная переоценка всего національнаго строя и всѣхъ вкоренившихся устоевъ общественной жизни.

Въ Русскихъ Вѣдомостяхъ 5-го Января 1916 года, помѣщенъ фельетонъ г-на Жаботинскаго, касающійся настроеній современной Англіи. По его наблюденіямъ успѣхи нѣмцевъ въ современной войнѣ заставили англичанъ усомниться въ „практичности“ своего національнаго быта. Подсчитывая количество работы, производимой въ Германіи и сравнивая ее съ количествомъ своей работы, англичане пришли къ тому выводу, что перевѣсъ нѣмцевъ зависитъ отъ ихъ привычки работать всю недѣлю цѣлкомъ, да еще захватывать, если нужно, и часть воскресенія; тогда какъ англичане пользуются *week end*’ами, и благодаря этому рабочая недѣля въ Англіи равняется пяти днямъ. „Мы расплачиваемся теперь за свой *week end*“, сказалъ одинъ умный англичанинъ. *Week end*, т. е. конецъ недѣли—одна изъ священныхъ англійскихъ традицій. Самый дѣловитый англичанинъ считаетъ долгомъ провести „конецъ недѣли“ за городомъ. Далѣе авторъ статьи замѣчаетъ: „Власть быта“ въ Англіи принесла несомнѣнно въ томъ смыслѣ пользу, что она сохранила моральное здоровье расы въ болѣе цѣльномъ видѣ, чѣмъ это удалось на материкѣ. Злѣшняя молодежь, гораздо чище, проще, искреннѣе континентальной... Спортъ на открытомъ воздухѣ и

дѣдовскіе обряды дома, несомнѣнно, помогаютъ устраненію грѣшныхъ мыслей и охранѣ душевной чистоты“. А затѣмъ, авторъ ставитъ „горькій“ по его выраженію вопросъ: „Что важнѣе: душевная чистота или практическое преуспѣяніе“? И отвѣчаетъ: „увы! жизнь давно дала на это отвѣтъ обидный, циническій, но непререкаемый“.

„Красивыя традиціи“ Англіи, ея любовь къ природѣ, потребность отдыха на чистомъ воздухѣ, польза ея спорта,—всѣмъ этимъ необходимо пожертвовать, по мнѣнію автора, въ виду „непрактичности“ этихъ красивыхъ вещей.

Красивый бытъ сравнивается въ статьѣ съ „лихой тройкой“, а современность съ „смердящимъ автомобилемъ“, и весь вопросъ сводится къ тому, поѣдетъ ли человекъ въ автомобиль, или на лихой тройкѣ. *Куда* онъ поѣдетъ, съ *какими* намѣреніями и въ *какомъ* настроеніи, это совсѣмъ не берется въ соображеніе; все вниманіе устремлено на одно: сравнятся въ тѣхъ достиженіяхъ, какія развернула передъ міромъ современная нѣмецкая *практичность*. Но можетъ быть авторъ имѣлъ въ виду только однѣ достойныя подражанія стороны нѣмецкой культуры, а все, ужаснувшее современный міръ, хотѣлъ бы изъять изъ будущаго „практическаго“ быта англичанъ? Къ сожалѣнію, это невозможно. Нельзя живую жизнь расчлениать на независимые отдѣлы, нельзя, отдѣлить послѣдствія отъ причинъ, а сумму дѣятельности отъ *мотивовъ* дѣятельности.

Не знаю какъ на моихъ читателей, но на меня холоднымъ ужасомъ повѣяло отъ мысли, что Англичане начнутъ ломать свою красивую жизнь не для того, чтобы умудрившись тяжелыми уроками, сдѣлать ее лучше, справедливѣе и достойнѣе, а для того, чтобы перегнать нѣмцевъ въ ихъ „практическихъ“ достиженіяхъ, чтобы захватить побольше нѣмецкихъ рынковъ.

Въ статьѣ приводится интересный анекдотъ о профессорѣ химіи, который въ истекшемъ году устроилъ курсы красильнаго производства. „Я вижу“, обратился онъ къ собравшимся студентамъ, „вы пришли сюда учиться, какъ захватить нѣмецкіе рынки. Это очень просто, вотъ рецептъ: надо работать 12 часовъ въ день, не исключая week end'a, и надо это дѣлать всю жизнь подрядъ“. Надъ этимъ анекдотомъ стоитъ призадуматься. Рецептъ профессора вскрываетъ самый корень вопроса: въ борьбѣ за существованіе надо работать 12 часовъ подрядъ, не исключая и воскресенья, иными словами—превратиться въ машину, исключить изъ своей жизни все, что ей придаетъ красоту

и радость, вычеркнуть всѣ запросы *внутренняго* челоѣка и все, что по словамъ того же наблюдателя „сохраняло чистоту, простоту и искренность англійской молодежи“, все это отдать—для чего? Чтобы сравняться въ размѣрахъ съ тѣмъ самымъ народнымъ эгоизмомъ, который привелъ къ міровой катастрофѣ.

И это говорится въ то самое время, когда исторія кровавыми и огненными буквами внѣдряетъ въ сознаніе челоѣчества, что внѣшняя культура со всѣми своими фабриками, капиталами, примѣрнымъ благоустройствомъ и высокой техникой нисколько не гарантируетъ *внутренней цѣнности* челоѣческой жизни; что можно быть въ высшей степени трудолюбивымъ народомъ, производить цѣлыя горы вещей и все же быть жестокимъ и вреднымъ для другихъ народовъ.

Что же слѣдуетъ вывести изъ этого страшнаго историческаго урока?

То, что Бхагавадъ Гита такъ сильно и ясно повѣдала людямъ тысячелѣтія тому назадъ. Читатель помнитъ, что бесѣды Шри-Кришны съ челоѣческой душой происходятъ на полѣ брани, и уже это одно указываетъ, что передъ нами—евангеліе дѣятельности, а не монашескаго аскетизма, энергичныхъ усилій, а не пассивнаго созерцанія. Все содержаніе Бхагавадъ Гиты—сильное предупрежденіе противъ роковой склонности разъединять то, что Богъ соединилъ въ одно, душу и тѣло, науку и этику, религію и поведеніе, мудрость и трудъ, теорію и практику. Склонность эта сдѣлала изъ Индусовъ, которымъ дано было Евангеліе Дѣятельности, пассивныхъ созерцателей, а изъ современныхъ Европейцевъ, которымъ было дано Евангеліе Любви, дѣятельныхъ эгоистовъ. Первые упражнялись исключительно на внутреннемъ полѣ брани, достигали культуры *внутренняго* челоѣка; вторые—на одномъ только внѣшнемъ полѣ, насаждали одну *внѣшнюю* культуру.

Дѣятельность, творчество, движеніе впередъ, все это въ планѣ Логоса; „Никто, даже на одинъ мигъ не можетъ остаться бездѣйствующимъ“, говоритъ Бхагавадъ Гита, „ибо всѣ безпомощно влекутся къ дѣйствию свойствами (гунами), отъ природы исходящими“ (III, 5). „Выполняй же праведныя дѣйствія, ибо дѣятельность лучше бездѣйствія (III, 7).

Но не безразличная дѣятельность; Бхагавадъ-Гита говоритъ о *праведной* дѣятельности. Какую же дѣятельность можно назвать „праведной“? Только ту, которая имѣетъ своимъ двигателемъ *безкорыстный мотивъ*, которая совершается изъ интереса

къ самому дѣлу, а не къ своей личной наживѣ. Все ниже этого уже *не праведная* дѣятельность.

Такое опредѣленіе можетъ показаться слишкомъ идеальнымъ, но мы *должны* принять его, если хотимъ итти впередъ, а не назадъ. Историческій урокъ говоритъ всѣмъ, у кого есть уши, чтобы слышать, что пока мотивомъ дѣятельности останется эгоизмъ, стремленіе захватить какъ можно больше для себя безъ мысли о другихъ, до тѣхъ поръ порядки нашей жизни не измѣнятся, и войны по прежнему будутъ заливать нашу несчастную землю слезами и кровью. И это относится одинаково какъ къ личностямъ, такъ и къ народамъ. Народный эгоизмъ прикрывается флагомъ патріотизма, но онъ нисколько не благороднѣе единоличнаго эгоизма. Несомнѣнно, что истинный патріотъ долженъ стремиться къ славѣ и величію своей родины; но это должна быть *добрая* слава, и это должно быть *благородное* величіе. Иначе любовь къ отечеству можетъ спуститься до уровня тѣхъ деревенскихъ кулаковъ, которые ради личнаго обогащенія и обезпеченія своего потомства, обираютъ всю округу и не смущаются тѣмъ, что всѣ боятся и ненавидятъ ихъ.

Современная исторія показываетъ намъ слишкомъ ясно, куда приводитъ *такой* патріотизмъ и, если мы съумѣемъ воспринять ея урокъ до конца, тогда всѣ наши представленія о томъ, что „практично“ и „непрактично“, измѣнятся въ самомъ корнѣ. Мы поймемъ, что жадный захватъ для одного себя, беззащитное обирание другихъ, кулачество во всѣхъ масштабахъ—*непрактично*, ибо оно ведетъ къ пониженію тѣхъ цѣнностей, которыя безконечно дороже всѣхъ матерьяльныхъ богатствъ: цѣнности внутренняго человѣка, широты его сознанія, благородства его сердца, красоты его идеаловъ. Съ этой единственно вѣрной точки зрѣнія „практическимъ“ окажется какъ разъ то, что съ точки зрѣнія матерьяльныхъ выгодъ называютъ „сентиментальностью“, „наивной вѣрой“, „недостижимой утопией“.

Эту истину нужно поставить въ основу новаго творчества жизни; и когда въ литературѣ, на кафедрѣ, или въ частномъ разговорѣ появится призывъ къ „борьбѣ за существованіе“, къ соревнованію въ личномъ, классовомъ или народномъ эгоизмѣ, нужно помнить, что это лозунгъ отживающаго міра, который можетъ повести только къ вырожденію, къ развитію звѣринныхъ свойствъ; новыи лозунгъ, который поведетъ къ развитію чело-вѣчности—совсѣмъ иной: онъ основанъ на законѣ любви, а не борьбы, онъ требуетъ не насилія, а *самопожертвованія*.

Если смотрѣть на укоренившіеся порядки современной жизни, этотъ новый лозунгъ можетъ показаться утопіей. Но вѣдь порядки создавались людьми; если люди ошибались и представляли себѣ, что человѣческаго благополучія возможно достигнуть одной внѣшней культурой, не заботясь о совершенствованіи человѣческой души,—то вѣдь они могутъ понять свою ошибку и дать новое направленіе человѣческой дѣятельности. Безъ развитія совѣсти, самыя знанія не только не ведутъ къ улучшенію человѣка, а могутъ даже ухудшить его, потому что, *не измѣняя ея внутренно*, они даютъ въ его руки могучее орудіе для достиженія эгоистическихъ цѣлей.

Но можетъ быть борьба съ эгоизмомъ невозможна? Можетъ быть человѣкъ такъ созданъ, что онъ иначе и не можетъ дѣйствовать?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, нужно ясно понять источникъ эгоизма: это—потребность *части* жить на счетъ *цѣлаго*, это—желаніе *брать* какъ можно больше для себя, *не отдавая* ничего взаменъ.

Для дикарей такой эгоизмъ умѣстенъ, онъ даже необходимъ, пока человѣкъ не пробужденъ и въ немъ преобладаютъ животныя инстинкты; но когда наступаетъ время для культуры человѣческой, наступаетъ и необходимость сознательной борьбы съ эгоизмомъ.

Что-же мы видимъ на самомъ дѣлѣ?

Даже передовые люди, убѣжденные, что они имѣютъ въ виду только одно общее благо, работаютъ въ пользу того же эгоизма, только расширеннаго. Вступая въ борьбу съ эгоизмомъ капиталистовъ, они не идутъ далѣе мечты о справедливомъ распределеніи прибылей между самими рабочими. Но это только перенесеніе личнаго эгоизма на эгоизмъ классовой.

Чтобы разбить эгоизмъ, нужно дѣйствовать не палліативами, а радикальными средствами: *необходимо перестроить самое міросозерцаніе людей*. А это—дѣло того передового отряда человечества, которое отвѣтственно за строительство жизни. Мыслители и писатели, художники и поэты, законодатели и общественные дѣятели—вотъ кто проводитъ русла, по которымъ течетъ мысль остального человечества.

Стоитъ справиться въ исторической хроникѣ, чтобы убѣдиться, какъ сильно мѣнялось міросозерцаніе человечества, а вмѣстѣ съ міросозерцаніемъ мѣнялись и настроеніе и бытъ народовъ. Во времена Перикла цвѣтъ человечества былъ убѣ-

не подозрѣваетъ простой смертный, такъ и глазъ геолога улавливаетъ неясные и неопредѣленные переливы свѣта, которые лишь для него освѣщаютъ тьму пропастей и бросаютъ свѣтъ на еще болѣе темное прошлое. Его ухо, какъ тонкое ухо музыканта, различаетъ шопоты, трескъ и шумы обваловъ, идущіе изъ нѣдръ земли, развертывая исторію прошлыхъ событій, совершенно невѣдомыхъ для толпы.

Прежде всего вотъ фактъ: восточная часть Атлантическаго океана по всей своей длинѣ, по всей вѣроятности отъ полюса до полюса, представляетъ собою обширную вулканическую зону. Масса вулкановъ во впадинѣ, идущей вдоль береговъ Африки и Европы и въ восточной, сильно поднятой полосѣ, занимающей середину моря. Всѣ возвышенія, доходящія до поверхности моря, выступаютъ ввидѣ вулканическихъ горъ, либо ввидѣ острововъ, несущихъ на себѣ нѣсколько вулкановъ. Острова Гугъ, Тристанъ д'Акунья, Св. Елены, Вознесенія, большой островъ Мадеры и сосѣдніе съ нимъ, всѣ Азорскіе, Исландія, островъ San Мауеу— всѣ они либо цѣликомъ, либо отчасти образовались изъ лавы. Мы сейчасъ увидимъ, какъ во время драгированія въ 1898 году найдены были лавы на глубинѣ 3000 метровъ по линіи отъ Азорскихъ острововъ до Исландіи и на глубинѣ 900 километровъ къ сѣверу отъ Азорскихъ острововъ. Въ 1838 году одинъ изъ мореплавателей установилъ существованіе морскаго вулкана на экваторѣ, приблизительно юдъ 22° западной долготы, то есть по линіи, соединяющей островъ Вознесенія съ архипелагомъ острововъ Зеленаго мыса: горячіе пары вырывались на поверхность моря и образовывались новыя мели на новыхъ мѣстахъ, не показанныхъ на картѣ. На островахъ только что поименованныхъ нами многіе вулканы еще въ дѣйствиіи, бездѣйствующіе имѣютъ видъ потухшихъ очень недавно. Повсюду очень часты землетрясенія, то здѣсь, то тамъ внезапно вырастаютъ изъ моря островки, или исчезаютъ давно извѣстные рифы. Непрерывность этихъ перемѣнъ незамѣтна въ глубинахъ подъ массой воды океана, но ни одинъ геологъ не можетъ сомнѣваться въ этомъ. Вулканическая зона восточной части Атлантическаго океана похожа по характеру и по силѣ вулканической дѣятельности на мѣстность западнаго берега Америки, а въ южной своей части она сходна съ Андами и Кордильерами. Она представляетъ характерную черту для поверхности земнаго шара въ нашу эпоху, также какъ и огненный поясъ Тихаго океана. Но не существуетъ такихъ вулкановъ, рядомъ съ которыми не было бы проваловъ

земли, или по крайней мѣрѣ опусканія нѣкоторой части земной коры. Вулканы огненного пояса Тихаго океана изобилуютъ по краямъ глубокой морской пропасти, идущей черезъ весь океанъ и которая навѣрно еще не закончила своего опусканія. Вулканы Средиземнаго моря также вздымаются по краямъ недавно образовавшихся глубокихъ пропастей, которыя поглотили огромныя горы. Поэтому и глубины Атлантическаго океана въ настоящее время должны еще быть подвижны, и средняя складка по дну океана, уже значительно поднявшаяся, не закончила еще своего подъема соотвѣтственно съ опусканіемъ восточной впадины. Хотя берега Атлантическаго океана и кажутся въ настоящее время совершенно устойчивыми и въ тысячу разъ спокойнѣе береговъ Тихаго океана, однако дно этого моря въ восточной своей области все время въ движеніи. Ширина этой подвижной зоны, обнимающей Исландію, Азорскіе острова, Мадеру, Канарскіе и острова Зеленаго мыса, около 3000 километровъ. Въ настоящее время это самая неустойчивая часть поверхности земнаго шара: въ такой мѣстности ежеминутно можно ожидать самыя страшныя перевороты.

Они и имѣли мѣсто въ самое недавнее время. Каждаго, интересующагося судьбой Атлантиды, я бы попросилъ внимательно выслушать и запечатлѣть въ своей памяти слѣдующую краткую исторію, она въ высшей степени знаменательна: лѣтомъ 1898 года одно судно было отправлено для прокладки телеграфнаго подводнаго кабеля, который долженъ былъ связать Брестъ съ Мысомъ С o d. Кабель лопнулъ, и его старались извлечь при помощи драгъ. Это случилось подъ 47°0' сѣверной широты и 29°40' западной долготы, считая отъ Парижа, приблизительно миляхъ въ 500 къ сѣверу отъ Азорскихъ острововъ. Средняя глубина оказалась здѣсь около 1,700 бассъ, или 3.100 метровъ. Поднять кабель было дѣломъ не легкимъ, и въ продолженіи нѣсколькихъ дней пришлось производить драгированіе дна моря. При этомъ были получены такія данныя: дно моря въ этой своей части носить характеръ горной страны съ высокими вершинами, крутыми склонами и глубокими долинами. Вершины горъ утесисты и лишь въ глубинѣ долинъ замѣчается присутствіе ила. Проходя эту чрезвычайно неровную поверхность дрекъ часто застревалъ въ твердыхъ и острыхъ краяхъ подводныхъ скалъ. Его извлекали со дна моря почти всегда сломаннымъ, или изогнутымъ, а извлеченныя звенья цѣпи носили слѣды глубокихъ царапинъ и быстро изнашивались. Много разъ въ

... минерала имѣвшая видъ ...
 ... были одной ...
 ... подволи ...
 ... измѣ ...
 ... почти со ...
 ... стекло ...
 ... называс ...
 ... минной ...

... въ 1899 году.

... огромное зна ...
 ... стекловидными ...
 ... когда отвер ...
 ... да ...
 ... болѣе на ...
 ... должни ...
 ... и ...
 ... однородной ...
 ... въ этомъ напри ...
 ... будетъ ука ...
 ... Мартиники. Лавы ...
 ... затвердѣваніи на ...
 ... даже ...
 ... об ...
 ... что поверхность ...
 ... део Атлантического ...
 ... потоками лавы ...
 ... вою. Затѣмъ ...
 ... тотъ же фактъ, что ...
 ... неровная съ твердыми ...
 ... недавнихъ потоковъ ...
 ... вскорѣ послѣ ...
 ... внезапно. Иначе вывѣтри ...
 ... верхнихъ слоевъ ...
 ... всю поверхность. Бу ...
 ... говоримъ теперь о наибо ...
 ... Атлантического океана, т. е. нахо ...
 ... Исландію съ Азорскими островами. ...
 ... самая подвижная, самая неустойчивая и здѣсь ...
 ... вулканическая дѣятельность. ...
 ... вывести, что вся часть суши, занявшей тепе-

решнее море къ сѣверу отъ Азорскихъ острововъ, которые, быть можетъ, представляютъ собою лишь видимые ея остатки, обрушилась совсѣмъ недавно, по всей вѣроятности въ эпоху, называемую геологами новѣйшимъ періодомъ, которая для человѣчества нашей эры считается какъ бы вчерашнимъ днемъ.

Пер. А. Львовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Богъ наполнилъ Разумомъ великій кратеръ и вручилъ его посланцу, повелѣвая ему такъ зывать къ сердцамъ людей: «Креститесь, если можете, въ кратеры, вы, вѣрующіе въ возвращеніе свое къ Пославшему его; вы знающіе, зачѣмъ вы родились». И тѣ, что отвѣтили на призывъ и крещены были въ Разумъ, обрѣли Вѣдѣніе и стали посвященными Разума, людьми совершенными.

Благо, отъ Бога исходящее, въ нашей волѣ, да примемъ мы его безъ замедленія.

Изреч. изъ Гермеса Трисемиста.

Письма къ читателямъ.

Миръ скованъ дѣятельностью, если она совершается не ради жертвы: ради жертвы выполняй и ты свои дѣянія, свободный отъ привязанности (къ плодамъ дѣятельности), о сынъ Кунти.

Бхагавадъ-Гита. III, 9.

Только служа можно господствовать, все остальное есть рабство.

Бруксъ.

Читатель можетъ спросить: можно ли говорить о такихъ чуждыхъ вещахъ, висящихъ въ заоблачной выси, когда вся человѣческая жизнь объята пожаромъ, и необходимо рѣшить насущный вопросъ: какъ *дальше* жить, чтобы не повторялось такихъ пожаровъ?

Оттого-то моя мысль и возвращается къ Бхагавадъ-Гитѣ: въ ней можно найти корни всѣхъ вещей и разрѣшеніе всѣхъ сложныхъ вопросовъ человѣческой жизни. И если теперь, когда весь миръ сотрясается до основанія, читатель не почувствуетъ потребность создать философію жизни, которая отвѣтила бы на поставленный вопросъ, въ такомъ случаѣ онъ не сдѣлаетъ этого никогда.

Великія катастрофы цѣнны тѣмъ, что онѣ даютъ толчокъ сознанию, и сознание *должно* искать причины налетѣвшей грозы и способа предохранить себя въ будущемъ отъ ея разрушительной силы.

Истинная философія должна служить не для схоластическихъ упражненій, а для наилучшаго устроенія жизни; и причина, почему наша жизнь такъ не устроена и хаотична, и такъ мучительно не приспособлена къ природѣ человѣка и къ Бла-

гому Закону, заключаются именно въ томъ, что намъ некогда думать о самомъ важномъ, самомъ главномъ. Въ горячкѣ вѣшняго строительства мы устремляемся стихійно, по линиямъ наименьшаго сопротивленія и не имѣемъ возможности совѣтоваться съ Мудростью, которая смотритъ вдаль и умѣетъ связывать послѣдствія съ причинами.

Сегодня мнѣ хочется обратить вниманіе моихъ читателей на вопросъ первостепенной важности для характера всей будущей жизни обновленной Европы, на вопросъ человѣческаго труда.

Современная война раскрыла для всѣхъ поразительную трудоспособность нѣмцевъ; можно согласиться, что эта трудоспособность и сдѣлала Германію такой сильной, она и вызвала въ душѣ народа мечту о завоеваніи всего міра. Не только по сравненію съ безпечной и мечтательной Россіей, но и по сравненію съ Англіей, которая проявляла всегда такую сознательность и столько характера, нѣмцы оказались въ этомъ смыслѣ настолько впереди, что привели Англію въ тревогу, и тамъ, если вѣрить журналистамъ, происходитъ поспѣшная переоценка всего національнаго строя и всѣхъ вкоренившихся устоевъ общественной жизни.

Въ Русскихъ Вѣдомостяхъ 5-го Января 1916 года, помѣщенъ фельстонъ г-на Жаботинскаго, касающійся настроеній современной Англии. По его наблюденіямъ успѣхи нѣмцевъ въ современной войнѣ заставили англичанъ усомниться въ „практичности“ своего національнаго быта. Подсчитывая количество работы, производимой въ Германіи и сравнивая ее съ количествомъ своей работы, англичане пришли къ тому выводу, что перевѣсъ нѣмцевъ зависитъ отъ ихъ привычки работать всю недѣлю цѣлкомъ, да еще захватывать, если нужно, и часть воскресенья; тогда какъ англичане пользуются *week end*'ами, и благодаря этому рабочая недѣля въ Англии равняется пяти днямъ. „Мы расплачиваемся теперь за свой *week end*“, сказалъ одинъ умный англичанинъ. *Week end*, т. е. конецъ недѣли— одна изъ священныхъ англійскихъ традицій. Самый дѣловитый англичанинъ считаетъ долгомъ провести „конецъ недѣли“ за городомъ. Далѣе авторъ статьи замѣчаетъ: „Власть быта“ въ Англии принесла несомнѣнно въ томъ смыслѣ пользу, что она сохранила моральное здоровье расы въ болѣе цѣльномъ видѣ, чѣмъ это удалось на материкѣ. Здѣшняя молодежь, гораздо чище, проще, искреннѣе континентальной... Спортъ на открытомъ воздухѣ и

дѣдовскіе обряды дома, несомнѣнно, помогаютъ устраненію грѣшныхъ мыслей и охранѣ душевной чистоты“. А затѣмъ, авторъ ставитъ „горькій“ по его выраженію вопросъ: „Что важнѣе: душевная чистота или практическое преуспѣяніе“? И отвѣчаетъ: „увы! жизнь давно дала на это отвѣтъ обидный, циническій, но непререкаемый“.

„Красивыя традиціи“ Англій, ея любовь къ природѣ, потребность отдыха на чистомъ воздухѣ, польза ея спорта,—всѣмъ этимъ необходимо пожертвовать, по мнѣнію автора, въ виду „непрактичности“ этихъ красивыхъ вещей.

Красивый бытъ сравнивается въ статьѣ съ „лихой тройкой“, а современность съ „смердящимъ автомобилемъ“, и весь вопросъ сводится къ тому, поѣдетъ ли человекъ въ автомобиль, или на лихой тройкѣ. *Куда* онъ поѣдетъ, съ *какими* намѣреніями и въ *какомъ* настроеніи, это совсѣмъ не берется въ соображеніе; все вниманіе устремлено на одно: сравнятся въ тѣхъ достиженіяхъ, какія развернула передъ міромъ современная нѣмецкая *практичность*. Но можетъ быть авторъ имѣлъ въ виду только однѣ достойныя подражанія стороны нѣмецкой культуры, а все, ужаснувшее современный міръ, хотѣлъ бы изъять изъ будущаго „практическаго“ быта англичанъ? Къ сожалѣнію, это невозможно. Нельзя живую жизнь расчленять на независимыя отдѣлы, нельзя, отдѣлить послѣдствія отъ причинъ, а сумму дѣятельностей отъ *мотивовъ* дѣятельности.

Не знаю какъ на моихъ читателей, но на меня холоднымъ ужасомъ повѣяло отъ мысли, что Англичане начнутъ ломать свою красивую жизнь не для того, чтобы умудрившись тяжелыми уроками, сдѣлать ее лучше, справедливѣе и достойнѣе, а для того, чтобы перегнать нѣмцевъ въ ихъ „практическихъ“ достиженіяхъ, чтобы захватить побольше нѣмецкихъ рынковъ.

Въ статьѣ приводится интересный анекдотъ о профессорѣ химіи, который въ истекшемъ году устроилъ курсы красильнаго производства. „Я вижу“, обратился онъ къ собравшимся студентамъ, „вы пришли сюда учиться, какъ захватить нѣмецкіе рынки. Это очень просто, вотъ рецептъ: надо работать 12 часовъ въ день, не исключая week end'a, и надо это дѣлать всю жизнь подрядъ“. Надъ этимъ анекдотомъ стоитъ призадуматься. Рецептъ профессора вскрываетъ самый корень вопроса: въ борьбѣ за существованіе надо работать 12 часовъ подрядъ, не исключая и воскресенья, иными словами—превратиться въ машину, исключить изъ своей жизни все, что ей придаетъ красоту

и радость, вычеркнуть всё запросы *внутренняго* чело­вѣка и все, что по словамъ того же наблюдателя „сохраняло чистоту, про­стоту и искренность англійской молодежи“, все это отдать—для чего? Чтобы сравняться въ размѣрахъ съ тѣмъ самымъ народ­нымъ эгоизмомъ, который привелъ къ міровой катастрофѣ.

И это говорится въ то самое время, когда исторія крова­выми и огненными буквами вѣдряетъ въ сознание чело­вѣчества, что внѣшняя культура со всѣми своими фабриками, капиталами, примѣрнымъ благоустройствомъ и высокой техникой нисколько не гарантируетъ *внутренней цѣнности* чело­вѣческой жизни; что можно быть въ высшей степени трудолюбивымъ народомъ, про­изводить цѣлые горы вещей и все же быть жестокимъ и вред­нымъ для другихъ народовъ.

Что же слѣдуетъ вывести изъ этого страшнаго историче­скаго урока?

То, что Бхагавадъ Гита такъ сильно и ясно повѣдала лю­дямъ тысячелѣтія тому назадъ. Читатель помнить, что бесѣды Шри-Кришны съ чело­вѣческой душой происходятъ на полѣ брани, и уже это одно указываетъ, что передъ нами—евангеліе дѣятельности, а не монашескаго аскетизма, энергичныхъ усилий, а не пассивнаго созерцанія. Все содержаніе Бхагавадъ Гиты— сильное предупрежденіе противъ роковой наклонности разъеди­нять то, что Богъ соединилъ въ одно, душу и тѣло, науку и этику, религію и поведеніе, мудрость и трудъ, теорію и прак­тику. Наклонность эта сдѣлала изъ Индусовъ, которымъ дано было Евангеліе Дѣятельности, пассивныхъ созерцателей, а изъ со­временныхъ Европейцевъ, которымъ было дано Евангеліе Любви, дѣятельныхъ эгоистовъ. Первые упражнялись исключительно на внутреннемъ полѣ брани, достигали культуры *внутренняго* чело­вѣка; вторые —на одномъ только внѣшнемъ полѣ, насаждали одну *внѣшнюю* культуру.

Дѣятельность, творчество, движеніе впередъ, все это въ планѣ Логоса; „Никто, даже на одинъ мигъ не можетъ остаться бездѣйствующимъ“, говоритъ Бхагавадъ Гита, „ибо всё безпо­мощно влекутся къ дѣйствію свойствами (гунами), отъ природы исходящими“ (III, 5). „Выполняй же праведныя дѣйствія, ибо дѣятельность лучше бездѣйствія (III, 7).

Но не безразличная дѣятельность; Бхагавадъ-Гита гово­ритъ о *праведной* дѣятельности. Какую же дѣятельность можно назвать „праведной“? Только ту, которая имѣетъ своимъ двига­телемъ *безкорыстный мотивъ*, которая совершается изъ интереса

къ самому дѣлу, а не къ своей личной наживѣ. Все ниже этого уже *не праведная* дѣятельность.

Такое опредѣленіе можетъ показаться слишкомъ идеальнымъ, но мы *должны* принять его, если хотимъ идти впередъ, а не назадъ. Историческій урокъ говоритъ всѣмъ, у кого есть уши, чтобы слышать, что пока мотивомъ дѣятельности останется эгоизмъ, стремленіе захватить какъ можно больше для себя безъ мысли о другихъ, до тѣхъ поръ порядки нашей жизни не измѣнятся, и войны по прежнему будутъ заливать нашу несчастную землю слезами и кровью. И это относится одинаково какъ къ личностямъ, такъ и къ народамъ. Народный эгоизмъ прикрывается флагомъ патріотизма, но онъ нисколько не благороднѣе единоличнаго эгоизма. Несомнѣнно, что истинный патріотъ долженъ стремиться къ славѣ и величію своей родины; но это должна быть *добрая* слава, и это должно быть *благородное* величіе. Иначе любовь къ отечеству можетъ спуститься до уровня тѣхъ деревенскихъ кулаковъ, которые ради личнаго обогащенія и обезпеченія своего потомства, обираютъ всю округу и не смущаются тѣмъ, что всѣ боятся и ненавидятъ ихъ.

Современная исторія показываетъ намъ слишкомъ ясно, куда приводитъ *такой* патріотизмъ и, если мы съумѣемъ воспринять ея урокъ до конца, тогда всѣ наши представленія о томъ, что „практично“ и „непрактично“, измѣнятся въ самомъ корнѣ. Мы поймемъ, что жадный захватъ для одного себя, беззастѣнчивое обирание другихъ, кулачество во всѣхъ масштабахъ *непрактично*, ибо оно ведетъ къ пониженію тѣхъ цѣнностей, которыя безконечно дороже всѣхъ матерьяльныхъ богатствъ: цѣнности внутренняго человѣка, широты его сознанія, благородства его сердца, красоты его идеаловъ. Съ этой единственно вѣрной точки зрѣнія „практическимъ“ окажется какъ разъ то, что съ точки зрѣнія матерьяльныхъ выгодъ называютъ „сентиментальностью“, „наивной вѣрой“, „недостижимой утопией“.

Эту истину нужно поставить въ основу новаго творчества жизни; и когда въ литературѣ, на кафедрахъ, или въ частномъ разговорѣ появится призывъ къ „борьбѣ за существованіе“, къ соревнованію въ личномъ, классовомъ или народномъ эгоизмѣ, нужно помнить, что это лозунгъ отживающаго міра, который можетъ повести только къ вырожденію, къ развитію звѣриныхъ свойствъ; новый лозунгъ, который поведетъ къ развитію человечности—совсѣмъ иной: онъ основанъ на законѣ любви, а не борьбы, онъ требуетъ не насилія, а *самопожертвованія*.

Если смотрѣть на укоренившіеся порядки современной жизни, этотъ новый лозунгъ можетъ показаться утопіей. Но вѣдь порядки создавались людьми; если люди ошибались и представляли себѣ, что человѣческаго благополучія возможно достигнуть одной внѣшней культурой, не заботясь о совершенствованіи человѣческой души,—то вѣдь они могутъ понять свою ошибку и дать новое направленіе человѣческой дѣятельности. Безъ развитія совѣсти, самыя знанія не только не ведутъ къ улучшенію человѣка, а могутъ даже ухудшить его, потому что, *не измѣняя его внутренне*, они даютъ въ его руки могучее орудіе для достиженія эгоистическихъ цѣлей.

Но можетъ быть борьба съ эгоизмомъ невозможна? Можетъ быть человѣкъ такъ созданъ, что онъ иначе и не можетъ дѣйствовать?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, нужно ясно понять источникъ эгоизма: это—потребность *части* жить на счетъ *цѣлаго*, это—желаніе *брать* какъ можно больше для себя, *не отдавая* ничего взамѣнъ.

Для дикарей такой эгоизмъ умѣстенъ, онъ даже необходимъ, пока человѣкъ не пробужденъ и въ немъ преобладаютъ животныя инстинкты; но когда наступаетъ время для культуры человѣческой, наступаетъ и необходимость сознательной борьбы съ эгоизмомъ.

Что-же мы видимъ на самомъ дѣлѣ?

Даже передовые люди, убѣжденные, что они имѣютъ въ виду только одно общее благо, работаютъ въ пользу того же эгоизма, только расширеннаго. Вступая въ борьбу съ эгоизмомъ капиталистовъ, они не идутъ далѣе мечты о справедливомъ распределеніи прибылей между самими рабочими. Но это только перенесеніе личнаго эгоизма на эгоизмъ классовой.

Чтобы разбить эгоизмъ, нужно дѣйствовать не палліативами, а радикальными средствами: *необходимо перестроить самое міросозерцаніе людей*. А это—дѣло того передового отряда человечества, которое отвѣтственно за строительство жизни. Мыслители и писатели, художники и поэты, законодатели и общественные дѣятели—вотъ кто проводитъ русла, по которымъ течетъ мысль остальнаго человечества.

Стоитъ справиться въ исторической хроникѣ, чтобы убѣдиться, какъ сильно мѣнялось міросозерцаніе человечества, а виѣсть съ міросозерцаніемъ мѣнялись и настроеніе и быть народовъ. Во времена Перикла цвѣтъ человечества былъ убѣ-

Письма къ читателямъ.

Миръ скванъ дѣятельностью, если она совершается не ради жертвы: ради жертвы выполняй и ты свои дѣйствія, свободный отъ привязанности (къ плодамъ дѣятельности), о сынъ Кувти.

Бхагавадъ-Гита. III, 9.

Только служа можно господствовать, все остальное есть рабство.

Брукса.

Читатель можетъ спросить: можно ли говорить о такихъ чуждыхъ вещахъ, висящихъ въ заоблачной выси, когда вся человѣческая жизнь объята пожаромъ, и необходимо рѣшить насущный вопросъ: какъ *дальше* жить, чтобы не повторялось такихъ пожаровъ?

Оттого-то моя мысль и возвращается къ Бхагавадъ-Гитѣ: въ ней можно найти корни всѣхъ вещей и разрѣшеніе всѣхъ сложныхъ вопросовъ человѣческой жизни. И если теперь, когда весь миръ сотрясается до основанія, читатель не почувствуетъ потребность создать философію жизни, которая отвѣтила бы на поставленный вопросъ, въ такомъ случаѣ онъ не сдѣлаетъ этого никогда.

Великія катастрофы цѣнны тѣмъ, что онѣ даютъ толчокъ сознанию, и сознание *должно* искать причины налетѣвшей грозы и способа предохранить себя въ будущемъ отъ ея разрушительной силы.

Истинная философія должна служить не для схоластическихъ упражненій, а для наилучшаго устроенія жизни; и причина, почему наша жизнь такъ не устроена и хаотична, и такъ мучительно не приспособлена къ природѣ человѣка и къ Бла-

гому Закону, заключаются именно въ томъ, что намъ некогда думать о самомъ важномъ, самомъ главномъ. Въ горячкѣ внѣшняго строительства мы устремляемся стихійно, по линиямъ наименьшаго сопротивленія и не имѣемъ возможности совѣтоваться съ Мудростью, которая смотритъ вдаль и умѣетъ связывать послѣдствія съ причинами.

Сегодня мнѣ хочется обратить вниманіе моихъ читателей на вопросъ первостепенной важности для характера всей будущей жизни обновленной Европы, на вопросъ человѣческаго труда.

Современная война раскрыла для всѣхъ поразительную трудоспособность нѣмцевъ; можно согласиться, что эта трудоспособность и сдѣлала Германію такой сильной, она и вызвала въ душѣ народа мечту о завоеваніи всего міра. Не только по сравненію съ безпечной и мечтательной Россіей, но и по сравненію съ Англійей, которая проявляла всегда такую сознательность и столько характера, нѣмцы оказались въ этомъ смыслѣ настолько впереди, что привели Англію въ тревогу, и тамъ, если вѣрить журналистамъ, происходитъ поспѣшная переоценка всего національнаго строя и всѣхъ вкоренившихся устоевъ общественной жизни.

Въ Русскихъ Вѣдомостяхъ 5-го Января 1916 года, помѣщенъ фельетонъ г-на Жаботинскаго, касающійся настроеній современной Англійи. По его наблюденіямъ успѣхи нѣмцевъ въ современной войнѣ заставили англичанъ усомниться въ „практичности“ своего національнаго быта. Подсчитывая количество работы, производимой въ Германіи и сравнивая ее съ количествомъ своей работы, англичане пришли къ тому выводу, что перевѣсъ нѣмцевъ зависитъ отъ ихъ привычки работать всю недѣлю цѣлкомъ, да еще захватывать, если нужно, и часть воскресенія; тогда какъ англичане пользуются *week end*'ами, и благодаря этому рабочая недѣля въ Англійи равняется пяти днямъ. „Мы расплачиваемся теперь за свой *week end*“, сказалъ одинъ умный англичанинъ. *Week end*, т. е. конецъ недѣли—одна изъ священныхъ англійскихъ традицій. Самый дѣловитый англичанинъ считаетъ долгомъ провести „конецъ недѣли“ за городомъ. Далѣе авторъ статьи замѣчаетъ: „Власть быта“ въ Англійи принесла несомнѣнно въ томъ смыслѣ пользу, что она сохранила моральное здоровье расы въ болѣе цѣльномъ видѣ, чѣмъ это удалось на материкѣ. Здѣшняя молодежь, гораздо чище, проще, искреннѣе континентальной... Спортъ на открытомъ воздухѣ и

зубцахъ дрека были найдены частички минерала, имѣвшія видъ только что отколовшихся осколковъ. Всѣ эти осколки были одной и той же породы и были отломаны отъ верхняго слоя подводныхъ скалъ. Ихъ находили именно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ измѣренія глубинъ показали наиболѣе высокія вершины и почти совершенное отсутствіе ила. Они представляли изъ себя стекловидную массу лавы химическаго состава базальтовъ, называемыхъ тацилитами. Въ Парижскомъ музеѣ минной школы имѣется нѣсколько этихъ драгоценныхъ осколковъ.

Этотъ фактъ былъ отмѣченъ Академіей Наукъ въ 1899 году. Но мало нашлось геологовъ, понявшихъ его огромное значеніе. Подобная стекловидная лава, сходная съ стекловидными базальтами вулкановъ Сандвичевыхъ острововъ, могла отвердѣть такимъ образомъ лишь подъ влияніемъ атмосфернаго давленія. Подъ давленіемъ же многихъ атмосферъ, а тѣмъ болѣе на глубинѣ 3.000 метровъ на днѣ океана, она несомнѣнно должна была бы кристаллизироваться и принять видъ перепутанныхъ и торчащихъ во всѣ стороны кристалловъ, а не быть однородной коллоидальной массой. Новѣйшія изслѣдованія въ этомъ направленіи не оставляютъ никакихъ сомнѣній: достаточно будетъ указать изслѣдованіе лавъ горы Пеле на островѣ Мартиники. Лавы эти превращаются въ стекловидную массу при затвердѣваніи на воздухѣ, но они сейчасъ же кристаллизуются, охлаждаясь даже и подъ небольшимъ давленіемъ, внутри ранѣе затвердѣвшей оболочки горной породы. Изъ этого слѣдуетъ, что поверхность земли, представляющая въ настоящее время дно Атлантическаго океана, отъ Азорскихъ острововъ была покрыта потоками лавы въ то время, когда она еще не находилась подъ водою. Затѣмъ она провалилась вглубь на 3.000 метровъ, тотъ же фактъ, что поверхность утесовъ на днѣ океана очень неровная съ твердыми острыми выступами и шероховатостями недавнихъ потоковъ лавы, указываетъ на то, что провалъ имѣлъ мѣсто вскорѣ послѣ изверженія лавы и что онъ произошелъ внезапно. Иначе вывѣтриваніе и постепенное уничтоженіе морской водою верхнихъ слоевъ сравняло бы всѣ неровности и выравнило бы всю поверхность. Будемъ продолжать наше разсужденіе: мы говоримъ теперь о наиболѣе богатой вулканами зонѣ Атлантическаго океана, т. е. находимся на линіи, соединяющей Исландію съ Азорскими островами. Эта часть дна океана самая подвижная, самая неустойчивая и здѣсь въ настоящее время сосредоточена вулканическая дѣятельность. Изъ этого необходимо вывести, что вся часть суши, занявшей тепе-

решнее море къ сѣверу отъ Азорскихъ острововъ, которые, быть можетъ, представляютъ собою лишь видимые ея остатки, обрушилась совсѣмъ недавно, по всей вѣроятности въ эпоху, называемую геологами новѣйшимъ періодомъ, которая для человѣчества нашей эры считается какъ бы вчерашнимъ днемъ.

Пер. А. Львовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Богъ наполнилъ Разумомъ великій кратеръ и вручилъ его посланцу, повелѣвая ему такъ взывать къ сердцамъ людей: «Креститесь, если можете, въ кратеры, вы, вѣрующіе въ возвращеніе свое къ Пославшему его; вы знающіе, зачѣмъ вы родились». И тѣ, что отвѣтили на призывъ и крещены были въ Разумъ, обрѣли Вѣдѣніе и стали посвященными Разума, людьми совершенными.

Благо, отъ Бога исходящее, въ нашей волѣ, да примемъ мы его безъ замедленія.

Изреч. изъ Гермеса Трисмегиста.

Письма къ читателямъ.

Миръ скванъ дѣятельностью, если она совершается не ради жертвы: ради жертвы выполняй и ты свои дѣйствія, свободный отъ привязанности (къ плодамъ дѣятельности), о сынъ Кунти.

Бхагавадъ-Гита. III, 9.

Только служба можно господствовать, все остальное есть рабство.

Бруксъ.

Читатель можетъ спросить: можно ли говорить о такихъ чуждыхъ вещахъ, висящихъ въ заоблачной выси, когда вся человѣческая жизнь объята пожаромъ, и необходимо рѣшить насущный вопросъ: какъ *дальше* жить, чтобы не повторилось такихъ пожаровъ?

Оттого-то моя мысль и возвращается къ Бхагавадъ-Гитѣ: въ ней можно найти корни всѣхъ вещей и разрѣшеніе всѣхъ сложныхъ вопросовъ человѣческой жизни. И если теперь, когда весь миръ сотрясается до основанія, читатель не почувствуетъ потребность создать философію жизни, которая отвѣтила бы на поставленный вопросъ, въ такомъ случаѣ онъ не сдѣлаетъ этого никогда.

Великія катастрофы цѣнны тѣмъ, что онѣ даютъ толчокъ сознанию, и сознание *должно* искать причины налетѣвшей грозы и способа предохранить себя въ будущемъ отъ ея разрушительной силы.

Истинная философія должна служить не для схоластическихъ упражненій, а для наилучшаго устроенія жизни; и причина, почему наша жизнь такъ не устроена и хаотична, и такъ мучительно не приспособлена къ природѣ человѣка и къ Бла-

гому Закону, заключаются именно въ томъ, что намъ некогда думать о самомъ важномъ, самомъ главномъ. Въ горячкѣ внѣшняго строительства мы устремляемся стихійно, по линиямъ наименьшаго сопротивленія и не имѣемъ возможности совѣтоваться съ Мудростью, которая смотритъ вдаль и умѣетъ связывать послѣдствія съ причинами.

Сегодня мнѣ хочется обратить вниманіе моихъ читателей на вопросъ первостепенной важности для характера всей будущей жизни обновленной Европы, на вопросъ челоѣческаго труда.

Современная война раскрыла для всѣхъ поразительную трудоспособность нѣмцевъ; можно согласиться, что эта трудоспособность и сдѣлала Германію такой сильной, она и вызвала въ душѣ народа мечту о завоеваніи всего міра. Не только по сравненію съ безпечной и мечтательной Россіей, но и по сравненію съ Англійей, которая проявляла всегда такую сознательность и столько характера, нѣмцы оказались въ этомъ смыслѣ настолько впереди, что привели Англію въ тревогу, и тамъ, если вѣрить журналистамъ, происходитъ поспѣшная перестройка всего національнаго строя и всѣхъ вкоренившихся устоевъ общественной жизни.

Въ Русскихъ Вѣдомостяхъ 5-го Января 1916 года, помѣщенъ фельетонъ г-на Жаботинскаго, касающійся настроеній современной Англійи. По его наблюденіямъ успѣхи нѣмцевъ въ современной войнѣ заставили англичанъ усомниться въ „практичности“ своего національнаго быта. Подсчитывая количество работы, производимой въ Германіи и сравнивая ее съ количествомъ своей работы, англичане пришли къ тому выводу, что перевѣсъ нѣмцевъ зависитъ отъ ихъ привычки работать всю недѣлю цѣлкомъ, да еще захватывать, если нужно, и часть воскресенья; тогда какъ англичане пользуются *week end*'ами, и благодаря этому рабочая недѣля въ Англійи равняется пяти днямъ. „Мы расплачиваемся теперь за свой *week end*“, сказалъ одинъ умный англичанинъ. *Week end*, т. е. конецъ недѣли—одна изъ священныхъ англійскихъ традицій. Самый дѣловитый англичанинъ считаетъ долгомъ провести „конецъ недѣли“ за городомъ. Далѣе авторъ статьи замѣчаетъ: „Власть быта“ въ Англійи принесла несомнѣнно въ томъ смыслѣ пользу, что она сохранила моральное здоровье расы въ болѣе цѣльномъ видѣ, чѣмъ это удалось на материкѣ. Здѣшняя молодежь, гораздо чище, проще, искреннѣе континентальной... Спортъ на открытомъ воздухѣ и

дѣдовскіе обряды дома, несомнѣнно, помогаютъ устраненію грѣшныхъ мыслей и охранѣ душевной чистоты“. А затѣмъ, авторъ ставитъ „горькій“ по его выраженію вопросъ: „Что важнѣе: душевная чистота или практическое преуспѣяніе“? И отвѣчаетъ: „увы! жизнь давно дала на это отвѣтъ обидный, пиническій, но непрекаемый“.

„Красивыя традиции“ Англіи, ея любовь къ природѣ, потребность отдыха на чистомъ воздухѣ, польза ея спорта,—всѣмъ этимъ необходимо пожертвовать, по мнѣнію автора, въ виду „непрактичности“ этихъ красивыхъ вещей.

Красивый бытъ сравнивается въ статьѣ съ „лихой тройкой“, а современность съ „смердящимъ автомобилемъ“, и весь вопросъ сводится къ тому, поѣдетъ ли человекъ въ автомобилѣ, или на лихой тройкѣ. *Куда* онъ поѣдетъ, съ *какими* намѣреніями и въ *какомъ* настроеніи, это совсѣмъ не берется въ соображеніе; все вниманіе устремлено на одно: сравнятся въ тѣхъ достиженіяхъ, какія развернула передъ міромъ современная нѣмецкая *практичность*. Но можетъ быть авторъ имѣлъ въ виду только однѣ достойныя подражанія стороны нѣмецкой культуры, а все, ужаснувшее современный міръ, хотѣлъ бы изъять изъ будущаго „практическаго“ быта англичанъ? Къ сожалѣнію, это невозможно. Нельзя живую жизнь расчленять на независимыя отдѣлы, нельзя отдѣлить послѣдствія отъ причинъ, а сумму дѣятельностей отъ *мотивовъ* дѣятельности.

Не знаю какъ на моихъ читателей, но на меня холоднымъ ужасомъ повѣяло отъ мысли, что Англичане начнутъ ломать свою красивую жизнь не для того, чтобы умудрившись тяжелыми уроками, сдѣлать ее лучше, справедливѣе и достойнѣе, а для того, чтобы перегнать нѣмцевъ въ ихъ „практическихъ“ достиженіяхъ, чтобы захватить побольше нѣмецкихъ рынковъ.

Въ статьѣ приводится интересный анекдотъ о профессорѣ химіи, который въ истекшемъ году устроилъ курсы красильнаго производства. „Я вижу“, обратился онъ къ собравшимся студентамъ, „вы пришли сюда учиться, какъ захватить нѣмецкіе рынки. Это очень просто, вотъ рецептъ: надо работать 12 часовъ въ день, не исключая week end'a, и надо это дѣлать всю жизнь подрядъ“. Надъ этимъ анекдотомъ стоитъ призадуматься. Рецептъ профессора вскрываетъ самый корень вопроса: въ борьбѣ за существованіе надо работать 12 часовъ подрядъ, не исключая и воскресенья, иными словами—превратиться въ машину, исключить изъ своей жизни все, что ей придаетъ красоту

и радость, вычеркнуть всё запросы *внутренняго* челоѣвка и все, что по словамъ того же наблюдателя „сохраняло чистоту, простоту и искренность англійской молодежи“, все это отдать—для чего? Чтобы сравняться въ размѣрахъ съ тѣмъ самымъ народнымъ эгоизмомъ, который привелъ къ міровой катастрофѣ.

И это говорится въ то самое время, когда исторія кровавыми и огненными буквами внѣдряетъ въ сознание челоѣчества, что внѣшняя культура со всѣми своими фабриками, капиталами, примѣрнымъ благоустройствомъ и высокой техникой нисколько не гарантируетъ *внутренней цѣнности* челоѣческой жизни; что можно быть въ высшей степени трудолюбивымъ народомъ, производить цѣлыя горы вещей и все же быть жестокимъ и вреднымъ для другихъ народовъ.

Что же слѣдуетъ вывести изъ этого страшнаго историческаго урока?

То, что Бхагавадъ Гита такъ сильно и ясно повѣдала людямъ тысячелѣтія тому назадъ. Читатель помнитъ, что бесѣды Шри-Кришны съ челоѣческой душой происходятъ на полѣ брани, и уже это одно указываетъ, что передъ нами—евангеліе дѣятельности, а не монашескаго аскетизма, энергичныхъ усилий, а не пассивнаго созерцанія. Все содержаніе Бхагавадъ Гиты—сильное предупрежденіе противъ роковой наклонности разъединять то, что Богъ соединилъ въ одно, душу и тѣло, науку и этику, религію и поведеніе, мудрость и трудъ, теорію и практику. Наклонность эта сдѣлала изъ Индусовъ, которымъ дано было Евангеліе Дѣятельности, пассивныхъ созерцателей, а изъ современныхъ Европейцевъ, которымъ было дано Евангеліе Любви, дѣятельныхъ эгоистовъ. Первые упражнялись исключительно на внутреннемъ полѣ брани, достигали культуры *внутренняго* челоѣвка; вторые—на одномъ только внѣшнемъ полѣ, насаждали одну *внѣшнюю* культуру.

Дѣятельность, творчество, движеніе впередъ, все это въ планѣ Логоса; „Никто, даже на одинъ мигъ не можетъ остаться бездѣйствующимъ“, говоритъ Бхагавадъ Гита, „ибо всё безпомощно влекутся къ дѣйствію свойствами (гунами), отъ природы исходящими“ (III, 5). „Выполни же праведныя дѣйствія, ибо дѣятельность лучше бездѣйствія (III, 7).

Но не безразличная дѣятельность; Бхагавадъ-Гита говоритъ о *праведной* дѣятельности. Какую же дѣятельность можно назвать „праведной“? Только ту, которая имѣетъ своимъ двигателемъ *безкорыстный мотивъ*, которая совершается изъ интереса

къ самому дѣлу, а не къ своей личной наживѣ. Все ниже этого уже *не праведная* дѣятельность.

Такое опредѣленіе можетъ показаться слишкомъ идеальнымъ, но мы *должны* принять его, если хотимъ итти впередъ, а не назадъ. Историческій урокъ говоритъ всѣмъ, у кого есть уши, чтобы слышать, что пока мотивомъ дѣятельности останется эгоизмъ, стремленіе захватить какъ можно больше для себя безъ мысли о другихъ, до тѣхъ поръ порядки нашей жизни не измѣнятся, и войны по прежнему будутъ заливать нашу несчастную землю слезами и кровью. И это относится одинаково какъ къ личностямъ, такъ и къ народамъ. Народный эгоизмъ прикрывается флагомъ патріотизма, но онъ нисколько не благороднѣе единоличнаго эгоизма. Несомнѣнно, что истинный патріотъ долженъ стремиться къ славѣ и величію своей родины, но это должна быть *добрая* слава, и это должно быть *благородное* величіе. Иначе любовь къ отечеству можетъ спуститься до уровня тѣхъ деревенскихъ кулаковъ, которые ради личнаго обогащенія и обезпеченія своего потомства, обираютъ всю округу и не смущаются тѣмъ, что всѣ боятся и ненавидятъ ихъ.

Современная исторія показываетъ намъ слишкомъ ясно, куда приводитъ *такой* патріотизмъ и, если мы съумѣемъ воспринять ея урокъ до конца, тогда всѣ наши представленія о томъ, что „практично“ и „непрактично“, измѣнятся въ самомъ корнѣ. Мы поймемъ, что жадный захватъ для одного себя, беззащитное обирание другихъ, кулачество во всѣхъ масштабахъ — *непрактично*, ибо оно ведетъ къ пониженію тѣхъ цѣнностей, которыя безконечно дороже всѣхъ матерьяльныхъ богатствъ: цѣнности внутренняго человѣка, широты его сознанія, благородства его сердца, красоты его идеаловъ. Съ этой единственно вѣрной точки зрѣнія „практическимъ“ окажется какъ разъ то, что съ точки зрѣнія матерьяльныхъ выгодъ называютъ „сентиментальностью“, „наивной вѣрой“, „недостижимой утопией“.

Эту истину нужно поставить въ основу новаго творчества жизни; и когда въ литературѣ, на кафедрахъ, или въ частномъ разговорѣ появится призывъ къ „борьбѣ за существованіе“, къ соревнованію въ личномъ, классовомъ или народномъ эгоизмѣ, нужно помнить, что это лозунгъ отживающаго міра, который можетъ повести только къ вырожденію, къ развитію звѣриныхъ свойствъ; новый лозунгъ, который поведетъ къ развитію чело-вѣчности—совсѣмъ иной: онъ основанъ на законѣ любви, а не борьбы, онъ требуетъ не насилія, а *самопожертвованія*.

Если смотрѣть на укоренившіеся порядки современной жизни, этотъ новый лозунгъ можетъ показаться утопіей. Но вѣдь порядки создавались людьми; если люди ошибались и представляли себѣ, что человѣческаго благополучія возможно достигнуть одной внѣшней культурой, не заботясь о совершенствованіи человѣческой души,—то вѣдь они могутъ понять свою ошибку и дать новое направленіе человѣческой дѣятельности. Безъ развитія совѣсти, самыя знанія не только не ведутъ къ улучшенію человѣка, а могутъ даже ухудшить его, потому что, *не измѣняя его внутренно*, они даютъ въ его руки могучее орудіе для достиженія эгоистическихъ цѣлей.

Но можетъ быть борьба съ эгоизмомъ невозможна? Можетъ быть человѣкъ такъ созданъ, что онъ иначе и не можетъ дѣйствовать?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, нужно ясно понять источникъ эгоизма: это—потребность *части* жить на счетъ *цѣлаго*, это—желаніе *брать* какъ можно больше для себя, *не отдавая* ничего взамѣнъ.

Для дикарей такой эгоизмъ умѣстенъ, онъ даже необходимъ, пока человѣкъ не пробужденъ и въ немъ преобладаютъ животныя инстинкты; но когда наступаетъ время для культуры человѣческой, наступаетъ и необходимость сознательной борьбы съ эгоизмомъ.

Что-же мы видимъ на самомъ дѣлѣ?

Даже передовые люди, убѣжденные, что они имѣютъ въ виду только одно общее благо, работаютъ въ пользу того же эгоизма, только расширеннаго. Вступая въ борьбу съ эгоизмомъ капиталистовъ, они не идутъ далѣе мечты о справедливомъ распределеніи прибылей между самими рабочими. Но это только перенесеніе личнаго эгоизма на эгоизмъ классовой.

Чтобы разбить эгоизмъ, нужно дѣйствовать не палліативами, а радикальными средствами: *необходимо перестроить самое міросозерцаніе людей*. А это—дѣло того передового отряда человечества, которое отвѣтственно за строительство жизни. Мыслители и писатели, художники и поэты, законодатели и общественные дѣятели—вотъ кто проводить русла, по которымъ течетъ мысль остального человечества.

Стоитъ справиться въ исторической хроникѣ, чтобы убѣдиться, какъ сильно мѣнялось міросозерцаніе человечества, а вмѣстѣ съ міросозерцаніемъ мѣнялись и настроеніе и бытъ народовъ. Во времена Перикла цвѣтъ человечества былъ убѣ-

жденъ, что безъ рабства государство не можетъ обойтись, а въ наше время каждый школьникъ сознаетъ, что рабство унижительно.

„О чемъ человѣкъ думаетъ, тѣмъ онъ и становится“ говорить древняя Мудрость. Если мы въ состояніи подняться сознаниемъ на высшую ступень, на которой уже ясно видно *единство жизни*, если мы разглядимъ, что человѣчество — несмотря на многообразіе формъ—*единный организмъ*, работающій для одной и той же божественной цѣли, если мы поймемъ, что только *служба* можно оставаться свободнымъ,—тогда наши собственныя мысли помогутъ намъ разбить стѣны эгоизма, въ которыхъ заключена современная жизнь.

Другъ Читателя.

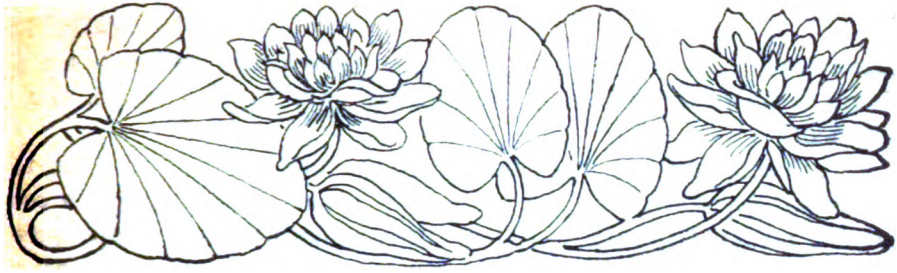
Вѣдѣніе не есть, въ сущности, начало блага, но черезъ него мы приходимъ къ нему.

Единство, начало и корень всѣхъ вещей существуютъ во всемъ какъ начало и корень.

Единство—начало всего, благо—источникъ всего.

Вѣдѣніе, созерцаніе—это безмолвіе и покой всякаго чувства.

Изреч. изъ Гермеса Трисмегиста.

Обозрѣніе теософической литературы.

Въ февральской книгѣ *Theosophist's* Анни Безантъ въ статьѣ: „Вашъ долгъ?“ выясняетъ, какова обязанность теософа въ настоящее время. Главная идея ея суммируется въ слѣдующихъ словахъ: „Теософъ долженъ понять, что теперь настала такая эпоха, когда ему слѣдуетъ служить, не ожидая помощи для себя. Въ обыкновенное время человѣкъ, отдающій себя служенію другимъ, самъ получаетъ помощь въ видѣ поощренія, ободряющихъ мыслей и руководства. Теперь же не тѣ времена; мы находимся въ вихрѣ великой борьбы, являющейся отраженіемъ на землѣ великой „Войны на небѣ“, въ которой Владыки Дня и Владыки Темнаго Лика борются—одни за прогрессъ,—другіе за регрессъ человѣчества. Ихъ силы изливаются на землю черезъ человѣческіе проводники, черезъ мужчинъ и женщинъ, своею жизнью подготовившихъ себя къ тому, чтобы стать проводниками либо силъ, задерживающихъ эволюцію, либо силъ, ускоряющихъ ее. Каждый теософъ долженъ быть проводникомъ, черезъ который проходила бы созидательная сила Учителей. Каждый изъ нихъ долженъ стать въ потокѣ этихъ силъ и дать имъ возможность обильно изливаться черезъ себя на помощь міру.

Какъ народы, такъ и отдѣльные мужчины и женщины чувствуютъ вихри разлагающихъ силъ кругомъ себя и потому склонны быть болѣе нервными, раздражительными и придирчивыми, чѣмъ обыкновенно. Теософъ также чувствуетъ эти вихри, но въ силу своихъ знаній, онъ имѣетъ возможность понять ихъ смыслъ и значеніе и сознательно противиться имъ, держа въ подчиненіи свои проводники, заставляя ихъ вибрировать благо-

желательно, положительно, подавляя проявленія гнѣва и ненависти и изливая любовь и состраданіе на міръ, болѣющей, ненавистью“.

„Россія есть та огромная и таинственная страна, что стоитъ, подобно двуликому Янусу, въ своей жизни, цивилизаціи и сознаніи между Европой и Азіей, объединяя въ себѣ и проявляя отличительныя черты обоихъ этихъ материковъ“. Этими словами начинается статья г-жи Кезинсъ „Русская музыка“ въ томъ же номерѣ *Theosophist'a*. „Не случайно, продолжаетъ авторъ, а въ силу географическаго, лингвистическаго и психологическаго положенія Россіи, именно въ русскомъ тѣлѣ воплотилась Е. П. Блаватская, эта великая душа, раскрывшая двери между Востокомъ и Западомъ и пролившая свѣтъ древней мудрости на религіи, замкнувшіяся въ своей буквѣ. Въ силу того, что она завѣщала Теософическому Обществу обязанность и преимущество держать эти двери раскрытыми и поставила его на стражѣ міроваго синтеза, теософы должны проявлять живѣйшій интересъ къ Россіи и къ ея эволюціи“. Ни въ одной области русской жизни слияніе между Западомъ и Востокомъ не сказывается съ такой яркостью, какъ въ русской музыкѣ. Интересно отмѣтить, что сама Е. П. Блаватская была прекрасной музыкантшей и что единственный знаменитый композиторъ, не побоявшійся открыто признать себя теософомъ, былъ Александръ Скрябинъ, своими произведеніями открывшій новые горизонты для выраженія мистической мысли. Особенно внимательнаго изученія заслуживаетъ національная школа русской музыки, сумѣвшая въ двадцать пять лѣтъ развить, усвоить, превзойти всѣ прежнія школы и достигъ значительнаго успѣха въ новомъ своемъ дарѣ міру - оперѣ-балетѣ, объединяющемъ цвѣтъ, форму, поэзію, танцы, музыку и психологію. Авторъ даетъ затѣмъ бѣглый очеркъ развитія русской музыки со временъ императрицы Елизаветы Петровны до созданія знаменитаго кружка Кюи, Балакирева, Бородина, Мусоргскаго и Римскаго-Корсакова, основавшихъ русскую школу музыки и поднявшую на новую ступень все европейское музыкальное искусство.

„Интересно было бы изучить прежнія жизни этихъ пяти музыкантовъ; даже для поверхностнаго взгляда ясно, что они были связаны между собой сильными кармическими узами и воплотились одновременно въ Россіи, чтобы послужить ей по линіи искусства, какъ истинные послѣдователи Орфея, Пифагора и Сарасвати. Они дали новый импульсъ оперной музыкѣ.

Яркимъ показателемъ особенности русскаго характера является то обстоятельство, что сюжетами русскихъ оперъ рѣдко бываютъ любовные эпизоды, а болѣею частью большія историческія драмы, человѣческая психологія, переживанія народной души, изображеніе мистерій, сверхчувственный міръ. Всѣ замыслы имѣютъ большой масштабъ и носятъ на себѣ отпечатокъ широкаго, свободнаго прозрѣнія молодой и жизненной націи, несущей дары свои міру. Школа эта всегда сознавала свою отвѣтственность, какъ голосъ многихъ милліоновъ людей, безбрежныхъ степей, обширныхъ задачъ, ждущихъ своего разрѣшенія, и не менѣе обширныхъ достиженій. „Эта самодержавная страна, пишетъ далѣе авторъ, вмѣщаетъ въ себѣ больше индивидуальной духовной анархіи, чѣмъ какая-бы то ни была другая, и даетъ крайнія грани въ святости и грѣховности, производитъ больше художниковъ-творцовъ, чѣмъ толкователей и порождаетъ рѣшимость доводить идею до логическихъ ея выводовъ, чего бы это не стоило“. Музыка ея ищетъ освобожденія отъ старыхъ формъ. Въ силу своего близкаго родства съ востокомъ, она содержитъ въ себѣ новые горизонты инициативы и приспособленій, которые дадутъ свои плоды и, согласно предсказанію Рубинштейна, оплодотворятъ и обогатятъ музыкальное искусство всего міра. Восточная музыка нуждается въ оркестраціи и гармонизаціи Запада; западная же музыка нуждается въ присутствіи Востоку духовномъ пониманіи оккультной силы музыки, какъ освободительницы души и проводника Девъ; мы ждемъ отъ Россіи объединенія того и другого и дальнѣйшаго откровенія и проявленія соединеннаго генія Орфея и Сарасвати“.

Органъ англійскаго Т. О-ва „*The Vahan*“ даетъ интересное опредѣленіе религіи. Религія есть прежде всего *опытъ*, а уже потомъ вѣрованіе, говоритъ авторъ; вѣрованія противорѣчивы, но въ области опыта религіи быстро соприкасаются другъ съ другомъ и нерѣдко достигаютъ единства, которое мы не всегда можемъ установить съ точки зрѣнія ихъ доктрины или философіи. Разница между *рѣчью* и *языкомъ* можетъ быть поможетъ намъ увидѣть различіе между *религіей* и *религіями*. Рѣчь есть всемірная человѣческая функція, тогда какъ языки—это тѣ разнообразныя формы, которыя принимаетъ рѣчь. Для опредѣленія сущности религіи слѣдуетъ принять во вниманіе четыре фактора:

1. Религія есть процессъ, движеніе, эволюція, имѣющая свое начало, развитіе, кризисы и конецъ.

2. Поэтому религія является цѣлью, спасеніемъ, освобожденіемъ, съ этой точки зрѣнія ее и освѣщаютъ ея основатели.

3. Ввиду того, что цѣль можетъ быть достигнута лишь соотвѣтственными средствами, религія является дисциплиной, облегчающей достиженіе ея.

4. Три вышеупомянутыхъ аспекта требуютъ четвертаго: они должны быть выражены въ интеллектуальныхъ терминахъ, поэтому религія получаетъ выраженіе въ вѣрованіяхъ, доктринахъ, философіяхъ.

Изученіе перловъ религіозной литературы всѣхъ временъ и народовъ выясняетъ, что все значеніе ея лежитъ въ томъ, что они ведутъ душу къ цѣли путемъ соотвѣтственныхъ дисциплинъ и при посредствѣ интеллектуальнаго аппарата, приспособленнаго къ современной имъ эпохѣ, странѣ, темпераменту и философскому міровоззрѣнію.

Изъ всего вышесказаннаго вытекаетъ, что религія есть „пріобщеніе души къ всеміренному строю“. Во всѣ времена черезъ религію выявлялся и выявляется именно этотъ процессъ пріобщенія и мы должны своими усиліями и достиженіями содѣйствовать этому внутреннему аспекту эволюціи.

Если мы обратимся къ *религіямъ*, мы увидимъ, что формы, въ которыя онѣ выливались, стояли въ связи а) съ интенсивностью самой жизни, б) со внѣшними условіями жизни, учрежденіями и экзотерическими политическими руслами, по которымъ течетъ духовная жизнь, в) со степенью интеллектуальнаго и философскаго развитія каждой данной страны и эпохи.

Относительно развитія религіозныхъ формъ существуютъ двѣ теоріи: нисходящая и восходящая.

Сравнительное изученіе религій, философіи, обычаевъ и народной литературы какъ бы подтверждаетъ общераспространенное преданіе о существованіи встарь „Золотого Вѣка“, о которомъ говорится въ еврейскихъ, магометанскихъ, китайскихъ, индусскихъ и другихъ священннхъ писаніяхъ. Оно гласитъ, что въ древности лидеры человѣческой расы общались съ божественными Сущностями, и получали отъ нихъ откровенія и поученія; оно утверждаетъ, что Божественная Мудрость являлась источникомъ религій. Вторая теорія болѣе соотвѣтствуетъ современнымъ идеямъ объ эволюціи. Она историческими методами выясняетъ общую линію развитія религіи снизу вверхъ и въ ширь и ставитъ на первый планъ изученіе внѣшняго окруженія религій: политическую и физическую географію,

этнологію, языкъ, экономическія условія; затѣмъ она переходитъ къ психологической, этической и философской ихъ сторонѣ.

Въ сущности обѣ теории вполне совмѣстимы другъ съ другомъ; предположимъ, что въ древности были даны религіозныя откровенія, которыя затѣмъ были утрачены и искажены людьми; изученіе ихъ остатковъ, возстановленіе въ сознаніи людей красоты Божественной Мудрости является дѣломъ критическаго и историческаго метода.

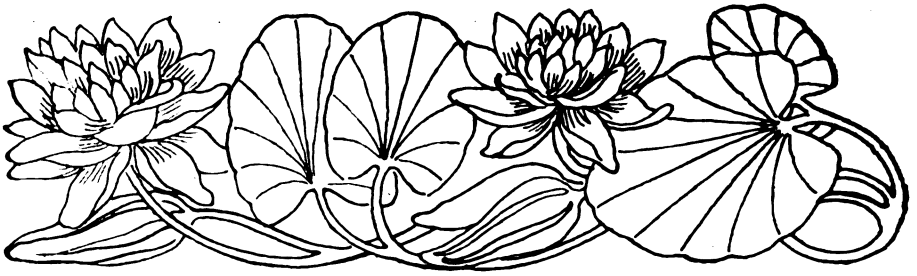
В. Пушкина.

Все зависитъ отъ единого Начала, и Начало это исходитъ изъ Единства; оно приводится въ движеніе, затѣмъ вновь становится началомъ, но единство утверждено и незыблемо.

Войдя въ душу праведную, Разумъ ведетъ ее къ свѣту Вѣдѣнія. Такая душа не прельщается гимнами и благословеніями всѣмъ людямъ; всѣ ея дѣйствія, всѣ ея слова—благотворны. Она образъ Отца своего.

Изреч. изъ Гермеса Трисмегиста.

Хроника теософическаго движенія.

Англія.

Новый представитель Теософическаго движенія въ Англіи, Мг. Джоржъ Арундель, очень дѣятеленъ. Недавно имъ организованъ Отдѣлъ при Обществѣ, въ которомъ идетъ серьезная работа по сравнительному изученію религій. Въ настоящее время онъ работаетъ надъ организаціей кружка для помощи интересующейся молодежи, кружка спеціального изученія христіанства и христіанской мистики и музыкальнаго кружка.

Первый кружокъ будетъ устраивать еженедѣльно бесѣды съ юными читателями теософической литературы. Проектируется при этомъ чаепитіе и маленькіе концерты. Вести эту работу взяла на себя извѣстная дѣятельница въ Лондонѣ г-жа Э. Вайтъ, редакторъ журнала для юношества: „Young Age“.

Работу христіанскаго кружка будетъ вести г-жа Бэтсъ, много работавшая въ этой сферѣ и бывшая въ прошломъ году товарищемъ предсѣдателя.

Что касается музыки, то пока еще кружокъ только намѣчается, но г-нъ Д. Арундель видимо горячо принялся за это дѣло и высказываетъ убѣжденіе, что музыка должна занимать почетное мѣсто въ Теософическомъ Обществѣ. Разъ въ мѣсяць, по пятницамъ, Д. Арундель принимаетъ отъ 4—6 ч. всѣхъ членовъ, желающихъ его видѣть.

Надо отмѣтить интересное начинаніе Т. О-ва въ Лондонѣ. 18 января была открыта Теософическая бесплатная читальня, которой можно пользоваться ежедневно отъ 11 утра до 6 вечера. Разъ въ недѣлю, по пятницамъ, будутъ устраиваться отъ 5 - 6 бесѣды съ читателями на теософическія темы.

— Въ февралѣ, мартѣ и апрѣлѣ въ Лондонѣ устраивается серія лекцій на спеціальныя темы: Женщина и нація, Жизнь дѣтяти, Городъ будущаго, Хозяйство будущаго, Гражданинъ будущаго, Ремесленникъ будущаго, Театръ и нація, Національные и всемірные идеалы, Единство европейской цивилизаціи. Лекторами будутъ главнымъ образомъ теософы.

— „Братство искусства и ремесль“ устраиваетъ три бесплатныхъ лекціи, посвященныхъ вопросамъ искусства и одухотворенія жизни.

Америка.

Въ „Американскомъ Вѣстникѣ“ помѣщенъ рядъ небольшихъ статей, въ которыхъ предсѣдатель г-нъ Юрингтонъ обращается съ горячимъ призывомъ къ членамъ, предлагая имъ усилить и углубить свою работу, чтобы подготовить возможно больше работниковъ, полезныхъ для расширяющагося поля будущаго.

Очень дѣятеленъ въ Америкѣ Отдѣлъ пропаганды. Отдѣлъ этотъ не довольствуется тѣмъ, что вербуетъ хорошихъ лекторовъ, но ежегодно избираетъ такъ называемыхъ національныхъ лекторовъ, которые исключительно отдають себя этому дѣлу и совершаютъ почти непрерывныя турне по городамъ, гдѣ нѣтъ еще Теософическихъ центровъ.

Австралія.

Въ этомъ году Мг. Ч. Ледбитеръ былъ почти цѣлый годъ въ Австраліи и чрезвычайно много помогъ теософическому движенію. Онъ объѣхалъ всѣ почти теософическіе центры и довольно долго останавливался въ Сиднеѣ и Аделаидѣ. Его лекціи привлекли огромное количество слушателей и имѣли большой успѣхъ. Изъ нихъ одна серія была посвящена Австраліи, какъ родинѣ новой субрасы.

Въ Сиднеѣ начинаютъ строиться большой домъ для Теософическаго О-ва. Онъ будетъ имѣть 8 этажей и большую залу въ первомъ этажѣ.

Въ присланномъ изъ Аделаиды отчетѣ о работѣ тамошняго центра интересно отмѣтити замѣчанія, сдѣланныя г-мъ Ледбитеромъ на одной изъ его лекцій. Онъ очень привѣтствовалъ, что въ Аделаидѣ принято всегда что-нибудь сыграть или спѣть передъ лекціей. Онъ сказалъ, что музыка необыкновенно гармонизируетъ собраніе и подготавливаетъ хорошую атмосферу.

Скандинавія.

Въ Швеціи и Даніи въ этомъ году работа происходила главнымъ образомъ, въ кружкахъ Общества. Кромѣ того члены очень много работали на общественной почвѣ, помогая путешественникамъ, бѣженцамъ, раненымъ и больнымъ.

Въ Кольмарденъ на берегу Балтійскаго моря первый разъ была устроена лѣтняя теософическая колонія. Г-жа Ева Кнесъ, вдова покойнаго представителя Швеціи, устроила временный вегетаріанскій пансіонъ и организовала классы по изученію Теософическихъ вопросовъ.

Голландія.

Теософическая работа шла очень активно въ этомъ году въ Голландіи и публичныя лекціи привлекали очень много слушателей. Но главная работа происходитъ посредствомъ книгъ. Теософическая бібліотека при главной квартирѣ въ Амстердамѣ, имѣющая въ настоящее время болѣе 5000 книгъ, имѣетъ Отдѣлъ, который выдаетъ книги на домъ читателямъ и даже высылаетъ въ другіе города. Этой бібліотекой очень многіе пользуются и она стала центромъ большой пропаганды.

Индія.

Изъ Индіи пришелъ подробный отчетъ годового собранія Теософическаго Общества, которое въ этомъ году имѣло мѣсто въ Бомбей, въ томъ городѣ, гдѣ начали впервые свою дѣятельность въ Индіи піонеры движенія, Е. П. Блаватская и Г. С. Олькоттъ. Съ тѣхъ поръ прошло 40 лѣтъ и общество, которое тогда считало нѣсколько десятковъ членовъ, имѣетъ теперь 25696 членовъ.

Во время Рождественской недѣли Бомбей былъ полонъ большого оживленія, ибо, кромѣ Теософическаго годового собранія, здѣсь имѣли мѣсто еще національный индусскій конгрессъ, и съѣздъ Мусульманской Лиги.

Теософическій съѣздъ собирался въ окрестностяхъ Бомбея, въ великолѣпной резиденціи индуса г. Ратанси Гокулдасъ. Кромѣ того на разстояніи мили отъ этого мѣста была раскинута огромная палатка на 5000 человекъ, специально устроенная для публичныхъ лекцій.

Президентъ Т. О-ва А. Безантъ открыла конгрессъ рѣчью, въ которой она указала на значеніе переживаемаго міромъ мо-

мента. Настоящій міровой кризисъ есть отраженіе борьбы въ иныхъ мірахъ и каждый оккультистъ сознавая, что борятся силы свѣтлыя и силы темныя, долженъ стоять опредѣленно на сторонѣ свѣтлыхъ силъ. Мы проходимъ черезъ эпоху большихъ страданій, потому что мы находимся въ преддверіи наступающаго новаго и прекраснаго вѣка, и ничто великое и цѣнное не дается безъ большой борьбы и страданій. Какъ частица земли, какъ частица человечества мы должны участвовать въ мукахъ, но мы знаемъ, что насъ ожидаетъ радость наступающаго утра. Буря можетъ бушевать, земля можетъ быть напряжена до самыхъ основаній своихъ, но буря пройдетъ и свѣтлыя небеса снова озарятъ землю, обрѣтшую міръ. Иногда во тьмѣ ночи, когда грозовыя тучи заволокли небо и въ тяжеломъ воздухѣ раздаются непрерывные раскаты грома, кажется, что больше ничего нѣтъ, кромѣ мрака, не видно ни неба, ни звѣздъ, но вдругъ прорываются гдѣ-то тучи и изъ синихъ глубинъ ночь озаряется свѣтомъ звѣзды, которая долго была скрыта за покровомъ тучъ. Такъ сіяетъ и теперь для тѣхъ, кто знаетъ, неугасимый свѣтъ свѣтила, которое говоритъ землѣ, что она безопасно покоится въ Его сердцѣ, которое есть Любовь.

Дѣловой отчетъ показалъ на большой ростъ Общества, несмотря на смутныя времена. Но нѣсколько отчетовъ въ этомъ году не дошло до Индіи, въ томъ числѣ отчеты изъ Финляндіи, Бельгіи и Россіи.

Президентъ констатируетъ, что во всѣхъ національных Обществахъ происходила большая общественная работа на помощь жертвамъ войны.

Интересно также, что очень много проявлено инициативы въ сферѣ образованія и воспитанія и открыто въ этомъ году въ разныхъ странахъ нѣсколько теософическихъ школъ.

Въ нѣкоторыхъ странахъ теософическая работа въ прямомъ смыслѣ этого слова какъ будто замерла на поверхности. Она продолжалась лишь въ кружкахъ и выливалась въ общественную форму помощи всѣмъ, но въ Америкѣ, въ Индіи и въ Англии она продолжалась съ интенсивностью во всѣхъ своихъ аспектахъ.

Россія.

19 февраля въ помѣщеніи Женскаго В. Б. О-ва состоялась лекція Ц. Л. Гельмбольдтъ на тему: Законъ эволюціи и перевоплощеніе.

4 марта въ томъ же помѣщеніи состоялась лекція В. Н. Пушкиной: Сила мысли.

20 февраля члены художественно-музыкальнаго кружка при Теософическомъ О-вѣ устроили концертъ съ картинами въ лазаретѣ Петроградскаго Дворянства въ помѣщеніи Дворянскаго Собранія.

28 февраля тотъ же концертъ съ картинами былъ повторенъ въ Об-вѣ попеченія о бѣдныхъ дѣвицахъ на Пескахъ.

23 февраля на февральскомъ Общемъ Собраніи въ Петроградѣ А. А. Каменская прочитала докладъ на тему: Пути Познанія. Ко-референтами выступили: Н. А. Плаксина (о Бергсонѣ) и Е. В. Тимофеевская (о гнозисѣ).

7 и 21 марта въ большомъ концертномъ залѣ Тенишевскаго училища состоялись публичныя лекціи А. А. Каменской: „Душа индусскаго народа“ и „Душа Египетскаго народа“. Лекціи, сопровождавшіяся свѣтовыми и музыкальными иллюстраціями, вызвали огромный интересъ. Оба раза залъ былъ переполненъ и многіе уходили не получивъ билетовъ.

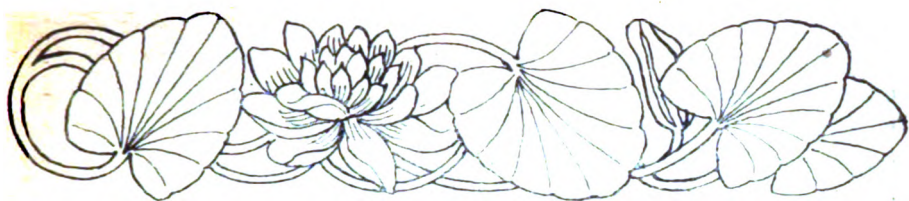
Alba.

Возвеличься величіемъ безмѣрнымъ, превзойди всѣ тѣла, пройди черезъ всѣ времена, стань вѣчностью, и ты постигнешь Бога.

Высшая мудрость въ безмолвіи, а сѣмя истинное благо.

Изреч. изъ Гермеса Трисмегиста.

Педагогическія замѣтки.

Изъ современныхъ педагогическихъ журналовъ слѣдуетъ отмѣтить газету „Школа и Жизнь“, выходящую еженедѣльно подъ редакціей Г. А. Фальборка. Несмотря на перемѣны въ программахъ и вѣяніяхъ министерства, несмотря на попытки отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ группъ педагоговъ, наша школа, закристаллизованная въ прочно установившіяся традиціонныя рамки, туго поддается перемѣнамъ. До сихъ поръ изъ многихъ хорошихъ и широкихъ начинаній не вышло еще того, что мы могли бы считать образцомъ, къ которому желательно стремиться.

Методъ Монтессори въ начальномъ обученіи, методы американскихъ школъ, отдѣльныя выдающіяся школы Англии, Германіи, Швейцаріи, вродѣ Аббатсъ-Хольмской—все это только попытки. Настоящее педагогическое слово еще не сказано. Мы находимся въ бурномъ періодѣ созданія и разрушенія новыхъ формъ, въ періодѣ ранней юности и ищемъ почти ошупью, потому что не имѣемъ настоящей руководящей идеи. Нѣтъ цѣльности, нѣтъ единства.

Газета „Школа и Жизнь“ имѣетъ цѣльное міровоззрѣніе. Для нея оно заключается въ глубокой связи школы и жизни. Школа должна быть проникнута передовыми теченіями общественной жизни, и прежде всего быть широко демократической. Ее должно создать общество, оно должно взять на себя контроль и руководство ею, слѣдить за ея нуждами и постановкой педагогическаго дѣла, входя во всѣ детали жизни. Осуществиться это можетъ черезъ органы общественнаго управленія на мѣстахъ и черезъ родительскіе комитеты въ отдѣльныхъ случаяхъ. Педагогическіе съѣзды и объединенныя общественныя организациі помогутъ создать единство для всей Россіи, которое въ то же время будетъ достаточно гибко, чтобы мѣстныя особенности не подавлялись бы.

Газета почти цѣликомъ уходитъ на эту работу. Министерскіе циркуляры и предписанія, педагогическіе съѣзды, мѣропріятія земствъ и городовъ по школьному и внѣшкольному образованію, хроника родительскихъ комитетовъ, хроника высшихъ, среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, библиотекъ и т. п., а также выдающіяся заграничныя новости того же порядка заполняютъ столбцы газеты. Вопросамъ педагогическимъ въ собственномъ смыслѣ слова почти не остается мѣста.

Но газета даетъ приложенія, которыя потомъ выпускаетъ въ видѣ отдѣльныхъ изданій. За это время вышло въ свѣтъ около 50 названій книгъ, частью сочиненія выдающихся педагоговъ послѣдняго времени, частью болѣе раннихъ. Изъ авторовъ надо отмѣтить: „Педагогическія воззрѣнія Платона и Аристотеля“, „Памяти Пирогова“, „Педагогическія сочиненія“ Л. Н. Толстого, В. Г. Бѣлинскаго, Герб. Спенсера; Сборникъ „Памяти П. Ф. Лесгафта“, „Мысли о воспитаніи“ Дж. Локка, „Эмиль“ Ж. Ж. Руссо, „Идеи Песталлоци“ Наторна и т. д.

Изъ современныхъ педагоговъ обращаютъ на себя вниманіе сочиненія Стенли Холла. Изъ нихъ изданы: „Соціальные Инстинкты у дѣтей и учрежденія для ихъ развитія“, „Инстинктъ и чувства въ юношескомъ возрастѣ“, „Эволюція и воспитаніе чувства природы у дѣтей“. Затѣмъ идутъ В. А. Лай „Школа дѣйствія“, Ферстеръ „Школа и характеръ“, Паола Ломброзо „Жизнь ребенка“, Поль Дюбуа „Самовоспитаніе“, Эд. Эртли „Народная школа и трудовое начало“ и т. д.

Изъ перечисленныхъ книгъ для насъ особенно интересны двѣ: „Педагогическія воззрѣнія Платона и Аристотеля“ и „Школа и характеръ“ Ферстера. Онѣ проникнуты глубокимъ идеализмомъ, настойчиво указываютъ на относительную цѣнность матеріальнаго и зовутъ къ преобразованію жизни путемъ углубленной внутренней творческой работы, обращенной на вѣчные идеалы.

У Платона взяты отрывки изъ его „Государства“ (III и IV книги) и „Законовъ“ (VII книга). У Аристотеля VII и VIII книги его „Политики“. Отрывкамъ предпослано прекрасное введеніе проф. Э. Ф. Зѣлинскаго.

Интересны мечты Платона о постановкѣ воспитанія въ его идеальномъ государствѣ. Многое изъ нихъ остается до сихъ поръ тѣмъ, о чемъ мы мечтаемъ, какъ напр. мысль объ одинаковомъ начальномъ воспитаніи для всѣхъ гражданъ и объ одинаковомъ воспитаніи для мужчинъ и женщинъ. Женщины и

мужчины должны быть призваны ко всякаго рода работѣ и обязанностямъ въ государствѣ одинаково. Они разнятся количественно, не качественно. Но у женщинъ меньше силъ, потому при равномъ видѣ труда спрашивать съ нея количественно его меньше. Характерныя мечты для аѳинянина, покровительницей родного города котораго была „Дѣва Владычица“, Аѳина-Паллада. Интересны его мысли о необходимости своего рода общественныхъ дѣтскихъ садовъ, о постановкѣ воспитанія и образованія въ низшей—палестра, средней—гимназія и высшей—эфѳебія школахъ. Развертываются цѣлыя картины жизни школы и общества той эпохи, полныя своеобразныхъ особенностей иной культуры, столь далекой отъ современной европейской.

Въ своихъ мысляхъ о значеніи идеальнаго въ дѣлѣ воспитанія Платонъ выказываетъ глубокое знаніе человѣческой природы. Ученикъ храмовыхъ школъ Египта, онъ знаетъ про культуру эмоцій, силу мысли и про то, что человѣкъ становится тѣмъ, о чемъ онъ думаетъ.

Потому онъ требуетъ тщательнаго пересмотра всего литературнаго матеріала, даваемого юношеству, особенно отрывковъ изъ Гомера. Онъ находитъ, что ничто, изображающее боговъ, правителей, старшихъ и т. д. въ отрицательномъ или смѣшномъ видѣ не должно быть даваемо юношеству. Такому же тщательному контролю надо подвергнуть музыкальныя упражненія, гимнастику, танцы и т. д. Даже музыкальные инструменты надо строго выбирать.

Воспитаніе его имѣетъ нѣсколько центровъ, сообразно классу, къ которому будетъ потомъ принадлежать гражданинъ. Здѣсь можно провести аналогію съ кастовою системою древней Индіи, какъ она отразилась въ ея древнихъ законодательствахъ, напр. въ Законахъ Ману. Высшими классами являются „стражи“ и „правители“.

Правитель, „обладающій природою философа“—идеальный представитель человечества въ его государствѣ. Онъ проходитъ особую систему воспитанія, въ которой ясно подчеркнута идея о творческой силѣ мысли, преображающей всего человѣка. Если человѣкъ захочетъ быть правителемъ, то прежде всего онъ погружается въ изученіе ариѳметики, затѣмъ послѣдовательно идетъ геометрія и астрономія. Такимъ образомъ онъ научается все болѣе и болѣе отрываться отъ чувственныхъ предметовъ и связанныхъ съ ними вождельннй и страстей и подниматься въ область отвлеченнаго чистаго мышленія, пока

передъ нимъ не откроются широкіе горизонты идей-понятій, первообразовъ видимаго міра. Завершаетъ все наука-діалектика, которая занимается анализомъ идей-понятій. Онъ пройдетъ послѣдовательно при помощи нея всѣ идеи отъ низшихъ до высшихъ; центральной и конечной идеей является идея добра.

Позднѣ Платонъ перешелъ отъ Сократа съ его діалектикой къ ученію Пифагора, причемъ выдѣляется теургическая сторона его ученія. Онъ пытается закончить воспитаніе приведеніемъ человѣка къ познанію Великихъ Существъ нечеловѣческой эволюціи. Въ своемъ позднѣйшемъ сочиненіи „Законы“ онъ опускаетъ діалектику и оставляетъ только ариѳметику, геометрію и астрономію, которой онъ и завершаетъ образованіе. Видимыя свѣтила—только внѣшнія проявленія высшихъ сущностей, боговъ. Изученіе законовъ, управляющихъ небесными свѣтилами, приводитъ къ пониманію божественныхъ законовъ, на стражѣ которыхъ стоятъ сами боги.

Книга швейцарскаго педагога Ф. В. Ферстера „Школа и характеръ“ призываетъ педагоговъ къ борьбѣ за идеализмъ въ школѣ и въ жизни. Онъ говоритъ объ успѣхахъ науки и техники и вмѣстѣ съ тѣмъ спрашиваетъ: „не обнаруживаемъ ли мы застоя или даже попятнаго движенія въ самомъ важномъ: въ господствѣ человѣка надъ естественными силами своей внутренней природы. Не пріобрѣтаетъ ли среди всѣхъ успѣховъ духа матеріальное ужасающую власть надъ нашей жизнью, не распространяется ли среди всѣхъ нашихъ знаній все болѣе и болѣе грубое невѣдѣніе добра и зла?“

Причина этого кроется въ однобокомъ воспитаніи юношества. Всѣ усилія школы ушли на воспитаніе интеллекта, образованіе. „Школа предъявляетъ къ молодому человѣку въ труднѣйшіе годы его развитія такія исключительно интеллектуальныя требованія, что для развитія характера и укрѣпленія болѣе высокаго жизненнаго возрѣнія не остается ни времени, ни душевной силы“. Но „чѣмъ болѣе мы овладѣваемъ міромъ матеріальныхъ благъ съ его соблазнами, его неугомонностью и его неистощимымъ возбужденіемъ все новыхъ потребностей, тѣмъ настоятельнѣе становится необходимость значительнаго укрѣпленія и углубленія духовной стороны нашей природы“. Характерно это признаніе возможности духовной культуры. Отсюда у него вытекаетъ требованіе для педагоговъ и дѣтей неустанной работы надъ собой. Вообще вопросу дисциплины, самодисциплины и самоуправленія учащихся отведена значительная часть книги.

„Величайшая дисциплинирующая сила учителя не есть искусство голосовыхъ средствъ или какой-нибудь другой внѣшней методики—это искусство концентраціи воли и ея произвольнаго выраженія въ осанкѣ, выраженіи лица, глазъ. Здѣсь вознаграждается всякая работа и внутреннее достиженіе человѣка въ смыслѣ строгого самовоспитанія, здѣсь неумолимо наказывается всякое пренебреженіе собственнымъ характеромъ... Правильную середину между строгостью и мягкостью учитель не найдетъ никакими предписаніями, а только тѣмъ, что въ своемъ самовоспитаніи сумѣетъ одинаково упражнять и беречь обѣ стороны характера, любовь и силу“. Онъ пишетъ далѣе, что „Фра Анжелико всегда молился передъ тѣмъ, какъ брался за кисть съ цѣлю писать свои небесные образы. Насколько же больше должны мы молиться для того, чтобы образовать живыхъ людей, какъ должны мы очищаться отъ нашей затаеннѣйшей нечистоты, чтобы пробудить скрытую чистоту въ ребенкѣ, какъ должны мы сосредоточиваться и отождествляться съ божественной волей, чтобы наше слово могло вызывать въ юныхъ сердцахъ божественное начало“.

Проблему дисциплины въ школѣ онъ рассматриваетъ съ двухъ сторонъ: внутренней—этической и внѣшней—соціальной.

Онъ находитъ, „что индивидуальная воля со всѣмъ ея своеобразиемъ и страстями должна быть безусловно подчинена, чтобы духовная личность могла пробудиться къ жизни. „Съ точки зрѣнія Теософіи здѣсь есть смѣшеніе терминовъ „личность“ (проходящее) и „индивидуальность“ (пребывающее), но здѣсь важна центральная идея. „Ребенокъ долженъ самъ сломить свою низшую волю... Думаютъ развить личность, предоставляя ея субъективнымъ склонностямъ всесторонне развиваться, игнорируя мораль, приличія, совѣсть. При этомъ совершенно не подозреваютъ, какъ безлично думаетъ, чувствуетъ и дѣйствуетъ человѣкъ безъ очищенной внутренней жизни“.. Личная жизнь начинается лишь по мѣрѣ того, какъ человѣкъ эмансипируется отъ опеки внѣшняго міра и притомъ не только отъ внѣшней опеки, но и главнымъ образомъ отъ той скрытой власти внѣшняго міра, которая порождается необузданнымъ тщеславіемъ, чувственностью и всѣми другими формами неочищенной и разнузданной импульсивности. Но къ такой централизациі существа приходятъ только при помощи высокихъ религіозно-нравственныхъ идеаловъ, которые разсѣиваютъ внутренній туманъ и строгимъ выборомъ и чистымъ разъединеніемъ отдѣляютъ ду-

ховное отъ не-духовнаго, высшее отъ низшаго, здоровое отъ больного... Итакъ, индивидуальность (личность) должна умереть, чтобы личность (индивидуальность) могла воскреснуть“.

Дисциплина основное условіе человѣческаго общежитія. Это „проблема согласованія и взаимнаго ограниченія двухъ диаметрально противоположныхъ потребностей человѣческой жизни: потребности социальнаго порядка и работы въ точномъ повиновеніи и потребности человѣческой личности въ свободѣ и самостоятельности. Гражданская свобода можетъ развиваться только тамъ, гдѣ дисциплина, которая раньше направляла и обуздывала извнѣ, теперь принимается и одобряется внутренней личностью человѣка“.

Разсматривая вопросъ о трудовой школѣ, Ферстеръ совѣтуетъ очень обдумать его, чтобы не произошло суженіе идеала и человѣкъ не превратился бы въ машину, умѣющую только laborare, но забывшую orare. Онъ желаетъ, „чтобы крупная и важная школьная реформа, посвященная осуществленію трудовой школы, основательно очистилась отъ американизма и подчинилась болѣе универсальному идеалу образованія души, прежде чѣмъ перейти въ практику“.

Слѣдуетъ „принципіально отвергнуть американское чрезмѣрное напряженіе понятія самодѣятельности и все одностороннее подчеркиваніе активно продуктивнаго элемента въ образованіи человѣка. Дѣйствительное расширеніе нашей духовной жизни новыми познаніями предполагаетъ интенсивное упражненіе въ опредѣленно созерцательномъ и рецептивномъ настроеніи души; послѣднее же не можетъ преуспѣвать тамъ, гдѣ самодѣятельность односторонне поставлена въ центрѣ всего обученія“. Онъ видитъ въ немъ серьезное препятствіе къ воспитанію способности къ благоговѣнію, при наличіи которой только и возможно постиженіе высшихъ цѣнностей науки и искусства, и находитъ въ немъ причину, порождающую тѣхъ „несносныхъ людей, которые никогда не могутъ слушать, но всегда желаютъ сами говорить..., всегда захвачены опьяненіемъ собственнаго дѣйствія и не имѣютъ терпѣнія воспринять въ себя съ глубокимъ рецептивнымъ участіемъ чужую жизнь. Мы нуждаемся, наряду съ продуктивнымъ отношеніемъ, въ глубокомъ самораскрытіи души, когда человѣкъ не творитъ, а предоставляетъ творитъ Творцу,—творитъ новую душу“.

Много еще важныхъ вопросовъ затрагиваетъ авторъ. Онъ говоритъ о школьной лжи и совѣтуетъ обращать вниманіе на

пунктуальную точность, „на бдительное дисциплинированіе нашихъ сообщеній въ домашнемъ и общественномъ кругу, на борьбу съ „превосходной степенью“, на необходимость развивать въ себѣ „тотъ духъ божественной простоты и безкорыстнаго чувства дѣйствительности, который одинъ порождаетъ смиреніе, способное постичь истину во всей чистотѣ и во всемъ величіи“.

Хороши также страницы, посвященныя вопросу о страданіи, о вліяніи массы на индивидуумъ, о товариществѣ, о со-вмѣстномъ воспитаніи и т. д. Вся книга проникнута истинно духовнымъ пониманіемъ школьнаго дѣла и дѣлается попытка призвать педагоговъ пересмотрѣть основы современной школы, потому что „міръ нуждается главнымъ образомъ въ такихъ людяхъ, у которыхъ вѣчные принципы правды и справедливости тверды какъ скала“.

М. Гарденина.

Лучи Бога—силы; лучи міра—творенія; лучи человѣка—наука и искусство.

Все живо, и жизнь одна и Богъ единъ.

Жизнь—союзъ Разума и души; смерть не уничтоженіе соединенія, но разрывъ единства.

Образъ Бога—вѣчность, вѣчности—міръ, міра—солнце, солнца—человѣкъ.

Изреч. изъ Гермеса Трисмегиста.

и остальное, т. е. *созданіе* происходит *законо*, этотъ аспектъ называется время, о, дважды рожденный!

То, что распределено, или иллюзорный *двойстве-ный* аспектъ Того, сущность чего вѣчно едина, мы называемъ вѣчной матеріей или субстанціей, безформенной, безполой, непостижимой, даже для нашего шестого чувства или умственного воспріятія¹⁾, и въ немъ, поэтому, мы отказываемся видѣть то, что монотеисты называютъ личнымъ, антропоморфическимъ богомъ.

Какъ точная современная наука смотритъ на эти два предположенія—что „матерія вѣчна“ и что „атомъ періодиченъ, а не вѣченъ“? Материалистически настроенные физики будутъ критиковать это, и смѣяться съ презрѣніемъ. Либеральный и прогрессивный человекъ науки, истинный и серьезный научный искатель истины, какъ, напр., знаменитый физикъ Круксъ, однако согласится съ вѣроятностью обоихъ предположеній. Потому что, едва затихло эхо его лекціи о „генезисѣ элементовъ“—той лекціи, которая была прочитана имъ въ химическомъ отдѣлѣ Британской Ассоціаціи, на Бирмингамскомъ съѣздѣ въ 1887 году, и такъ взволновала всѣхъ эволюціонистовъ, которые слышали или читали ее,—какъ уже послѣдовала другая въ мартѣ 1888 года. Еще разъ предсѣдатель химическаго общества изложилъ передъ міромъ науки и публикой плоды нѣкоторыхъ новыхъ открытій въ царствѣ атомовъ, и эти открытія во всѣхъ отношеніяхъ оправдывали оккультныя ученія. Они были даже болѣе поражающи, чѣмъ положенія, высказанныя имъ въ первой лекціи, и заслуживаютъ вниманія каждаго оккультиста, теософа и метафизика. Вотъ что онъ говоритъ въ своихъ „Элементы и Мета-Элементы“, оправдывая обвиненія и предвидѣнія Сталло съ безбоязненностью научнаго ума, который любитъ науку ради правды, не обращая вниманія ни на какія послѣдствія для своей славы и репутаціи. Приводимъ его собственныя слова:

Позвольте мнѣ теперь, господа, привлечь на короткое время ваше вниманіе къ темѣ, касающейся основныхъ принциповъ химіи;—эта тема можетъ повести насъ къ допущенію возможнаго существованія тѣлъ, которыя не будучи ни составами, ни растворами, не есть въ то же время элементы въ строгомъ смыслѣ этого слова—эти тѣла я рѣшаюсь назвать «мета-элементами». Чтобы объяснить мою мысль, я долженъ вернуться къ нашему понятію

¹⁾ См. въ предыдущемъ отдѣлѣ VII „Жизнь, сила или тяжесть“, цитату изъ Anugita.

4 марта въ томъ же помѣщеніи состоялась лекція В. Н. Пушкиной: Сила мысли.

20 февраля члены художественно-музыкальнаго кружка при Теософическомъ О-вѣ устроили концертъ съ картинами въ лазаретѣ Петроградскаго Дворянства въ помѣщеніи Дворянскаго Собранія.

28 февраля тотъ же концертъ съ картинами былъ повторенъ въ Об-вѣ попеченія о бѣдныхъ дѣвицахъ на Пескахъ.

23 февраля на февральскомъ Общемъ Собраніи въ Петроградѣ А. А. Каменская прочитала докладъ на тему: Пути Познанія. Ко-референтами выступили: Н. А. Плаксина (о Бергсонѣ) и Е. В. Тимофеевская (о гнозисѣ).

7 и 21 марта въ большомъ концертномъ залѣ Тенишевскаго училища состоялись публичныя лекціи А. А. Каменской: „Душа индусскаго народа“ и „Душа Египетскаго народа“. Лекціи, сопровождавшіяся свѣтовыми и музыкальными иллюстраціями, вызвали огромный интересъ. Оба раза залъ былъ переполненъ и многіе уходили не получивъ билетовъ.

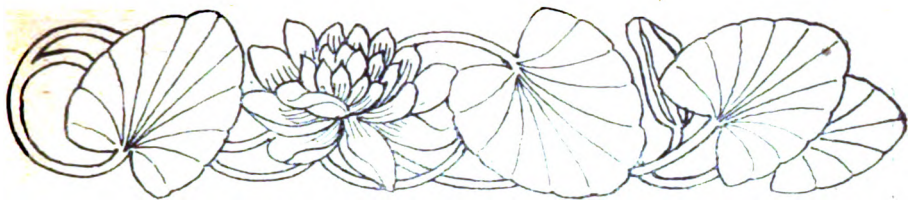
Alba.

Возвеличься величіемъ безмѣрнымъ, превзойди всѣ тѣла, пройди черезъ всѣ времена, стань вѣчностью, и ты постигнешь Бога.

Высшая мудрость въ безмолвіи, а сѣмя истинное благо.

Изреч. изъ Гермеса Трисметиста.

Педагогическія замѣтки.

Изъ современныхъ педагогическихъ журналовъ слѣдуетъ отмѣтить газету „Школа и Жизнь“, выходящую еженедѣльно подъ редакціей Г. А. Фальборка. Несмотря на перемѣны въ программахъ и вѣяніяхъ министерства, несмотря на попытки отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ группъ педагоговъ, наша школа, закристаллизованная въ прочно установившіяся традиціонныя рамки, туго поддается перемѣнамъ. До сихъ поръ изъ многихъ хорошихъ и широкихъ начинаній не вышло еще того, что мы могли бы считать образцомъ, къ которому желательно стремиться.

Методъ Монтессори въ начальномъ обученіи, методы американскихъ школъ, отдѣльныя выдающіяся школы Англій, Германіи, Швейцаріи, вродѣ Аббатсъ-Хольмской—все это только попытки. Настоящее педагогическое слово еще не сказано. Мы находимся въ бурномъ періодѣ созданія и разрушенія новыхъ формъ, въ періодѣ ранней юности и ищемъ почти ошупью, потому что не имѣемъ настоящей руководящей идеи. Нѣтъ цѣльности, нѣтъ единства.

Газета „Школа и Жизнь“ имѣетъ цѣльное міровоззрѣніе. Для нея оно заключается въ глубокой связи школы и жизни. Школа должна быть проникнута передовыми теченіями общественной жизни, и прежде всего быть широко демократической. Ее должно создать общество, оно должно взять на себя контроль и руководство ею, слѣдить за ея нуждами и постановкой педагогическаго дѣла, входя во всѣ детали жизни. Осуществиться это можетъ черезъ органы общественнаго управленія на мѣстахъ и черезъ родительскіе комитеты въ отдѣльныхъ случаяхъ. Педагогическіе съѣзды и объединенныя общественныя организациі помогутъ создать единство для всей Россіи, которое въ то же время будетъ достаточно гибко, чтобы мѣстныя особенности не подавлялись бы.

Газета почти цѣликомъ уходитъ на эту работу. Министерскіе циркуляры и предписанія, педагогическіе съѣзды, мѣропріятія земствъ и городовъ по школьному и внѣшкольному образованію, хроника родительскихъ комитетовъ, хроника высшихъ, среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, бібліотекъ и т. п., а также выдающіяся заграничныя новости того же порядка заполняютъ столбцы газеты. Вопросамъ педагогическимъ въ собственномъ смыслѣ слова почти не остается мѣста.

Но газета даетъ приложенія, которыя потомъ выпускаетъ въ видѣ отдѣльныхъ изданій. За это время вышло въ свѣтъ около 50 названій книгъ, частью сочиненія выдающихся педагоговъ послѣдняго времени, частью болѣе раннихъ. Изъ авторовъ надо отмѣтить: „Педагогическія воззрѣнія Платона и Аристотеля“, „Памяти Пирогова“, „Педагогическія сочиненія“ Л. Н. Толстого, В. Г. Бѣлинскаго, Герб. Спенсера; Сборникъ „Памяти П. Ф. Лесгафта“, „Мысли о воспитаніи“ Дж. Локка, „Эмиль“ Ж. Ж. Руссо, „Идеи Песталлоци“ Наторна и т. д.

Изъ современныхъ педагоговъ обращаютъ на себя вниманіе сочиненія Стенли Холла. Изъ нихъ изданы: „Соціальныя Инстинкты у дѣтей и учрежденія для ихъ развитія“, „Инстинктъ и чувства въ юношескомъ возрастѣ“, „Эволюція и воспитаніе чувства природы у дѣтей“. Затѣмъ идутъ В. А. Лай „Школа дѣйствія“, Ферстеръ „Школа и характеръ“, Паола Ломброзо „Жизнь ребенка“, Поль Дюбуа „Самовоспитаніе“, Эд. Эртли „Народная школа и трудовое начало“ и т. д.

Изъ перечисленныхъ книгъ для насъ особенно интересны двѣ: „Педагогическія воззрѣнія Платона и Аристотеля“ и „Школа и характеръ“ Ферстера. Онѣ проникнуты глубокимъ идеализмомъ, настойчиво указываютъ на относительную цѣнность матеріальнаго и зовутъ къ преображенію жизни путемъ углубленной внутренней творческой работы, обращенной на вѣчные идеалы.

У Платона взяты отрывки изъ его „Государства (III и IV книги) и „Законовъ“ (VII книга). У Аристотеля VII и VIII книги его „Политики“. Отрывкамъ предпослано прекрасное введеніе проф. Э. Ф. Зѣлинскаго.

Интересны мечты Платона о постановкѣ воспитанія въ его идеальномъ государствѣ. Многое изъ нихъ остается до сихъ поръ тѣмъ, о чемъ мы мечтаемъ, какъ напр. мысль объ одинаковомъ начальномъ воспитаніи для всѣхъ гражданъ и объ одинаковомъ воспитаніи для мужчинъ и женщинъ. Женщины и

мужчины должны быть призваны ко всякаго рода работѣ и обязанностямъ въ государствѣ одинаково. Они разнятся количественно, не качественно. Но у женщинъ меньше силъ, потому при равномъ видѣ труда спрашивать съ нея количественно его меньше. Характерныя мечты для афинянина, покровительницей родного города котораго была „Дѣва Владычица“, Афина-Паллада. Интересны его мысли о необходимости своего рода общественныхъ дѣтскихъ садовъ, о постановкѣ воспитанія и образованія въ низшей—палестра, средней—гимназія и высшей—эфебія школахъ. Развертываются цѣлыя картины жизни школы и общества той эпохи, полныя своеобразныхъ особенностей иной культуры, столь далекой отъ современной европейской.

Въ своихъ мысляхъ о значеніи идеальнаго въ дѣлѣ воспитанія Платонъ выказываетъ глубокое знаніе человѣческой природы. Ученикъ храмовыхъ школъ Египта, онъ знаетъ про культуру эмоцій, силу мысли и про то, что человѣкъ становится тѣмъ, о чемъ онъ думаетъ.

Потому онъ требуетъ тщательнаго пересмотра всего литературнаго матеріала, даваемаго юношеству, особенно отрывковъ изъ Гомера. Онъ находитъ, что ничто, изображающее боговъ, правителей, старшихъ и т. д. въ отрицательномъ или смѣшномъ видѣ не должно быть даваемо юношеству. Такому же тщательному контролю надо подвергнуть музыкальныя упражненія, гимнастику, танцы и т. д. Даже музыкальные инструменты надо строго выбирать.

Воспитаніе его имѣетъ нѣсколько центровъ, сообразно классу, къ которому будетъ потомъ принадлежать гражданинъ. Здѣсь можно провести аналогію съ кастовою системою древней Индіи, какъ она отразилась въ ея древнихъ законодательствахъ, напр. въ Законахъ Ману. Высшими классами являются „стражи“ и „правители“.

Правитель, „обладающій природою философа“—идеальный представитель человѣчества въ его государствѣ. Онъ проходитъ особую систему воспитанія, въ которой ясно подчеркнута идея о творческой силѣ мысли, преобразующей всего человѣка. Если человѣкъ захочетъ быть правителемъ, то прежде всего онъ погружается въ изученіе ариѳметики, затѣмъ послѣдовательно идетъ геометрія и астрономія. Такимъ образомъ онъ научается все болѣе и болѣе отрывать отъ чувственныхъ предметовъ и связанныхъ съ ними вождельній и страстей и подниматься въ область отвлеченнаго чистаго мышленія, пока

передъ нимъ не откроются широкіе горизонты идей-понятій, первообразовъ видимаго міра. Завершаетъ все наука-діалектика, которая занимается анализомъ идей-понятій. Онъ пройдетъ послѣдовательно при помощи нея всѣ идеи отъ низшихъ до высшихъ; центральной и конечной идеей является идея добра.

Позднѣ Платонъ перешелъ отъ Сократа съ его діалектикой къ ученію Пифагора, причемъ выдѣляется теургическая сторона его ученія. Онъ пытается закончить воспитаніе приведеніемъ чловѣка къ познанію Великихъ Существъ нечловѣческой эволюціи. Въ своемъ позднѣйшемъ сочиненіи „Законы“ онъ опускаетъ діалектику и оставляетъ только ариметику, геометрію и астрономію, которой онъ и завершаетъ образованіе. Видимыя свѣтила—только внѣшнія проявленія высшихъ сущностей, боговъ. Изученіе законовъ, управляющихъ небесными свѣтилми, приводитъ къ пониманію божественныхъ законовъ, на стражѣ которыхъ стоятъ сами боги.

Книга швейцарскаго педагога Ф. В. Ферстера „Школа и характеръ“ призываетъ педагоговъ къ борьбѣ за идеализмъ въ школѣ и въ жизни. Онъ говоритъ объ успѣхахъ науки и техники и вмѣстѣ съ тѣмъ спрашиваетъ: „не обнаруживаемъ ли мы застоя или даже попятнаго движенія въ самомъ важномъ: въ господствѣ чловѣка надъ естественными силами своей внутренней природы. Не пріобрѣтаетъ ли среди всѣхъ успѣховъ духа матеріальное ужасающую власть надъ нашей жизнью, не распространяется ли среди всѣхъ нашихъ знаній все болѣе и болѣе грубое невѣдѣніе добра и зла?“

Причина этого кроется въ однобокомъ воспитаніи юношества. Всѣ усилія школы ушли на воспитаніе интеллекта, образованіе. „Школа предъявляетъ къ молодому чловѣку въ труднѣйшіе годы его развитія такія исключительно интеллектуальныя требованія, что для развитія характера и укрѣпленія болѣе высокаго жизненнаго возрѣнія не остается ни времени, ни душевной силы“. Но „чѣмъ болѣе мы овладѣваемъ міромъ матеріальныхъ благъ съ его соблазнами, его неутомностью и его неистощимымъ возбужденіемъ все новыхъ потребностей, тѣмъ настоятельнѣе становится необходимость значительнаго укрѣпленія и углубленія духовной стороны нашей природы“. Характерно это признаніе возможности духовной культуры. Отсюда у него вытекаетъ требованіе для педагоговъ и дѣтей неустанной работы надъ собой. Вообще вопросу дисциплины, самодисциплины и самоуправленія учащихся отведена значительная часть книги.

„Величайшая дисциплинирующая сила учителя не есть искусство голосовыхъ средствъ или какой-нибудь другой внѣшней методики—это искусство концентраціи воли и ея произвольнаго выраженія въ осанкѣ, выраженіи лица, глазъ. Здѣсь вознаграждается всякая работа и внутреннее достиженіе чловѣка въ смыслѣ строгого самовоспитанія, здѣсь неумолимо наказывается всякое пренебреженіе собственнымъ характеромъ... Правильную середину между строгостью и мягкостью учитель не найдетъ никакими предписаніями, а только тѣмъ, что въ своемъ самовоспитаніи сумѣетъ одинаково упражнять и беречь обѣ стороны характера, любовь и силу“. Онъ пишетъ далѣе, что „Фра Анжелико всегда молился передъ тѣмъ, какъ брался за кисть съ цѣлью писать свои небесные образы. Насколько же больше должны мы молиться для того, чтобы образовать живыхъ людей, какъ должны мы очищаться отъ нашей затаеннѣйшей нечистоты, чтобы пробудить скрытую чистоту въ ребенкѣ, какъ должны мы сосредоточиваться и отождествляться съ божественной волей, чтобы наше слово могло вызывать въ юныхъ сердцахъ божественное начало“.

Проблему дисциплины въ школѣ онъ разсматриваетъ съ двухъ сторонъ: внутренней—этической и внѣшней—соціальной.

Онъ находитъ, „что индивидуальная воля со всѣмъ ея своимъ нравіемъ и страстями должна быть безусловно подчинена, чтобы духовная личность могла пробудиться къ жизни. „Съ точки зрѣнія Теософіи здѣсь есть смѣшеніе терминовъ „личность“ (преходящее) и „индивидуальность“ (пребывающее), но здѣсь важна центральная идея. „Ребенокъ долженъ самъ сломить свою низшую волю... Думаютъ развить личность, предоставляя ея субъективнымъ склонностямъ всесторонне развиваться, игнорируя мораль, приличія, совѣсть. При этомъ совершенно не подозреваютъ, какъ безлично думаетъ, чувствуетъ и дѣйствуетъ чловѣкъ безъ очищенной внутренней жизни“.. Личная жизнь начинается лишь по мѣрѣ того, какъ чловѣкъ эмансипируется отъ опеки внѣшняго міра и притомъ не только отъ внѣшней опеки, но и главнымъ образомъ отъ той скрытой власти внѣшняго міра, которая порождается необузданнымъ тщеславіемъ, чувственностью и всѣми другими формами неочищенной и разнузданной импульсивности. Но къ такой централизаціи существа приходятъ только при помощи высокихъ религіозно-нравственныхъ идеаловъ, которые разсѣиваютъ внутренній туманъ и строгимъ выборомъ и чистымъ разьединеніемъ отдѣляютъ ду-

ховное отъ не-духовнаго, высшее отъ низшаго, здоровое отъ больного... Итакъ, индивидуальность (личность) должна умереть, чтобы личность (индивидуальность) могла воскреснуть“.

Дисциплина основное условіе человѣческаго общежитія. Это „проблема согласованія и взаимнаго ограниченія двухъ диаметрально противоположныхъ потребностей человѣческой жизни: потребности социальнаго порядка и работы въ точномъ повиновеніи и потребности человѣческой личности въ свободѣ и самостоятельности. Гражданская свобода можетъ развиваться только тамъ, гдѣ дисциплина, которая раньше направляла и обуздывала извнѣ, теперь принимается и одобряется внутренней личностью человѣка“.

Разсматривая вопросъ о трудовой школѣ, Ферстеръ совѣтуетъ очень обдумать его, чтобы не произошло суженіе идеала и человѣкъ не превратился бы въ машину, умѣющую только *labore*, но забывшую *orare*. Онъ желаетъ, „чтобы крупная и важная школьная реформа, посвященная осуществленію трудовой школы, основательно очистилась отъ американизма и подчинилась болѣе универсальному идеалу образованія души, прежде чѣмъ перейти въ практику“.

Слѣдуетъ „принципіально отвергнуть американское чрезмѣрное напряженіе понятія самодѣятельности и все одностороннее подчеркиваніе активно продуктивнаго элемента въ образованіи человѣка. Дѣйствительное расширеніе нашей духовной жизни новыми познаніями предполагаетъ интенсивное упражненіе въ опредѣленно созерцательномъ и рецептивномъ настроеніи души; послѣднее же не можетъ преуспѣвать тамъ, гдѣ самодѣятельность односторонне поставлена въ центрѣ всего обученія“. Онъ видитъ въ немъ серьезное препятствіе къ воспитанію способности къ благоговѣнію, при наличіи которой только и возможно постиженіе высшихъ цѣнностей науки и искусства, и находитъ въ немъ причину, порождающую тѣхъ „несносныхъ людей, которые никогда не могутъ слушать, но всегда желаютъ сами говорить..., всегда захвачены опьяненіемъ собственнаго дѣйствія и не имѣютъ терпѣнія воспринять въ себя съ глубокимъ рецептивнымъ участіемъ чужую жизнь. Мы нуждаемся, наряду съ продуктивнымъ отношеніемъ, въ глубокомъ самораскрытіи души, когда человѣкъ не творитъ, а предоставляетъ творитъ Творцу,—творитъ новую душу“.

Много еще важныхъ вопросовъ затрагиваетъ авторъ. Онъ говоритъ о школьной лжи и совѣтуетъ обращать вниманіе на

пунктуальную точность, „на бдительное дисциплинированіе нашихъ сообщеній въ домашнемъ и общественномъ кругу, на борьбу съ „превосходной степенью“, на необходимость развивать въ себѣ „тотъ духъ божественной простоты и безкорыстнаго чувства дѣйствительности, который одинъ порождаетъ смиреніе, способное постичь истину во всей чистотѣ и во всемъ величіи“.

Хороши также страницы, посвященныя вопросу о страданіи, о вліяніи массы на индивидуумъ, о товариществѣ, о совѣстномъ воспитаніи и т. д. Вся книга проникнута истинно духовнымъ пониманіемъ школьнаго дѣла и дѣлается попытка призвать педагоговъ пересмотрѣть основы современной школы, потому что „міръ нуждается главнымъ образомъ въ такихъ людяхъ, у которыхъ вѣчные принципы правды и справедливости тверды какъ скала“.

М. Гарденина.

Лучи Бога—силы; лучи міра—творенія; лучи человѣка—наука и искусство.

Все живо, и жизнь одна и Богъ единъ.

Жизнь—союзъ Разума и души; смерть не уничтоженіе соединенія, но разрывъ единства.

Образъ Бога—вѣчность, вѣчности—міръ, міра—солнце, солнца—человѣкъ.

Изреч. изъ Гермеса Трисмегиста.

Асвагоша. Жизнь Будды. Переводъ К. Бальмонта. Москва. М. и С. Сабашиковы, 1913 г. 320 стр., ц. 2 р. 25 к. съ иллюстраціями.

Асвагоша индусскій поэтъ, жившій приблизительно во времена Христа. Изъ многочисленныхъ его произведеній большинство утерялось во времена политическихъ смуть. Остались небольшіе отрывки. И теперь на санскритскомъ языкѣ изъ «Жизни Будды» сохранилось 17 пѣсень, изъ которыхъ только 13 подлинны. Но все произведение было въ свое время переведено на тибетскій и китайскій языки и въ такомъ видѣ дошло до насъ. Оно состоитъ изъ 28 пѣсень, въ которыхъ воспѣваются главныя событія изъ жизни Будды: Рожденіе... Отреченіе... Искушеніе... Ученіе... Нирвана...

Переведены онѣ красивыми бѣлыми стихами. Къ книгѣ приложено нѣсколько снимковъ съ главныхъ буддійскихъ святынь, изображающіе эпизоды изъ жизни Будды. Издана она изящно.

Легенды и сказки Центральной Азіи, собранныя гр. А. П. Беннигсеномъ. Спб. 1912 г. 168 стр., ц. 1 р. 75 к. съ иллюстрац.

Легенды, сказки и повѣрья народовъ Средней Азіи, китайцевъ, киргизовъ, монголовъ и т. д., интересны, какъ образецъ народнаго творчества Востока. Въ нихъ можно прослѣдить отдаленные отголоски древнихъ преданій Индіи, историческіе факты изъ исторіи Тибета, Китая, Монголіи, изукрашенные народной фантазіей и въ то же время упрощенные и сведенные до уровня народнаго міропониманія. Большое количество легендъ посвящено приключеніямъ хановъ, ихъ женъ, богатырей, набѣгамъ, междоусобнымъ сраженіямъ, а также всякаго рода народному колдовству и знахарству.

М. Гарденна.

и остальное, т. е. *созданіе* происходит *законо*, этотъ аспектъ называется время, о, дважды рожденный!

То, что распределено, или иллюзорный *двойстве-ный* аспектъ Того, сущность чего вѣчно едина, мы называемъ вѣчной матеріей или субстанціей, безформенной, безполой, непостижимой, даже для нашего шестого чувства или умственного воспріятія¹⁾, и въ немъ, поэтому, мы отказываемся видѣть то, что монотеисты называютъ личнымъ, антропоморфическимъ богомъ.

Какъ точная современная наука смотритъ на эти два предположенія—что „матерія вѣчна“ и что „атомъ періодиченъ, а не вѣченъ“? Материалистически настроенные физики будутъ критиковать это, и смѣяться съ презрѣніемъ. Либеральный и прогрессивный человекъ науки, истинный и серьезный научный искатель истины, какъ, напр., знаменитый физикъ Круксъ, однако согласится съ вѣроятностью обоихъ предположеній. Потому что, едва затихло эхо его лекцій о „генезисѣ элементовъ“—той лекціи, которая была прочитана имъ въ химическомъ отдѣлѣ Британской Ассоціаціи, на Бирмингамскомъ съѣздѣ въ 1887 году, и такъ взволновала всѣхъ эволюціонистовъ, которые слышали или читали ее,—какъ уже послѣдовала другая въ мартѣ 1888 года. Еще разъ предсѣдатель химическаго общества изложилъ передъ міромъ науки и публикой плоды нѣкоторыхъ новыхъ открытій въ царствѣ атомовъ, и эти открытія во всѣхъ отношеніяхъ оправдывали оккультныя ученія. Они были даже болѣе поражающи, чѣмъ положенія, высказанныя имъ въ первой лекціи, и заслуживаютъ вниманія каждаго оккультиста, теософа и метафизика. Вотъ что онъ говоритъ въ своихъ „Элементы и Мета-Элементы“, оправдывая обвиненія и предвидѣнія Сталло съ безбоязненностью научнаго ума, который любитъ науку ради правды, не обращая вниманія ни на какія послѣдствія для своей славы и репутаціи. Приводимъ его собственныя слова:

Позвольте мнѣ теперь, господа, привлечь на короткое время ваше вниманіе къ темѣ, касающейся основныхъ принциповъ химіи;—эта тема можетъ повести насъ къ допущенію возможнаго существованія тѣлъ, которыя не будучи ни составами, ни растворами, не есть въ то же время элементы въ строгомъ смыслѣ этого слова—эти тѣла я рѣшаюсь назвать «мета-элементами». Чтобы объяснить мою мысль, я долженъ вернуться къ нашему понятію

¹⁾ См. въ предыдущемъ отдѣлѣ VII „Жизнь, сила или тяжесть“, цитату изъ Anugita.

объ элементѣ. Что является критеріемъ элемента? Гдѣ должны мы провести границу между отдѣльнымъ существованіемъ и тождествомъ? Никто не сомнѣвается, что кислородъ, натрій, хлоръ, сѣра и пр. суть отдѣльные элементы и когда мы приходимъ къ такимъ группамъ, какъ хлоръ, бромъ, іодъ и пр., мы все-таки не чувствуемъ сомнѣнія, хотя, если бы допускались различныя степени «элементарности»—и когда-нибудь мы, возможно, придемъ къ этому—могло бы быть допущено, что хлоръ ближе подходитъ къ брому, чѣмъ къ кислороду, натрію или сѣрѣ. И опять никкель и кобальтъ близки одинъ къ другому, даже очень близки, хотя никто не сомнѣвается въ ихъ правахъ на названіе отдѣльныхъ элементовъ. Однако, я не могу удержаться спросить, каково было бы преобладающее мнѣніе среди химиковъ, если бы растворы этихъ тѣлъ и ихъ соединеній имѣли одинаковые цвѣта, вмѣсто того чтобы, говоря приблизительно, имѣть взаимно дополнительные цвѣта. Была ли бы ихъ различная природа узнана даже теперь? Когда мы идемъ дальше и переходимъ къ такъ называемымъ рѣдкимъ землямъ, почва подъ нашими ногами дѣлается менѣе надежной. Можетъ быть мы можемъ допустить скандій, иттербій и другія подобныя этимъ тѣла въ разрядъ элементовъ; но что мы должны сказать въ случаѣ празео—и нео-димія, между которыми, какъ слѣдуетъ сказать, не существуетъ ясно опредѣленной химической разницы, и ихъ требованіе на признаніе за ними отдѣльной индивидуальности основывается на легкихъ различіяхъ въ степени основности и способности къ кристаллизаціи, хотя ихъ физическія различія, какъ это показываютъ спектральныя наблюденія, выражены очень сильно? Даже здѣсь, какъ мы можемъ представить себѣ, мнѣніе большинства химиковъ склоняется на сторону мягкости и допустить эти два тѣла въ заколдованный кругъ. Будутъ ли они въ состояніи, дѣлая это, сослаться на какой-нибудь широкой принципъ, это открытый вопросъ. Если мы допустимъ этихъ кандидатовъ, то какъ, по справедливости, можемъ мы исключить цѣлыя серіи элементарныхъ тѣлъ или мета-элементовъ, съ которыми познакомили насъ Крюссъ и Нильсонъ? Здѣсь спектральныя различія ясно обозначены, въ то время, какъ мои собственныя изслѣдованія дидимія показываютъ также легкую разницу въ степени основности между, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыми изъ этихъ сомнительныхъ тѣлъ. Въ ту же самую категорію должны быть включены многочисленныя отдѣльныя тѣла, въ которыя разложены, и вѣроятно будутъ разлагаться иттрій, эрбій, самарій и другіе, такъ называемые «элементы». Гдѣ же тогда должны мы провести раз-

граничивающую линію? Различныя группы такъ незамѣтно переходятъ одна въ другую, что совершенно невозможно провести опредѣленную границу между двумя смежными тѣлами и сказать, что тѣло на этой сторонѣ границы есть элементъ, а на другой сторонѣ не элементъ, а просто нѣчто, притворяющееся элементомъ, или похожее на него. Если бы только на ясныхъ основаніяхъ могла бы быть проведена граница, безъ сомнѣнія было бы легко указать каждому тѣлу свое мѣсто, такъ какъ во всѣхъ случаяхъ классификаціи настоящая трудность представляется тогда, когда мы приближаемся къ границѣ. Легкія химическія различія, конечно, допускаются до извѣстной степени и также ясно выраженные физическія различія. Но что должны мы сказать, когда единственное химическое различіе есть почти незамѣтная тенденція для одного тѣла—изъ двухъ или изъ группы—осаждаться раньше, чѣмъ другое. Затѣмъ есть случаи, когда химическія различія почти исчезаютъ, хотя ясно выраженные физическія различія остаются. Здѣсь мы наталкиваемся на новую трудность:—въ такихъ потемкахъ, что химическое и что физическое? Не имѣемъ ли мы права назвать легкую тенденцію рождающагося аморфнаго осадка появляться раньше другого—«физической разницей»? И не можемъ ли мы назвать цвѣтныя реакціи,—зависящія отъ количества присутствующей опредѣленной кислоты, и видоизмѣняющіяся сообразно съ концентраціею раствора и съ употребляемымъ растворяющимъ веществомъ—«химическими различіями»? Я не вижу, какъ мы можемъ отказать въ характерѣ элемента тѣлу, отличающемуся отъ другого ясно выраженнымъ цвѣтомъ или спектральными реакціями, въ то время, какъ мы признаемъ элементомъ другое тѣло, единственное право котораго заключается въ самомъ маленькомъ различіи въ степени основности. Разъ открывъ дверь достаточно широко, чтобы допустить нѣкоторыя спектральныя различія, мы должны изслѣдовать, какъ мало то различіе, которое даетъ кандидату право пройти? Я приведу изъ своей практики примѣры нѣкоторыхъ изъ этихъ сомнительныхъ кандидатовъ.

Дальше знаменитый химикъ приводитъ нѣсколько случаевъ совершенно необыкновенныхъ реакцій молекулъ и веществъ, по видимому тождественныхъ, но которыя, однако, при очень внимательномъ изслѣдованіи обнаруживали различія, которыя хотя и были очень малы, но все-таки показывали, что это не простыя тѣла и что 60 или 70 элементовъ, принятыхъ въ химіи, не могутъ болѣе удовлетворять науку. Ихъ имя, по видимому, легионъ,

но такъ какъ такъ называемая „періодическая система“ стоитъ на дорогѣ неограниченнаго умноженія элементовъ, то Круксъ принужденъ находить способы примиренія новаго открытія со старой теоріей. „Эта теорія“, говоритъ онъ:

получила такія обильныя подтвержденія, что мы не можемъ легко принять какія-нибудь объясненія явленій, несогласныя съ ней. Но если мы предположимъ, что элементы сопровождаются большимъ количествомъ тѣлъ, слегка отличающихся одно отъ другого по свойствамъ и образующихъ, если можно употребить это выраженіе, агрегаты туманностей тамъ, гдѣ мы раньше видѣли или думали, что видимъ, отдѣльныя звѣзды, періодическое распредѣленіе не можетъ быть больше опредѣленно схвачено. То есть не больше, если мы удержимъ наше обычное понятіе объ элементѣ. Поэтому попробуемъ измѣнить это понятіе. вмѣсто «элемента» будемъ говорить «элементарная группа»,—такія элементарныя группы займутъ мѣсто прежнихъ элементовъ въ періодической системѣ—и трудность отпадетъ. Опредѣляя элементъ, возьмемъ не внѣшнюю границу, а внутренній типъ. Скажемъ, напр., что мельчайшее вѣсомое количество иттрія есть собраніе первоначальныхъ атомовъ, почти бесконечно болѣе похожихъ другъ на друга, чѣмъ они похожи на атомы любого, близкостоящаго элемента. Отсюда вовсе не слѣдуетъ необходимости, чтобы атомы были абсолютно одинаковы между собой. Атомный вѣсъ, который мы приписывали иттрію, поэтому просто представляетъ собой среднее значеніе, кругомъ котораго, въ извѣстныхъ предѣлахъ, группируются дѣйствительныя вѣса индивидуальныхъ атомовъ «элемента». Но если мое предположеніе основательно, и мы могли бы отдѣлить атомы одинъ отъ другого, то мы нашли бы, что они разнятся въ узкихъ предѣлахъ по обѣ стороны средняго. Самый процессъ дробленія предполагаетъ существованіе такихъ различій въ нѣкоторыхъ тѣлахъ.

Такимъ образомъ фактъ и правда еще одинъ разъ руководили рукой „точной“ науки и принудили ее расширить свои взгляды и измѣнить термины, которые маскируя множество, сводили его къ одному тѣлу—подобно семеричнымъ Элогимамъ и ихъ легіонамъ, превращеннымъ матеріалистическими религіями въ одно понятіе. Забудьте химическіе термины „молекула“, „атомъ“, „частица“ и пр. словами „легіонъ“, „монада“, „Девы“ и пр. и мы можемъ повѣрить, что описывается возрожденіе Боговъ, первичная эволюція манвантарическихъ *сознательныхъ* слягъ.

Но ученый лекторъ прибавляетъ къ своимъ описательнымъ замѣчаніямъ нѣчто еще болѣе внушительное; сознательно ли, или безсознательно, кто знаетъ! Потому что онъ говоритъ:

До недавняго времени такія тѣла проходили, какъ элементы. Они имѣли опредѣленные свойства, химическія и физическія; они имѣли признанный атомный вѣсъ. Если мы возьмемъ чистый жидкій растворъ такого тѣла, напр., иттрія, и если мы прибавимъ къ нему излишекъ крѣпкаго раствора амміака, мы получимъ осадокъ, который кажется совершенно однороднымъ. Но если вмѣсто того мы прибавимъ очень разведеннаго раствора амміака въ количествѣ, достаточномъ только для того, чтобы осадить одну половину основнаго вещества, мы не получимъ немедленнаго осадка. Если мы помѣшаемъ все очень основательно для того, чтобы обезпечить однородную смѣсь раствора и амміака и поставимъ сосудъ постоять одинъ часъ, старательно закрывъ его отъ пыли, мы можемъ найти жидкость прозрачной и чистой, безъ всякаго признака мути. Черезъ три или четыре часа, однако, появится радужный отливъ и на слѣдующее утро появится осадокъ. Теперь спросимъ себя, какое можетъ быть значеніе этого явленія? Количество добавленнаго осаждающаго вещества было недостаточно для того, чтобы осадить болѣе половины присутствующаго иттрія, поэтому въ теченіе нѣсколькихъ часовъ шель процессъ, родственннй отбору. Осадокъ очевидно *совершался не случайно*; разлагались тѣ молекулы основанія, которыя приходили въ соприкосновеніе съ соотвѣтствующими молекулами амміака,—такъ какъ мы позаботились, чтобы жидкости были равномѣрно перемѣшаны, такъ что одна молекула взятой соли нисколько не болѣе подвергалась разложенію, чѣмъ другая. Если дальше мы обращаемъ вниманіе на время, которое протекало прежде появленія осадка, мы *не можемъ не придти къ заключенію, что дѣйствіе, происшедшее въ теченіе первыхъ часовъ, имѣетъ характеръ отбора*. Проблема заключается не въ томъ, почему произошелъ осадокъ, но въ томъ, что опредѣляетъ или направляетъ одни атомы на то, чтобы осаждаться, а другіе на то, чтобы оставаться въ растворѣ. Изъ множества присутствующихъ атомовъ, *какая сила направляетъ каждый атомъ избирать свойственннй ему путь? Мы можемъ представить себѣ какую-то направляющую силу, разсматривающую атомы одинъ за другимъ и избирающую одинъ для осадка и другой для раствора, пока всѣ не попадутъ на свои мѣста*.

Курсивъ въ приведенномъ отрывкѣ принадлежитъ намъ. Чис-

ловѣкъ науки, дѣйствительно, съ большимъ основаніемъ можетъ спросить себя, что это за сила, которая направляетъ каждый атомъ? И что значить, что ея дѣятельность имѣетъ характеръ *отбора*. Теисты разрѣшаютъ этотъ вопросъ, отвѣтивъ, что это „Богъ“; и слѣдовательно ничего не разрѣшаютъ философски. Оккультизмъ отвѣчаетъ, стоя на своей пантеистической почвѣ и учить о богахъ, монадахъ и атомахъ. Ученый лекторъ видитъ въ этомъ то, что для него важнѣе всего: указательные столбы и слѣды пути, который можетъ повести къ открытію, и къ полному и совершенному выясненію однороднаго элемента въ природѣ. Онъ замѣчаетъ:

Для того, чтобы могъ быть произведенъ такой выборъ, очевидно должны быть какія-нибудь легкія различія, между которыми можно выбирать, и это различіе почти навѣрное должно быть различіемъ въ степени основности, такимъ легкимъ, что оно почти неощутимо для любого извѣстнаго въ настоящее время испытанія,—но воспримчивымъ къ вскармливанію и къ подбодренію до той точки, когда разница уже можетъ быть замѣчена обыкновенными испытаніями.

Оккультизмъ, который знаетъ о существованіи и присутствіи въ природѣ единаго вѣчнаго элемента, при первой дифференціи котораго, періодически появляются корни древа жизни, не нуждается въ научныхъ доказательствахъ. Онъ говоритъ:—древняя мудрость разрѣшила эту проблему много вѣковъ назадъ. Да, серьезный, какъ и насмѣшливый читатель, наука медленно, но вѣрно приближается къ областямъ оккультнаго. Ея собственныя открытія волей-неволей принуждаютъ ее принимать нашу фразеологию и наши символы. Химическая наука теперь, самой силой вещей, принуждена принять даже нашу иллюстрацію эволюціи боговъ и атомовъ, такъ многозначительно и несомнѣнно изображенную въ жезлѣ (кадуцѣ) Меркурія, бога мудрости, и на аллегорическомъ языкѣ архаическихъ мудрецовъ. Комментарій въ эзотерической доктринѣ говоритъ:

Стволь Ашваттха (древо жизни и существованія, жезлъ кадуцея) произрастаетъ и нисходитъ при каждомъ началѣ (при каждой новой манвантарѣ) отъ двухъ темныхъ крыльевъ лебедя (Ханза) жизни. Дѣтъ змьи, вѣчно живущая, и ея иллюзія (духъ и матерія), бѣтъ головы которыхъ растутъ изъ одной головы между крыльями, нисходятъ вдоль стволовъ, переплетенныя въ тѣсномъ объятіи. Два хвоста соединяются на землѣ (проявленная вселенная) въ одно, и это есть великая иллюзія. о .мну!

Всякій знаетъ, что такое кадуцей, значительно измѣненный греками. Оригинальный символъ—съ тройной головой змѣи—былъ измѣненъ въ жезлъ съ шишкой, и двѣ нижнія головы раздѣлились нѣсколько исказивъ, такимъ образомъ, оригинальное значеніе. Однако этотъ жезлъ Лайя, обвитый двумя змѣями, остается хорошей иллюстраціей для нашей цѣли. Поистинѣ удивительная сила магическаго кадуцея воспѣвалась всѣми древними поэтами, и это имѣло серьезныя основанія для тѣхъ, кто понималъ тайное значеніе.

Теперь посмотримъ, что говоритъ ученый предсѣдатель химическаго общества Великобританіи въ той же самой лекціи, по поводу того, что имѣеть нѣкоторое отношеніе къ нашей вышеупомянутой доктринѣ. Онъ говоритъ очень мало; только вотъ что и больше ничего:

Въ Бирмингамской рѣчи, на которую я уже ссылаюсь, я просилъ мою аудиторію нарисовать себѣ картину дѣйствія двухъ силъ на первоначальный протиль; изъ нихъ одна сила, время, сопровождаемое пониженіемъ температуры; другая, качаясь туда и сюда, подобно могущественному маятнику, имѣющему періодическіе циклы прилива и отлива, покоя и дѣятельности, близко соединенная съ невѣсомой матеріей, сущностью или источникомъ энергіи, которую мы называемъ электричествомъ. Нужно замѣтить, что примѣръ, какъ этотъ, достигаетъ своей цѣли, если онъ укрѣпляетъ въ умѣ тотъ опредѣленный фактъ, для выраженія котораго онъ былъ предназначенъ, но не слѣдуетъ ожидать отъ него, что онъ окажется въ соотвѣтствіи со всѣми фактами. Кромѣ пониженія температуры и періодическаго прилива и отлива электричества, положительнаго или отрицательнаго, необходимаго для перенесенія на вновь рожденные элементы свойственной имъ атомности, очевидно, необходимо принимать въ соображеніе еще третій факторъ. Природа дѣйствуетъ не на плоской поверхности; она требуетъ пространства для своихъ космогеническихъ операцій, и если мы введемъ пространство, какъ третій факторъ, все станетъ ясно. Въмѣсто маятника, который, хотя и является хорошей иллюстраціей, но невозможенъ самъ по себѣ, поищемъ болѣе удовлетворительное изображеніе того, какъ я представляю себѣ, могло случиться. Предположимъ линію, идущую зигзагомъ, не начерченную на плоскости, но проэктированную въ пространство трехъ измѣреній. Какую фигуру, лучше всѣхъ удовлетворяющую поставленнымъ условіямъ, должны мы избрать? Многіе факты могутъ быть хорошо объяснены,

предположивъ, что предложенная проф. Эмерсономъ Рейнольдсомъ зигзагообразная кривая, проектированная въ пространство, есть спираль. Эта фигура, однако, недопустима, тѣмъ болѣе, что кривая должна проходить черезъ точку, нейтральную по отношенію къ химической энергіи и къ электричеству, дважды въ каждомъ циклѣ. Поэтому мы должны принять какую-нибудь другую фигуру. Фигура восьмерки (8) или лемниската можетъ переходить въ зигзагъ такъ же хорошо, какъ спираль и удовлетворяетъ всѣмъ условіямъ задачи.

Лемниската для инволюціи внизъ, отъ духа къ матеріи; другая форма спирали, можетъ быть, для эволюціоннаго пути вверхъ, отъ матеріи къ духу; и необходимое постепенное и окончательное погруженіе въ состояніе *майя*, то, что наука называетъ по своему „точкой нейтральной по отношенію къ электричеству“, или *нулевой* точкой. Таковы оккультные факты и предположенія. Они спокойно и съ довѣріемъ могутъ быть предоставлены наукѣ, когда-то они будутъ доказаны. Послушаемъ однако еще относительно первобытнаго генетическаго типа символическаго кадуцея.

Такая фигура явится результатомъ трехъ очень простыхъ одно-временныхъ движеній. Во-первыхъ, простое колебаніе взадъ и впередъ (положимъ на востокъ и на западъ), потомъ качаніе подъ прямымъ угломъ къ первому (положимъ на югъ и на сѣверъ), въ половину періода перваго качанія, т. е. вдвое быстрѣе, и въ третьихъ, движеніе подъ прямымъ угломъ къ этимъ двумъ (положимъ внизъ), которое въ своей простѣйшей формѣ происходило бы съ немѣняющейся быстротой. Если мы проэктируемъ эту фигуру въ пространство, мы найдемъ при изслѣдованіи, что точки кривыхъ, гдѣ образуются хлоръ, бромъ и іодъ приходятся близко одна подъ другой; тоже происходитъ съ сѣрой, селеніемъ и теллуриемъ; затѣмъ съ фосфоромъ, мышьякомъ и сурьмой и подобнымъ же образомъ съ серіями аналогичныхъ тѣлъ. Можетъ быть заданъ вопросъ, объясняютъ-ли эта схема, какъ и почему элементы появляются въ такомъ порядкѣ? Представимъ себѣ циклическое перемѣщеніе въ пространствѣ, и что каждая эволюція будетъ свидѣтелемъ зарожденія группы элементовъ, которые я первоначально представилъ, какъ образованныхъ въ теченіе одного полнаго колебанія маятника. Предположимъ, что одинъ циклъ былъ такимъ образомъ завершенъ, причѣмъ центръ неизвѣстной созидательной силы, въ ея могущественномъ движеніи черезъ пространство, разбросалъ по своему пути первоначальные атомы—сѣмена, если можно